Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПОМОРСКИЙ ГОСУДАСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА»

На правах рукописи

РЕПНЕВСКИЙ Виталий Андреевич

Эволюция политики СССР/РФ в отношении Финляндии, Норвегии и Швеции (70 – 90-е гг. XX века)

Специальность
07.00.15 – История международных отношений
и внешней политики

диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель – доктор исторических наук,
профессор **В.И. Голдин**

Архангельск - 2006

Оглавление.

ВВЕДЕНИЕ……..3

Глава I. СССР И СТРАНЫ СКАНДИНАВСКОГО ПОЛУОСТРОВА В 70-Е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА
§1. Опыт и исторические уроки взаимоотношений СССР с Финляндией, Норвегией и Швецией к началу 1970-х годов……..24
§2. Внешнеполитическая деятельность СССР в отношении стран Скандинавского полуострова в условиях разрядки…….42

Глава II. ПОИСК НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ПРАКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СССР С ФИНЛЯНДИЕЙ, ШВЕЦИЕЙ И НОРВЕГИЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ «ПЕРЕСТРОЙКИ» (1985 - 1991 ГОДЫ)
§1. Развитие отношений Советского Союза со странами Скандинавского полуострова в середине 1980-х годов……74
§2. «Мурманские инициативы» и эволюция взаимоотношений СССР со скандинавскими странами и Финляндией 1987 – 1991 годы……...87

Глава III. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДВУХСТОРОННИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ С ФИНЛЯНДИЕЙ, ШВЕЦИЕЙ И НОРВЕГИЕЙ В 1990-Е ГОДЫ
§1. Формирование основ внешнеполитической деятельности России с государствами Скандинавского полуострова в начале 1990-х годов……..101
§2. Взаимоотношения России с Финляндией, Норвегией и Швецией (1993/94 – 2000 годы) …….114

Глава IV. МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ И СССР/РФ В 1970-Х – 1990-Х ГОДАХ
§1. Налаживание многостороннего регионального сотрудничества в системе международных отношений на Севере Европы во второй половине XX века и Советский Союз……..129
§2. Россия в международном региональном взаимодействии на Европейском Севере в 90-е годы XX века……..……152

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……....169

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ…….....176

ПРИЛОЖЕНИЯ……....210

ВВЕДЕНИЕ

Последнее тридцатилетие XX века отмечено трансформацией и распадом Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, сложившейся после второй мировой войны. В указанный период изменились внешнеполитические цели, стратегия, дипломатия СССР/России[1], возросло и значение североевропейского вектора отечественной внешней политики. В 1970-е - 1980-е годы важность этого направления определялась, прежде всего, соприкосновением СССР с блоком НАТО на советско-норвежской границе, наличием характерной для эпохи холодной войны структуры военно-политического равновесия и безопасности, именуемой «северным балансом». Но уже тогда на Европейском Севере зародились новые тенденции: Север Европы стал местом проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в Хельсинки был подписан его Заключительный акт, развивалось региональное сотрудничество. Дальнейшее быстрое возрастание значимости региона, а с ним и всего североевропейского направления советской и российской внешнеполитической деятельности определялось и тем, что на шельфе Баренцева моря северными странами началось активное освоение нефтегазовых месторождений. Тезис о возрастающем значении североевропейского направления внешней политики находит подтверждение и в формулировках современной внешнеполитической концепции Российской Федерации. Одной из главных её задач является формирование пояса добрососедства по периметру российских границ, что прямо относится к развитию региональной и субрегиональной интеграции России, Финляндии, Норвегии и Швеции[2].

Эти обстоятельства обусловили потребность в изучении взаимоотношений СССР/РФ с названными странами в 1970-е – 1990-е годы с целью

---

[1] Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны. См.: Конституция Российской Федерации. – М., 1997. – С. 4. (Ст. 1, п. 2.)

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации (2000 год) // Международная жизнь. – 2000. – №8-9. – С. 3-14.

научного осмысления накопленного исторического опыта, выявления позитивной и негативной преемственности в отношениях, оценки перспектив их развития в условиях глобализации.

На сегодняшний день в отечественной литературе существует значительное количество научных, научно-популярных и публицистических изданий по истории взаимоотношений СССР/России со «странами Скандинавского полуострова». Норвегия, Швеция и северо-западная часть Финляндии расположены на Скандинавском полуострове. Как следствие, диссертант, используя обозначенный выше термин в целях обобщения на уровне субрегиона, подразумевает три названных государства.

Всю историографию проблемы можно дифференцировать в соответствии с тематическим принципом на два блока: а) «контекстный», б) «конкретный».

В работах, относящихся к «контекстному блоку», изучение двухсторонних отношений периода 70-х – 90-х годов XX века проводится в контексте рассмотрения общей истории тех или иных государств региона, их внешней политики и контактов между ними. Такие публикации содержат объемный фактический материал, на основе которого диссертант постарался отследить взаимосвязь и динамику международных событий глобального и регионального масштабов.

Исследования «конкретного блока» посвящены частным, хотя и достаточно крупным проблемам как двухсторонних отношений, так и всего региона (например, вопросам безопасности, попыткам создания безъядерной зоны, противостояния СССР с Североатлантическим альянсом, политике регионализма, экономическому и культурному сотрудничеству, спорным вопросам и т.д.).

Отечественную научную литературу по теме можно дифференцировать и по хронологическому принципу на два периода: 1**)** 1970-е – конец 1980-х годов; 2**)** начало 1990-х годов – до настоящего времени. Граница между периодами обусловлена тем, что с 90-х годов XX века начался каче-

ственно новый этап в изучении истории взаимоотношений СССР со скандинавскими странами. Он связан, во-первых, с открытием новых пластов отечественных документов, возросшей доступностью зарубежных архивов и библиотек, отказом от единой исследовательской методологии, большей свободой оценочных суждений и авторских интерпретации, во-вторых, с поиском и постепенным оформлением новой системы принципов и приоритетов внешнеполитического курса Российской Федерации вообще, и на данном направлении в частности.

Необходимо отметить, что в научной литературе не существует крупных специальных исследований, посвящённых анализу развития внешнеполитической деятельности СССР/России в отношении стран Скандинавского полуострова в целом в указанные временные рамки. Тем не менее, диссертантом отмечается наличие значительного количества отечественной и зарубежной литературы, имеющей прямое или косвенное отношение к исследуемой проблеме. Однако в основном это аналитические статьи в научных журналах и сборниках или публикации, где этой теме уделяется место либо в контексте смежных исследований, либо рассматриваются только отдельные элементы отечественной внешнеполитической деятельности.

Охарактеризуем наиболее значимые работы по теме исследования, в которых участию Советского Союза и России в международных отношениях изучаемого региона уделяется повышенное внимание.

Особое место в работах советских исследователей уделялось изучению советско-финляндского сотрудничества во второй половине XX века. Авторы рассматривали двухстороннее взаимодействие сугубо через призму анализа «Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1948 года». Считалось, что этот документ навсегда предопределил развитие советско-финляндских связей на основе добрососедства[1]. После крушения

[1] Бартеньев Т.В. Тридцать лет добрососедства. К истории советско-финских отношений. – М., 1976; Воронков Л.С., Сенюков Ю.П. Финляндия – наш северный сосед. –

СССР в российской историографии происходит отход от категорично положительной оценки Договора 1948 года и советско-финляндских взаимоотношений второй половины XX века. Договор, предпосылки его появления, историческое значение были подвергнуты критическому осмыслению[1].

Развитие внешней политики Швеции, осуществляемой в условиях холодной войны, а также эволюция советско-шведских связей в 70-80-е годы XX века советскими исследователями оценивались в основном позитивно. Акцент, как правило, ставился на достижениях двухстороннего сотрудничества в области торговли, культурного обмена, сходстве подходов к решению многих вопросов мировой дипломатии[2]. Таким образом, поддерживалось неучастие Швеции в блоке НАТО, что в целом положительно характеризовалось и советским руководством.

Тема советско-норвежского взаимодействия 70-80-х годов XX века в советской научной литературе освещена слабо. Если это и осуществлялось, то обычно в узком контексте военно-политического противостояния в североевропейском регионе[3].

Экономические связи Советского Союза с североевропейскими странами в 1960-х - начале 1980-х годов, их достижения, проблемы и перспективы изучались Н. Герасимовым, Л.Д. Градобитовой, В.И. Тополя,

---

М., 1977; Комиссаров Ю.Д. Линия Паасикиви – Кекконена: история, современность, перспективы. – М., 1985; Похлебкин В.В. СССР-Финляндия: 260 лет отношений. – М., 1975; Фёдоров В.Г. Советский Союз и Финляндия: добрососедство и сотрудничество. – М., 1988.

[1] Комаров А.А. Окончание второй мировой войны и советские интересы в Финляндии и Норвегии (1944-1947) // Северная Европа: проблемы истории. Выпуск 3. – М., 1999. – С. 220-232; Коробочкин М.Л. Политика СССР в отношении Финляндии и Норвегии. 1947-1953 // Северная Европа: проблемы истории. Выпуск 3. – М., 1999. – С. 233-249.

[2] Антонов А.С. Швеция: противоречивые процессы развития. – М., 1977; Кан А.С. История Скандинавских стран (Дания, Швеция, Норвегия). – М., 1980; Воронков Л.С. Северная Европа: общественность и проблемы внешней политики. – М., 1976; Он же. Страны Северной Европы в современных международных отношениях. – М., 1980; Он же. Советский Союз и страны Северной Европы. – М., 1975.

[3] Воронков Л.С. Указ. соч.; История Норвегии / Отв. ред. А.С. Кан – М., 1980; Чхиквишвили В.И. Основные проблемы внешней политики Норвегии (1970-1983 гг.). Автореф. дисс…канд. ист. наук. - М., 1984.

Ю. Пискуловым. Эти авторы пришли к выводу о прогрессивных тенденциях в данном виде двухстороннего сотрудничества[1].

Взаимодействие СССР со всеми североевропейскими странами в период холодной войны советскими исследователями рассматривалось сквозь призму соотношения военно-политических сил на Севере Европы или так называемого «северного баланса»[2]. Например, Ю.И. Лавров признавал существование «северного баланса» и считал его реально действующей системой безопасности, сложившейся во второй половине XX века. С этим согласен и А.Б. Левакин. В своей работе он изучил влияние регионального сотрудничества на военно-политическую напряжённость в регионе.

По мнению С. Моргачёва, концепция «северного баланса» в виде модели саморегулирующейся системы безопасности вряд ли совместима с действительностью. Он считает, что если понимать под «северным балансом» определённую стабильность, устойчивость и равновесие, то таковые показатели отсутствовали, ибо на Севере Европы перманентно повышался

---

[1] Герасимов Н. Экономические отношения СССР со Скандинавией // Международная жизнь. – 1972. - №2. – С. 147-149; Градобитова Л.Д., Пискулов Ю.В. Экономика и политика стран Скандинавии: Экономический фактор во внешней политике Швеции, Норвегии, Дании. – М., 1986; Тополя В.И., Пискулов Ю. Хозяйственные связи СССР и Северной Европы // Мировая экономика и международные отношения. – 1980. - №2. – С. 82-88; Тополя В.И. СССР – Северная Европа: взаимовыгодные экономические связи. – М., 1983.

[2] Воронков Л.С. Указ. соч.; Голошубов Ю.И. Страны Северной Европы и проблемы европейской безопасности. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – М., 1969; Он же. Скандинавия и европейская безопасность. – М., 1971; Комиссаров Ю.Д. Проблема мира и безопасности на Севере Европы // Международная жизнь. – 1985. - №6. - С. 65-74; Он же. Безопасность и сотрудничество: опыт европейского севера. – М., 1989; Лавров Ю. Североевропейский вариант политики безопасности // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. - №11. - С. 112-120; Левакин А.Б. Региональное сотрудничество и проблемы безопасности: Опыт скандинавских стран. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – М., 1993; Моргачёв С. К вопросу о «северном балансе» // Мировая экономика и международные отношения. – 1988. - №1. – С. 104-108; Воронов К.В. Россия и процесс формирования системы безопасности на Севере Европы в 90-х годах: (позиции и особенности курсов Норвегии, Швеции и Финляндии). - М., 1997; Он же. Страны Севера и новая трансформация системы европейской безопасности в постбиполярный период (1990-е годы) // Северная Европа: проблемы истории. Выпуск 3. – М., 1999. – С. 265-284; Он же. Россия в североатлантическом регионе: цена сближения // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. - №7. – С. 28-39.

уровень военно-политической напряженности. Схожую оценку дал и советский исследователь Л.С. Воронков. Более того, он полагал, что «северный баланс» являлся серьёзным препятствием к углублению сотрудничества и развитию безопасности в регионе. По его мнению, теория «северного баланса» предназначалась для того, чтобы оправдать членство в НАТО трёх скандинавских стран (Дании, Исландии и Норвегии) интересами обеспечения их безопасности и запугиваниями «советской угрозой» удержать их в блоке. Подобного мнения придерживался и Ю.Д. Комиссаров. Этот исследователь полагал, что концепция «северного баланса» закрепляла приоритет силовых факторов в решении проблем безопасности, отводя НАТО роль гаранта стабильности.

Изучению проблем системы безопасности на Европейском Севере в 1990-е годы посвятил ряд работ К.В. Воронов. По оценке этого исследователя, окончание холодной войны и сохранение НАТО привело к военно-политическому дисбалансу. Тем самым сохранилась высокая степень напряжённости в регионе, что, в свою очередь, негативно сказывалось на развитии сотрудничества России со странами Северной Европы.

В 1990-е годы в связи с активизацией многостороннего трансграничного регионального сотрудничества на Европейском Севере, участием в нём субъектов Российской Федерации сложился и пласт научной литературы, изучающий его достижения, проблемы и перспективы, а также место и роль России в этом процессе. Особенностью данного направления историографии (как отечественной, так и зарубежной) явилось то, что оно во многом ассимилировало исследования, посвящённые анализу двухсторонних отношений России с североевропейскими странами. Например, А.И. Смирнов, изучая российско-норвежское взаимодействие, пришёл к выводу о том, что тесное сотрудничество указанных стран в рамках СБЕАР[1] обусловлено не только обоюдным стремлением разрешить насущные проблемы 1990-х годов, но и наличием солидного позитивного исто-

[1] Совет Баренцева Евро-Арктического региона.

рического опыта[1]. Достоинством монографии А.И. Смирнова является то, что он изучил и оценил значение российско-норвежских отношений в развитии Баренцева сотрудничества комплексно, на трёх уровнях: национальном, региональном и европейском.

Внешнеполитические и внешнеэкономические связи в СБЕАР, развитие международного сотрудничества на Европейском Севере с участием России исследовала Е.В. Сыченкова[2]. Она пришла к заключению, что развитие связей в 1990-е годы через северную границу Запада и Востока в рамках региональных организации и программ шло динамично и эффективно.

В российской литературе можно выделить две тенденции в оценке истории и перспектив развития регионального сотрудничества России с североевропейскими странами. К первой отнесем работы, в которых происходившие процессы рассматривались преимущественно с позиций реальных приобретений и вероятных выгод[3]. Вторая тенденция представлена более

---

[1] Смирнов А.И. Мурманский коридор. – Мурманск, 1998; Он же. Баренцев – Евроарктический регион: российско-норвежские отношения. - М., 2002.

[2] Сыченкова Е.В. Совет Баренцева-Евроарктического региона: особенности внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Автореф. дисс. … канд. полит. наук. – М., 1998; Она же. Европейский Север России: реалии и перспективы международного сотрудничества. – Мурманск, 1999; Она же. Особенности интеграционных процессов на Севере Европы // Реформирование России и современный мир. – М., 1999. – С. 154-169; Она же. Инициативы «Северного измерения» и развитие политического сотрудничества в Баренцевом регионе // Северное измерение и сотрудничество ЕС-Россия. – М., 2000. – С. 96-117.

[3] Антюшина Н. Стратегия ЕС и судьбы «Северного измерения» // Современная Европа. – 2002. - №1. – С. 71-77, - №3. – С. 85-92; Булатов В.Н., Шалёв А.А. Баренцев Евро-Арктический Регин и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. – Архангельск, 2001; Деркач М. Программа «Северное измерение» и интересы России // Полис. – 2002. - №1. – С. 170-175; Крылов С. Сотрудничество на Севере Европы // Международная жизнь. – 1996. - №9. – С. 41-46; Матвиенко В.И. Центр и регионы во внешней политике России // Международная жизнь. – 1996. - №8. – С. 11-19; Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: От первых контактов до Баренцева сотрудничества: Учебное пособие / Ред. совет Р.А. Нильссен, Й.П. Нильсен, В.А. Карелин, А.А. Киселёв, Е.Л. Крикун. – Мурманск, 2001; Разумнова Л., Балтенкова О. Расширение ЕС: «Северное измерение» // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. - №12. – С. 84-90; Романов С. Российские регионы в трансграничном сотрудничестве // Международная жизнь. 1997. - №11-12. - С. 100-110; Романов С. Межрегиональное сотрудничество на Севере Европы // Международная жизнь. – 1998. - №3. – С. 32-39.

взвешенным критичным подходом специалистов, акцентирующих внимание на сложностях и проблемах той или иной сферы сотрудничества. Указывая на сложности в развитии взаимоотношений, они одновременно предлагают пути разрешения спорных вопросов и проблем[1].

Сравнивая издания советского и постсоветского времени, можно утверждать, что североевропейскому направлению отечественной внешней политики, анализу событий ее истории уделено значительно больше внимания именно в 1990-е – 2000-е годы. Это особенно касается Норвегии и Швеции. После распада СССР, рассекречивание целых пластов новых архивных документов, налаживание тесных личных контактов отечественных и иностранных учёных способствовало быстрому подъему отечественной нордистики. Кроме действовавших ранее традиционных центров скандинавистики (Москва и Ленинград/Санкт-Петербург) сформировались или развились сильные региональные научные группы в Петрозаводске, Архангельске и Мурманске. Стали выходить в свет серии центральных академических и региональных научных и научно-публицистических сборников, журналов[2]. Появились и новые учебные пособия, в том числе

---

[1] Воронов К.В. «Северное измерение»: затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. - №2. – С. 76-86; Голдин В.И. Баренцев Евро-Арктический регион: уроки истории, современность, будущее // Баренц-журнал. – 2002. - №1. - С.53-61; Он же. Международное сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе: десять лет истории и взгляд в будущее // Баренц-журнал. – 2003. - №1(3). – С. 4-18; Дерябин Ю. «Северное измерение» и интересы России // Современная Европа. – 2000. - №4. – С.50-60; Залывский Н.П. Стратегические аспекты интеграции севера России в «Северное измерение» // Вестник «Баренц-центра» МГПИ. – Мурманск, 2002. - №3. - С. 36-44; Он же. «Северное измерение» экономической стратегии Европы в контексте развития Архангельской области // Северное измерение и сотрудничество ЕС-Россия. – М., 2000. - С. 153-166; Реут О.Ч. Россия регионов и «Северное измерение» // Десять лет внешней политики России. – М., 2003. – С. 682-688; Сергунин А.А. Россия и «Северное измерение» политики ЕС: проблемы и возможности сотрудничества // Северное измерение и сотрудничество ЕС-Россия. – М., 2000. – С. 7-43; Он же. «Северное измерение» как фактор субрегиональной безопасности в Северо-Восточной Европе // Десять лет внешней политики России. – М., 2003. – С. 689-707; Трынков А. «Северное измерение» как решение проблем Северо-запада России // Северное измерение» и сотрудничество ЕС-Россия. – М., 2000. - С. 66-96.

[2] Северная Европа: проблемы истории / Отв. ред. О.В. Чернышёва. – М., 1988, 1995, 1999, 2003, 2005 гг.; Скандинавские чтения. – СПб., 1997, 1999, 2001, 2003, 2005 гг.; Санкт-Петербург и страны Северной Европы / Под ред. В.Н. Барышникова. – СПб., 1999, 2002, 2003, 2004, 2005; Конференции по изучению истории, экономики, литера-

выпущенные совместно с зарубежными исследователями[1]. 2004 год отмечен появлением коллективной работы российских и норвежских исследователей «Россия – Норвегия. Сквозь века и границы»[2]. Это юбилейное издание (в честь 100-летия подписания дипломатических отношений России и Норвегии) носит энциклопедический характер.

В 1994 и 1997 годах вышли спецвыпуски журнала «Международная жизнь», посвящённые анализу отношений России с Финляндией и Норвегией, их перспективам и трудностям[3]. На страницах этих изданий опубликованы статьи, касающиеся хроники развития контактов, анализа спорных проблем, речи и выступления глав правительств, статистическая информация и другие важные документы двухстороннего взаимодействия.

Итак, по мнению диссертанта, серьезное развитие советской и особенно российской нордистики свидетельствует не только о росте общественного интереса к проблеме взаимоотношений СССР/России с Финляндией, Норвегией, Швецией и другими государствами Северной Европы. Оно также является доказательством возросшего значения стран Скандинавского полуострова во внешнеполитической деятельности СССР/Российской Федерации.

Переходя к рассмотрению зарубежной историографии по истории и современным проблемам международного взаимодействия в североевропейском регионе, следует отметить, что она тоже очень представительна. Однако иностранные авторы в значительно меньшей степени уделяли внимание внешнеполитической деятельности СССР/России и её роли в разви-

---

туры и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. - ,М., Петрозаводск, 1997; Архангельск, 2001, М., 2004; Баренц-журнал. – Архангельск, 2003 – 2006; Вестник «Баренц-центра МГПУ» - Мурманск, 1999 - 2003.

[1] Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: От первых контактов до Баренцева сотрудничества: Учебное пособие / Ред. совет Р.А. Нильссен, Й.П. Нильсен, В.А. Карелин, А.А. Киселёв, Е.Л. Крикун. – Мурманск, 2001; Булатов В.Н., Шалёв А.А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: Международное сотрудничество. История и современность. – Архангельск, 2001, 2005.

[2] Россия-Норвегия. Сквозь века и границы. – М., 2004.

[3] Международная жизнь. – 1994. - №12 (Внешняя политика Финляндии. Сборники статей. Спецвыпуск.); Международная жизнь. – 1997. - №5. (Россия – Норвегия. Статьи. Документы. Спецвыпуск).

тии международных отношений на Севере Европы. Как следствие, диссертант остановится на анализе только той части зарубежной литературы, которая имеет самое непосредственное отношение к теме исследования.

Во времена холодной войны за рубежом сложился внушительный объём литературы, в которой развитие международных отношений в регионе оценивается через призму анализа военно-политического противостояния. Характерной чертой этих работ является попытка устрашения правящих кругов и общественности североевропейских стран советской угрозой, укрепления образа агрессора в лице СССР[1].

Изучению советско/российско-финляндских отношений послевоенного периода, их анализу в зарубежной историографии посвящёно большое количество публикаций. Очевидным отличием работ 1990-х годов XX века от предшествующих изданий является значительно более критическое осмысление Договора 1948 года, который оценивается как документ, во многом навязанный Финляндии и, в первую очередь, выгодный Советскому Союзу. Тем не менее, большинством исследователей Договор всё-таки признаётся естественным следствием итогов второй мировой войны[2].

Взаимодействие СССР/России со Швецией в последнюю треть XX века в иностранной научной литературе рассматривается либо в рамках общей многовековой истории взаимоотношений этих стран, либо в контексте военно-политического противостояния в регионе, либо в русле

---

[1] Ausland J.C. Nordic Security and the Great Powers. – Colorado, 1986; Berner Ö. Sovjetunionen och Norden: Samarbete, säkerhet och konflikter under temtio år. - Stockholm, 1985; Britain and NATO's northern flank / ed. by L. Freedman. – London, 1988; Fitzmaurice J. Security and Politics in the Northern Area. – Newcastle, 1987; Five roads to Nordic Security / ed. by J.J. Holst. – Oslo, 1973; Britain and NATO's northern flank / ed. by L. Freedman. – London, 1988 и др.

[2] Карвонен Т. Советский Союз и Финляндия: сотрудничество и добрососедство. – М., 1977; Рентола К. Весна 1948 года: Какой путь выберет Финляндия? // Северная Европа: проблемы истории. Выпуск 4. – М., 2003. – С. 61-89; Jussila O., Hentillä S., Nevakivi J. Suomen Poliittinen Historia. - Porvoo-Helsinki-Juva, 1995; Mottola K., Bykov O., Korolev I. - Finnish-Soviet Economic Relations. - London, 1983.; Vihavainen T. Stalin j a suomalaiset. - Otava, 1998.

смежных проблем развития международных отношений на Европейском Севере[1].

Проблемы двухсторонних советско/российско-норвежских связей в 70-90-е годы XX века нашли своё отражение в работах норвежских историков Т. Грёнли, У. Ристе, Й. Хольста, С. Хольтсмарка и др.[2]. Указанные авторы отмечают, что данные отношения, оказали большое влияние на формирование общей стратегии норвежской внешней политики во второй половине XX века. При этом основной акцент они делали в первую очередь на выявлении и анализе отрицательных моментов двухсторонних взаимоотношений: противоречиях и идеологическом противостоянии, вина за которые в основном возлагалась на советскую сторону. Это наводит на мысль о политической предвзятости и идеологической тенденциозности авторов этих работ.

Комплекс многолетних российско-норвежских противоречий по проблемам Шпицбергена, установления 200-мильной зоны и появлением в связи с этим споров о разграничении морских пространств на шельфе Баренцева моря (проблема «серой зоны») изучался И. Квалвик и П.

---

[1] Braconier F., Christiansson L. Vem Varnar Sverige? Striden om Säkerhets-politiken. – Timbro, 1985; Вейбуль Й. Краткая история Швеции. – Стокгольм, 1997; Kan A. Sverige och Ryssland. Ett 12 årigt förhållande. – Stockholm, 1996; Melin J., Johansson A., Hedenborg S. Sveriges Historia. – Stockholm, 1997; Nilsson S. Rysskräcken i Sverige: Fördomar och verklighet. – Stockholm, 1990; Huldt B. A Swedish View // Britain and NATO's northern flank / ed. by L. Freedman. – London, 1988. – P. 29-34.

[2] Danielson R., Dyrvik S., Grønlie T., Helle K., Hovland E. Norway: A History From the Vikings to Our Own Times. – Oslo, Scandinavian University Press. – 1995; Riste O. Norway's Foreign Relation – A History. – Oslo, 2005; Holst J. J. The Security Pattern in Northern Europe: A Norwegian View // Britain and NATO's northern flank / ed. by L. Freedman– London, 1988. – P. 35-50; Holtsmark S. Ekspansionisme eller forsvar av status quo? Sovjetisk Svalbard-politkk 1939-1953 // Frykt og forventning: Russland og Norge i det 20. Århundre / Red. av: V.I. Goldin og J.P. Nielsen. - Arkhangelsk, 1996. – P. 199-227; Он же. Советский Союз и Норвегия на Шпицбергене // Россия – Норвегия. Сквозь века и границы. – М., 2004. – С. 55-58; Он же. Норвегия и Советский Союз в 1917-1991 гг. // Россия – Норвегия. Сквозь века и границы. – М., 2004. – С. 171-177.; Danielson R., Dyrvik S., Grønlie T., Helle K., Hovland E. Norway: A History From the Vikings to Our Own Times. – Oslo, Scandinavian University Press. – 1995. – 550 p.

Тресселт[1]. По мнению И. Квалвик, урегулирование территориальной проблемы зависит, прежде всего, от субъективных факторов: «политического желания», воли, энтузиазма обеих сторон, которых пока недостаточно. Диссертанту представляется, что такой идеалистический подход в оценке причин до сих пор существующей проблемы может быть оспорен.

Многие зарубежные исследователи посвятили свои работы изучению предпосылок становления регионального взаимодействия на Севере Европы, его потенциала в рамках СГБМ, СБЕАР, Арктического совета, программы «Северное измерение»[2]. Большинство авторов приходит к заключению о том, что энергичное развитие многостороннего регионального сотрудничества на Европейском Севере с участием субъектов Российской Федерации стало естественным следствием распада биполярной системы международных отношений и ускорения процессов глобализации.

Исследователи Л. Хейнинен и Г. Лассинантти одними из первых выдвинули и обосновали тезис о преобразовании в 1990-е годы смысла понятия «безопасность». По их мнению, из представления только о жестком военно-политическом противостоянии оно трансформировалось и вобрало в себя проблемы различных сфер мирных связей в международных отношениях постсоветской эпохи. Авторы приходят к выводу, что именно с целью разрешения насущных гражданских проблем и обеспечения безопасности

---

[1] Kvalvik I. Assessing the Delimitation Negotiations between Norway and the Soviet Union/Russia // Acta Borealia. – 2004. - №1. – 55-78; Тресселт П. Соседи по Северу // Международная жизнь. – 1997. - №5. – С. 34-44.

[2] Dreaming of the Barents Region: Interpreting Cooperation in the Euro-Arctic Rim / ed. by J. KäKönen. – Tampere, 1996; Joenniemi P. The Barents Euro-Arctic Region: On the Restructuring of Northernmost Europe. - N.Y., 1997; Hedkvist F. Great expectations: Russian attitudes to the Barents region co-operation. – Umea, 2001; International Perspectives on the Future of the Barents Euro-Arctic Region and the Northern Dimension / ed. by G. Lassinantti. – Umea, 2002; Lipponen P. The European Union needs a policy for the Northern Dimension. - Rovaniemi. – 1997; Murmansk and New Possibilities in the Barents Region / ed. by S. Katila. – Helsinki, 2003; National perspectives on the regionalism in the North / ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. - Basingstoke, 2000; Stokke S. and Tunander O. The Barents Region Cooperation in Arctic Europe. - London. – 1994; Svensson B. Politics and business in the Barents Region. – Umea, 1998; Tennberg M. The Arctic Council. A Study in Governmentality. – Rovaniemi, 1998; Tornberg W. The Barents Euro-Arctic Co-operation. – Vienna, 1997; Tennberg M. The Arctic Council. A Study in Governmentality. – Rovaniemi, 1998.

были созданы и в целом позитивно продолжают действовать такие региональные организации и программы как СБЕАР, Арктический совет, «Северное измерение»[1].

Обзор существующей литературы, прямо или косвенно относящейся к теме диссертации показал, что комплексного, системного исследования развития внешней политики, двухсторонних и многосторонних региональных отношений СССР/России со странами Скандинавского полуострова последнего тридцатилетия XX века до настоящего времени проведено не было. Таким образом, заявленная тема может являться предметом специального научного анализа.

Объектом исследования является внешнеполитическая деятельность СССР/России в отношении Финляндии, Норвегии и Швеции в условиях глобальных изменений системы международных отношений в 70-90-е годы XX века.

Предметом исследования определены содержание и динамика развития двухсторонних и многосторонних отношений Советского Союза/Российской Федерации с Норвегией, Швецией и Финляндией в обозначенный исторический период.

Цель работы заключается в изучении исторического опыта взаимоотношений СССР/РФ с указанными странами в 1970 – 1990-е гг.

Задачи:

1. Определить основные этапы политики СССР/РФ в отношении Финляндии, Норвегии и Швеции во взаимосвязи с эволюцией системы международных отношений в 70-е – 90-е гг. XX в.

---

[1] Northern Borders and security – Dimensions for Regional Cooperation and Interdepence / ed. by L. Heininen. - Turku. 2002; Security in the European North – from «Hard» to «Soft» / ed. by L. Heininen. – Rovaniemi, 1999; International Perspectives on the Barents Euro-Arctic Region and the Northern Dimension / ed. by G. Lassinantti. – Umea, 2002; Lassinantti G. Institutions for Security Cooperation and Partnership with Russia in Northern Europe – Emergence, Results and Conflicts // Баренц-журнал. – 2002. - №1. – С. 34-41.

2. Раскрыть характер, общие и специфические черты двухсторонних взаимоотношений СССР со странами Скандинавского полуострова в контексте становления общеевропейского процесса.

3. Выявить достижения и просчёты советской внешней политики на североевропейском направлении в период «перестройки».

4. Рассмотреть и оценить динамику отечественной внешней политики в отношении Финляндии, Швеции и Норвегии в 90-е гг. XX в.

5. Проанализировать содержание и проблемы участия СССР/РФ в многостороннем региональном сотрудничестве на Европейском Севере.

Территориальные рамки исследования определяются двумя уровнями внешнеполитического взаимодействия СССР/РФ с Норвегией, Швецией и Финляндией. Первый уровень обозначен зоной межгосударственных связей во всех сферах отношений. Второй уровень охватывает область трансграничного многостороннего взаимодействия между северными административно-территориальными единицами указанных стран.

Хронологические рамки исследования охватывают период 70-х - 90-х годов XX века. Нижняя граница определяется началом общеевропейского процесса, привнесшего тенденции «разрядки» в систему развития международных отношений. Хотя официальной датой подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе считается 1 августа 1975 года, а сам процесс создания этой организации стартовал ещё во второй половине 1960-х годов, начальной датой данного исследования определен 1970-й год не случайно. В ноябре этого года премьер-министр Финляндии А. Карьялайнен обратился к правительствам европейских государств, США и Канады непосредственно с призывом провести в Хельсинки предварительные консультации об организации общеевропейского совещания. Кроме того, именно с этого времени начинается нормализация отношений, поиска компромисса между Востоком и Западом.

Верхняя граница отмечена завершением формирования современной внешнеполитической стратегии России, началом качественно нового периода в развитии российской внешней политики[1]. Это выразилось в принятии 10 января 2000 года новой редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации, а 28 июня 2000 года - Концепции внешней политики Российской Федерации.

Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы научности, объективности и историзма. Поскольку объектом исследования явилась внешняя политика СССР/РФ, под которой понимается «поведение государства в сфере всего комплекса взаимосвязей, отношений с «внешним миром»[2] (политических, экономических, социальных и др.), то наравне с методами исторической науки (историко-генетическим, проблемно-хронологическим, историко-сравнительным) использовались и общенаучные приёмы и методы.

В процессе изучения внешнеполитической деятельности Советского Союза/Российской Федерации со странами Скандинавского полуострова в последнее тридцатилетие XX века диссертант следовал теории развития системы международных отношений, строящейся на позициях либерального институционализма. Это направление в изучении мировой политики и международных отношений оформилось в начале 1970-х годов. Его основоположниками являются Г. Алмонд, Р. Кеохейн, Дж. Най. В русле данной концепции особое значение в развитии мировой политики и международных отношений отводится международным организациям – институтам. Кроме того, предполагается, что полноправными субъектами международных отношений могут выступать также отдельные города или территориальные общности, различные промышленные или торговые предприятия и даже отдельные индивиды. В данной теории делается упор и на том, что международное сотрудничество – прежде всего в экономической сфере –

[1] Иванов И.С. Внешняя политика России на современном этапе // Десять лет внешней политики России. / Под ред. А.В. Торкунова. – М., 2003. – С. 19-25.
[2] Маныкин А.С. Введение в теорию международных отношений. – М., 2001. – С. 59-60.

играет значительную роль в мировой политике и поддержании международной стабильности.

Используя данный подход, соискатель стремился доказать, что развитие многостороннего регионального сотрудничества на Европейском Севере не было случайным, а постепенное подключение к этому взаимодействию СССР/Российской Федерации представляло собой закономерное явление в эволюции отечественной внешней политики.

Диссертант полагает, что с помощью вышеперечисленных научных методов и подходов возможно объективно оценить характер и этапы внешнеполитической деятельности СССР/России в отношении обозначенных североевропейских стран.

Источниковую базу исследования составил комплекс материалов, включающий архивные и опубликованные документы, статистическую и справочную литературу, мемуары и материалы периодической печати, интервью и интернет-источники.

Первую группу материалов составили документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В общей сложности удалось ознакомиться с архивными материалами фондов двух центральных государственных архивов страны, которые составили значительную часть источниковой основы исследования.

Изучение документов АВПРФ (нотной переписки, референтуры, отчётов, хроники событий, меморандумы, заявления) за период с 1945 по 1980-е годы о взаимоотношениях СССР с Норвегией, Швецией и Финляндией позволило рассмотреть развитие отечественной дипломатии с самых первых этапов формирования послевоенной советской внешней политики вплоть до середины 1980-х годов. Исследовались документы следующих фондов: Ф.116 (референтура по Норвегии), Ф.135 (референтура по Финляндии), Ф.140 (референтура по Швеции), Ф.186 (Ноты посольства СССР в МИД Норвегии), Ф.56 б (отдел печати), Ф.200 (Ноты посольства СССР в

МИД Швеции). В них содержится информация о взаимоотношениях и переписке высшего руководства СССР с правительственными органами стран Скандинавского полуострова, отчёты о визитах, хроника событий и их характеристика в зарубежной периодике. На основе этих данных удалось реконструировать ход событий, фиксировать изменения в содержании и характере официальных отношений, ознакомиться с отечественной и иностранной оценкой развивавшихся двухсторонних и многосторонних связей.

Документы ГАРФ из фонда Р-9497 (Материалы Парламентской группы СССР. Межпарламентская деятельность.) содержат сведения о межпарламентской деятельности парламентской группы СССР за 1955 по 1991 годы. В них представлена информация о взаимоотношениях СССР с Северным советом, отчёты о подготовке и работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, о визитах иностранных официальных лиц в СССР и советских делегаций за границей, статистические данные о связях в сфере культуры и экологии, материалы о научных конференциях, а также ряд других документов, раскрывающих содержание внешнеполитической деятельности Советского Союза, в том числе и на североевропейском направлении. На их основе изучено развитие межгосударственных как правительственных, так и неправительственных связей СССР с Финляндией, Норвегией и Швецией.

Из документов фонда Р-9576 (Союза Советских Обществ Дружбы - ССОД) извлечена информация по истории культурного сотрудничества между странами в рассматриваемый период, что дало возможность ознакомиться с составляющей «третьей корзины» международных связей СССР на этом направлении. Исследовано несколько сотен дел (отчётов, статистических выкладок, переписок, характеристик). Использование данных источников позволило сформировать систематизированное представление о процессе развития взаимоотношений СССР с Финляндией, Норвегией и Швецией в сфере культуры.

Особую важность для понимания развития взаимодействия Советского Союза/Российской Федерации с Норвегией и Финляндией имела группа опубликованных источников, в которую вошли как сборники документов[1], так и отдельные документы разных изданий. Хотя сборник по советско-норвежским отношениям не затрагивает прямо исследуемый период, содержащиеся в нём документы дали возможность проследить за генезисом изучаемых проблем. С помощью опубликованных документов по советско-финляндским отношениям удалось подробно ознакомиться с базовыми договорами, регламентировавшими политическое, экономическое и культурное сотрудничество этих государств вплоть до начала 1980-х годов. На основе рассмотрения всех имеющихся и доступных опубликованных документов по теме исследования сделана попытка проанализировать и охарактеризовать как общие принципы и особенности внешней политики СССР/РФ в отношении Финляндии, Норвегии и Швеции, так и их взаимосвязь с тенденциями в развитии международных отношений в целом.

Осмыслению внешнеполитической деятельности Советского Союза способствовала и информация, содержащаяся в статистических сборниках, энциклопедиях, справочниках, стенографических отчетах и программных бюллетенях[2]. Ко многим современным официальным российским и иностранным источникам открыл доступ Интернет. Материалы различных сайтов (http://mid.ru, http://norvegia.ru, http://suomi.ru, http://sweden.ru, http://sweden.se, http://finemb-moscow.fi, http://europa.eu.int, http://russwed.ru http://fennoscandia.ru, http://barentsculture.karelia.ru и др.) стали хорошим дополнительным ресурсом информации в исследовании международных

[1] Советско-норвежские отношения 1917-1955: Сборник документов. - М., 1997.; Советско-финляндские отношения 1948-1983. – Документы и материалы. – М., 1983.

[2] Внешняя торговля развитых капиталистических стран: Справочник / Под ред. И.Н. Устинова. – М., 1989; Волков А.М. Страны Северной Европы. Экономико-статистический справочник. – М., 1986; Кто есть кто в мировой политике / Отв. ред. Л.П. Кравченко. – М., 1990; Рукосуев Е.Ю. Короли, президенты, премьеры…. - Екатеринбург, 1996; Экономика и внешнеэкономические связи СССР: Справочник / Под ред. И.Н. Устинова. – 3-е изд., перераб. и доп. - М., 1989; Encyclopedia of the Arctic. Volume 1-3. / ed. M. Nuttall. - New York, London, 2005; Northern Dimension – a platform for further work. - Stockholm, 2001.

отношений на Европейском Севере в целом. Сайты предлагают тексты соглашений, договоров, протоколов, брифингов, пресс-конференций руководителей стран, статистическую информацию и т.д. Сопоставление имеющейся в данной группе источников информации позволило более подробно и качественно проследить за динамикой развития взаимодействия СССР/РФ со странами Скандинавского полуострова в разные исторические периоды.

Ценной группой источников, содержащей значительный фактический и аналитический материал, явились издания периодической печати («Баренц-журнал», «Вопросы истории», «Дипломатический вестник» «Правда», «Литературная газета», «Российская газета», «Международная жизнь», «Мировая экономика и международные отношения», «Полис», «Современная Европа», «Aftonbladet» «Barens-nytt», «Dagens Nyheter», «Nord lyse», и др. В общей сложности изучено 18 центральных и региональных отечественных и зарубежных периодических изданий периода 1970-х – 1990-х годов). С помощью анализа представленных в этих изданиях материалов диссертанту удалось подробнее отследить хронологию и динамику внешнеполитической деятельности СССР/РФ на североевропейском направлении в различных аспектах политических, экономических, экологических и культурных связей, ознакомиться с регулирующими их договорами.

Заметное место в источниковой базе исследования занимают мемуары непосредственных участников изучаемых событий[1]. Для соискателя опубликованные воспоминания и дневники интересны тем, что дали возможность проследить за развитием взаимоотношений Советского Союза со

[1] Григорьев Б.Н. Скандинавия с чёрного входа. Записки разведчика: от серьёзного до курьёзного. – М., 2002; Кекконен У.К. Дружба и добрососедство. Речи и выступления. 1963 - 1967. – М., 1968; Он же. Финляндия и Советский Союз. Речи, статьи, интервью. 1952 – 1975. – М., 1975; Он же. СССР - Финляндия: путь к миру и добрососедству: статьи, речи, письма 1943-1978. – М., 1979; Койвисто М. Вехи пути: Взгляды на высшую политику Финляндии / Пер. с фин. М., 1987; Шеварднадзе Э.А. Мой выбор: в защиту демократии и свободы. – М., 1991.

странами Скандинавского полуострова и их оценкой с позиции современников, со стороны советской и иностранной общественности, политической элиты. Они позволили лучше понять причины, характер и содержание происходивших событий, мотивы и настроения действующих лиц, точнее воспринять атмосферу времени.

К сожалению, большинство архивных документов конца 80-х - 90-х годов XX века еще недоступны исследователям. Так, например, в АВПРФ закрытыми являются документы, начиная с 1987 года. Недоступными оказались и документы международного отдела ЦК КПСС. Тем не менее, диссертант считает, что на основе сопоставления и анализа изученного им комплекса доступных источников, характеризующихся достаточной информационной насыщенностью, достоверностью и репрезентативностью, возможно обеспечить решение задач, поставленных в данном диссертационном исследовании.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно является первой попыткой комплексного анализа политики СССР/РФ в отношении стран Скандинавского полуострова через изучение истории политических, экономических и социокультурных взаимоотношений в 70-е – 90-е гг. XX в. Определена периодизация системы этого взаимодействия.

В работе впервые изучена не только политика СССР/РФ в отношении каждого государства в отдельности, что позволило выявить общее и особенное в развитии двухсторонних связей, но и в сочетании с этим проанализирован процесс становления многостороннего регионального сотрудничества СССР/РФ с Финляндией, Швецией, Норвегией. Кроме того, через сопоставление с первыми послевоенными десятилетиями диссертантом выявляются традиции и новые реалии в отношениях СССР/России со странами Скандинавского полуострова в 70-е – 90-е гг. XX в. Представлен компаративный анализ отношений Советского Союза с Финляндией, Норвегией, Швецией и России с указанными государствами. Выявлены их общие черты и отличительные особенности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволяют в комплексе осмыслить исторический опыт развития системы двусторонних и многосторонних отношений СССР/РФ с Финляндией, Норвегией и Швецией в 70-е – 90-е годы XX века, осознать произошедшие в них глубокие перемены. Полученные результаты способствуют и пониманию того, как в дальнейшем в условиях глобализации и регионализации наиболее эффективно выстраивать российскую внешнюю политику на североевропейском направлении.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы в ходе подготовки специальных и обобщающих работ, спецкурсов по истории внешней политики СССР/РФ или международных отношений на Севере Европы для исторических факультетов.

Результаты и выводы исследования апробированы в ходе обсуждения диссертации на теоретических семинарах и заседаниях кафедры отечественной истории Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Основные положения исследования отражены в шести публикациях (пять статей и тезисы), изложены в шести выступлениях автора на российских и международных научных конференциях, наиболее значимыми из которых были: «Мурманск и новые возможности Баренцева региона» (Мурманск, январь 2003) и «XVI конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии» (Москва, июнь 2004).

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

ГЛАВА 1.

СССР И СТРАНЫ СКАНДИНАВСКОГО ПОЛУОСТРОВА В 70-Е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА

§ 1. Опыт и исторические уроки взаимоотношений СССР с Финляндией, Норвегией и Швецией к началу 1970-х годов

Сразу после второй мировой войны центральной задачей отечественной внешней политики стала необходимость создания максимально эффективной системы безопасности, частью которой должен был стать своего рода «оборонительный барьер»[1] между Советским Союзом и западными соперниками. Инициированный СССР процесс предлагал включение в орбиту советской политики не только стран Восточной, но и Северной Европы. В такой системе и в создавшихся после 1945 и, тем более, 1949 года геополитических условиях североевропейское направление было хоть и не доминирующим, но сравнительно важным во внешнеполитической деятельности Советского Союза.

Основой советско-финляндского взаимодействия вплоть до начала 1990-х годов явился Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР, заключенный 6 апреля 1948 года[2]. Этот документ стал не только вполне естественным следствием итога глобального конфликта, в котором Финляндия участвовала на стороне фашистской Германии, но и плодом активного развития двухсторонних советско-финляндских отношений, начавшихся сразу после выхода Финляндии из войны. С 19 сентября 1944 года страны жили в условиях заключенного перемирия до окончательного завершения мировой войны, и вопрос о подпи-

[1] Коробочкин М.Л. Политика СССР в отношении Финляндии и Норвегии. 1947-1953 // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 3. – С. 247.
[2] См. Приложения №5.

сании мирного договора, так или иначе, должен был быть поднят на повестку дня.

В налаживании советско-финляндских отношений после окончания Второй мировой войны были заинтересованы обе стороны. В Финляндии эта инициатива исходила прежде всего от левых партий и организаций. Например, в декларации Демократического союза народа Финляндии в мае 1945 года отмечалось: «Наши отношения с Советским Союзом значительно продвинулись вперед по намеченной Демократическим союзом народа Финляндии линии и стали лучше. Об этом, между прочим, свидетельствует заключенное на выгодных для нас условиях второе, - после подписания договора о перемирии, - торговое соглашение о поставке нам необходимых товаров… В целях дальнейшего укрепления дружбы следует добиться самых широких и многосторонних взаимных экономических и культурных связей, а также широкого сотрудничества между Советским Союзом и Финляндией и народами этих стран. Хотя Финляндия желает иметь хорошие отношения и взаимные связи со всеми прогрессивно-демократическими странами, все же Советский Союз является её ближайшим соседом и, вместе с этим, страной, дружба с которой имеет для Финляндии наибольшее значение»[1]. Подобного мнения придерживалась и Аграрная партия Финляндии. В её партийной газете «Лиитто» отмечалось: «Главной целью внешней политики Финляндии является сближение и укрепление отношении с Советским Союзом»[2].

Сторонниками более тесных контактов были и представители социал-демократического течения. Мнение председателя президиума Финского сейма, социал-демократа и будущего премьер-министра Финляндии конца 1940-х годов К.А. Фагерхольма достаточного четко характеризует данный настрой: «Во всей своей политике Финляндия должна учитывать международное значение и силу Советского Союза. Понятие «заклятый враг»

[1] АВП РФ. Ф. 56 б. Оп. 6. Д. 144. Л. 19-о – 20-о.
[2] АВП РФ. Ф. 56 б. Оп. 6. Д. 143. Л. 15-о.

должно исчезнуть как в мыслях, так и в разговорах… Основой внешней политики Финляндии является создание дружественных, основанных на доверии отношениях с СССР»[1]. Советский Союз лишь активно способствовал развитию подобных настроений.

Впервые идея договора возникла ещё весной 1945 года. Президент Финляндии К.Г. Маннергейм и премьер-министр Ю.К. Паасикиви выступили с подобным предложением, надеясь с его помощью добиться скорейшего заключения мира. СССР, ввиду сложившейся международной обстановки и опасаясь реакции Великобритании и США в отношении других союзников Германии, отклонил данную идею.

К осени 1947 года ситуация изменилась, и мысль о договоре у советского руководства возродилась. Растущее напряжение в отношениях с Западом требовало укрепления позиции СССР. К тому времени уже были предложены союзнические пакты Болгарии, Румынии и Венгрии. Теперь настал черед Финляндии. В Москве 6 апреля 1948 года состоялось подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В Финляндии Договор был ратифицирован 28 апреля 157 голосами против 11 при 30 отсутствующих[2]. Советский Союз добился от Финляндии позиции так называемого «благожелательного нейтрала»[3].

Договор положил в основу советско-финляндских отношений и одновременно внешней политики СССР и Финляндии принцип мирного сосуществования, которому – что особенно важно – была придана форма межгосударственного договорного обязательства. В этом отношении договор между СССР и Финляндией стал крупной вехой в налаживании мирного сотрудничества между народами в послевоенной Европе.

Заключение Договора создало предпосылки для перехода к более активным взаимоотношениям, новым формам сотрудничества обоих госу-

---

[1] АВП РФ. Ф. 56 б. Оп. 6. Д. 143. Л. 20-21.
[2] Якобсон М. Паасикиви // Международная жизнь. – 1989. - №12. – С. 232-245.
[3] Коробочкин М.Л. Политика СССР в отношении Финляндии и Норвегии. 1947-1953 // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 3. – С. 240

дарств. Касаясь непосредственно Финляндии, можно сказать, что с 6 апреля 1948 года в её внешней политике открылся новый этап, который, впоследствии стал известен под именем «линии Паасикиви – Кекконена». Срок действия Договора был определен вплоть до 1975 года, однако ещё в 1955 году он был досрочно продлен, а потом в 1970 году был подписан Протокол о продлении его срока действия на 20 лет.

Следующей задачей внешней политики Советского Союза в отношениях с Финляндией являлась необходимость дальнейшего развития сложившихся связей. Требовалось доказать искренность обоюдных стремлений - развивать сотрудничество не только в дипломатической сфере, но и перевести его на рельсы материального практического взаимодействия, что в целом за период 1950-х – 1960-х годов было успешно выполнено.

С полным основанием можно утверждать, что советско-финляндские отношения первых послевоенных десятилетий благополучно прошли испытания на прочность и выдержали проверку временем. Несмотря на то, что на Западе это взаимодействие с негативным подтекстом называли «финляндизацией», подразумевая отказ Финляндии от части внешнеполитического суверенитета в обмен на право сохранить внутриполитические основы государства, в СССР и даже в самой Финляндии в это понятие вкладывали совершенно противоположный смысл[1]. При этом не будем забывать, что сложившаяся система двухсторонних взаимоотношений на основе Договора 1948 года была вполне объективным следствием итогов Второй мировой войны, защищавшим «законные интересы безопасности» СССР[2]. Исходя из этого, можно заключить, что советско-финляндские взаимоотношения являлись положительным образцом сотрудничества, и

---

[1] В Советском Союзе и России «финляндизация» воспринималась как символ подлинного добрососедства, хотя и не без идеологического контекста. В самой же Финляндии была придумана некая третья трактовка этого термина, то есть, это модель, которая позволяла иметь хорошие отношения с Советским Союзом, и одновременно развивать полностью совместимые с западными механизмы (См. Интервью с Аркадием Мошесом, заведующим сектором безопасности региона Балтийского моря института Европы. http://www.echo.msk.ru/guests/3650. [3.09. 2001])

[2] Вихавайнен Т. Сталин и финны. – С-Пб., 2000. – С. 285.

своего рода, полигоном для отработки отдельных элементов международного взаимодействия социалистических стран с капиталистическими (пусть и на особых условиях). Постепенно они вступали в новую фазу своего развития. Их постоянно расширявшийся и укреплявшийся потенциал полностью раскрылся в период 1970-х годов.

Стремясь укрепить свои позиции в Норвегии после окончания второй мировой войны, Советский Союз старался не допустить, чтобы Королевство полностью оказалась в сфере влияния «англосакских» держав. С целью закрепления и расширения установленных контактов советское руководство разработало программу мероприятий как по линии политико-экономических, так и культурных связей[1]. Кроме того, вместе со странами народной демократии – членами ООН, СССР способствовал избранию на пост Генерального секретаря этой организации норвежского министра иностранных дел Трюгве Ли в 1946 году. В этом же году СССР и Норвегия подписали новое торговое соглашение, которое, по словам газеты «Арбейдербалет», свидетельствовало «о большой доброжелательности СССР к Норвегии»[2]. Когда в январе 1948 года был подписан протокол о товарообороте между Норвегией и СССР, предусматривавший удвоение торговли, причем на выгодных для Норвегии условиях, та же газета отмечала, что этот факт «подтверждает добрососедские отношения между обеими странами…Мы можем быть довольными как самим соглашением, так и тем, что оно осуществлено в столь дружественных формах»[3]. Однако в дальнейшем советскому руководству не удалось расширить связи с Норвегией.

Нельзя не согласиться с тем, что СССР хотел бы видеть Норвегию если не в числе своих сторонников, то хотя бы среди нейтральных стран. Советский Союз всячески к этому стремился, пытаясь добиться хоть каких-то дивидендов за то, что способствовал в 1944 году освобождению северной Норвегии от немецко-фашистских оккупантов. Но, как показало время,

---

[1] АВП РФ. Ф. 116. Оп. 28. П. 129. Д. 5. Л. 26-33.
[2] Цит. По: Кан А.С. История Норвегии. – М., 1980. - С. 459.
[3] Там же.

страх Королевства перед могущественным соседом оказался сильнее перспективы сохранить нейтральный статус.

Норвежское правительство, сознавая необходимость налаживания отношений с СССР, вовсе не было заинтересовано в установлении тесных связей. Королевство Норвегия искренне опасалось восточного соседа и стремилось во что бы то ни стало дистанцироваться от него. При этом не упускался из виду и тот факт, что явное пренебрежение может только обострить отношения с Советским Союзом. Это было неприемлемо и поэтому нивелировалось так называемой политикой «наведения мостов» и попыткой создания Скандинавского оборонительного союза. Тем не менее, 15 февраля 1947 года Норвегия отклонила предложения СССР о пересмотре статуса Шпицбергена и о его совместной обороне. Годом спустя норвежское правительство из-за боязни того, что СССР может навязать Норвегии пакт о ненападении и взаимопомощи, начало переговоры с Соединенными Штатами Америки о возможной её поддержке в случае глобальной войны и агрессии СССР.

Некоторое время советское правительство сдерживало своё негативное отношение к политике северного Королевства. Единственным его официальным демаршем в адрес Норвегии было устное заявление от февраля 1948 года относительно плана английского министра иностранных дел Э. Бевина с предупреждением, что участие Норвегии в Западном союзе будет рассматриваться Советским Союзом как недружественный акт. Несмотря на это, к началу 1949 года стало ясно, что Норвегия все сильнее тяготеет к НАТО. Ситуация требовала скорейшего определения принципов советско-норвежских связей. С этой целью Советский Союз применил в отношении Осло политику «динамического давления»[1]. Она исходила из двух составляющих: 1) СССР не имел реальных возможностей предотвратить вступление Норвегии в НАТО; 2) общественное мнение, часть пар-

[1] Подоплёкин А.О. СССР-РФ и система международной безопасности на Европейском Севере // Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век. Архангельск, 1999. - С. 156-162.

тий и парламент, традиционно определявшие развитие политики безопасности Норвегии, тяготели к нейтралитету. Основываясь на этом, 29 января и 5 февраля 1949 года СССР предпринял попытку заручиться гарантиями ограниченного участия Норвегии в блоке. Советский Союз объявил стремление Норвегии вступить в Атлантический Альянс агрессивным и потребовал в этой связи разъяснений. В результате Осло предоставил некоторые обещания и объявил о вхождении в альянс на «небазовых» и «неядерных» условиях, а уже в марте 1949 года Стортинг большинством голосов (130 против 11 при 7 отсутствовавших) принял решение о присоединении Норвегии к НАТО[1].

Таким образом, в течение 1948-1949 годов СССР и Норвегия сформировали схему отношений, которая позволила обеим странам, несмотря на принадлежность их к антагонистическим военно-политическим системам, установить сравнительно приемлемый уровень безопасности и доверия в североевропейском регионе. Тем не менее, после подписания Норвегией 4 апреля 1949 года Североатлантического договора, отношения между СССР и Королевством до середины 1950-х годов были заморожены. Советский Союз в данной ситуации, стараясь сохранить статус-кво, по словам советского посла в Осло С.А. Афанасьева, ограничился «усиленным наблюдением» за деятельностью Атлантического блока в Норвегии и соблюдением страной обещания не размещать иностранных войск и баз на своей территории в мирное время[2].

Оживлению контактов способствовал визит в СССР премьер-министра Норвегии Э. Герхардсена по приглашению советского руководства в ноябре 1955 года[3]. Это послужило знаком стремления обеих сторон к дальнейшему развитию связей на новой основе. В ходе визита было под-

---

[1] См., напр.: Советско-норвежские отношения 1917-1955: Сборник документов. - М., 1997. Док. №№ 323, 324, 325.

[2] Коробочкин М.Л. Политика СССР в отношении Финляндии и Норвегии. 1947-1953 // Северная Европа: проблемы истории. – М, 1999. Выпуск №3. - С. 233-249.

[3] Советско-Норвежские отношения 1917-1955: Сборник документов. – М., 1997. - С. 542-590.

готовлено и опубликовано советско-норвежское коммюнике. В справке о советско-норвежских отношениях, направленной посольством СССР в Норвегии министру иностранных дел СССР Д.Т. Шипилову оно характеризовалось, как «программа улучшения и развития отношений между СССР и Норвегией»[1]. Этот визит, конечно, нельзя назвать «прорывом» во взаимоотношениях наших стран, но на это обе стороны особенно и не рассчитывали. Тем не менее, учитывая международную обстановку того времени, было достигнуто немало. Самое важное заключалось в создании более благоприятного климата между СССР и Норвегией.

В июне 1956 года руководство МИД утвердило «Указания послу СССР в Норвегии», в которых подчёркивалось, что главной линией в работе должно быть «дальнейшее развитие и укрепление дружественных, добрососедских отношений между СССР и Норвегией и ослабление связей Норвегии с Североатлантическим блоком»[2]. В «Указаниях…» предусматривался целый комплекс мер, которые посол и посольство были обязаны осуществить для достижения поставленной цели по развитию и укреплению добрососедства[3].

Новое обострение международной обстановки в конце 1956 года приостановило процесс улучшения советско-норвежских отношений. Норвегия очень негативно отнеслась к произошедшим событиям в Венгрии и Польше, осудив вмешательство СССР в дела этих стран. Кроме того, в Норвегии в это время одним из важнейших вопросов внешней политики правительства являлся вопрос о размещении в стране атомного оружия. Правительство несколько месяцев чётко не определялось со своей позицией, выжидая реакции общественного мнения, которое в итоге большей частью высказывалось против превращения страны в атомную базу Североатлантического альянса.

---

[1] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 45. П. 184. Д. 9. Л. 15.
[2] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 45. П. 183. Д. 1. Л. 2.
[3] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 45. П. 183. Д. 1. Л. 2-6.

В свою очередь советское правительство выразило протест по этому поводу, направив в начале 1957 года письменное предупреждение руководству Норвегии, что размещение в стране атомного оружия блока НАТО будет иметь тяжёлые последствия для всего норвежского народа в случае войны. В этой ситуации, наблюдая массовое внутреннее и внешнее недовольство, норвежское правительство вновь подтвердило свою базовую политику – недопущения иностранных войск на свою территорию в мирное время, которая была дополнена особой ядерной политикой – неразмещения атомного оружия в стране. Норвегия также установила определённые ограничения для военной деятельности в районах, пограничных с Советским Союзом. Были запрещены полёты самолётов ВВС НАТО и заходы военно-морских судов за 24° восточной долготы, проведение манёвров в пограничной области Финнмарк. Такой подход вновь несколько стабилизировал советско-норвежские отношения, дав повод начать подготовку ответного визита советского лидера в Норвегию.

Визит Н.С. Хрущева в Норвегию планировался на лето 1959 года. Предполагалось, что он посетит также Данию и Швецию. К тому времени правительство Советского Союза в целом положительно оценивало достигнутый уровень советско-норвежских отношений и особую базовую и ядерную политику, которую проводила Норвегия в рамках своего членства в блоке НАТО. Тем не менее, СССР желал большего, выражая заинтересованность в выходе Норвегии из НАТО и переходе ее в категорию нейтральных государств.

Объявленный в феврале 1956 года на XX съезде КПСС курс на мирное сосуществование потребовал нового подхода к концепции нейтралитета. Как отмечает один из исследователей А.А. Комаров: «В советских документах того времени стало присутствовать положительное отношение к тому, чтобы вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности стран Северной Европы, при переходе Норвегии и Дании на нейтральные позиции разрешить путём объединения усилий скандинавских стран, в

том числе и в области обороны»[1]. Это свидетельствует о том, что к тому времени у советского правительства изменилась негативная позиция по отношению к плану создания Скандинавского оборонительного союза, которую оно занимало во время широкого обсуждения этой темы в Скандинавии в 1948-1949 годах. Таким образом, Советский Союз сам проявлял заинтересованность в создании Скандинавского оборонительного союза. Однако Н.С. Хрущёву всё-таки вряд ли удалось бы убедить скандинавские страны реализовать эту идею. Тому есть несколько причин. Главной из них следует считать ту, что сама по себе эта затея уже исчерпала себя и не соответствовала духу времени. Норвегия достаточно сильно была связана с НАТО, а Финляндия Договором 1948 года с СССР. Изменить сформировавшуюся и окрепшую систему «северного баланса» было бы неимоверно сложно.

Заготовленные инициативы не удалось реализовать ещё и потому, что визит Хрущева в Скандинавию был в последний момент отменен под официальным предлогом протеста против развернувшейся шумной антисоветской кампании в этих странах перед началом запланированной поездки. Истинная же причина её отмены, конечно, состояла в другом. Незадолго до планируемого визита в Северную Европу советский лидер получил приглашение посетить США от президента Дуайта Эйзенхауэра. Это предложение Н.С. Хрущёв принял. По его признанию: «Нас тянуло больше в Америку. США – ключевая капиталистическая держава»[2]. Таким образом, был подчёркнут приоритет в развитии советско-американских отношений, а поездка в Скандинавию была отложена, как выяснится позже, на пять лет.

В 1960-е годы обмен визитами на высоком политическом официальном уровне стал нормой советско-норвежского взаимодействия, что указывало на определённую стабильность двухсторонних отношений. В этот

[1] Комаров А.А. Н.С. Хрущев и Норвегия // Россия – Норвегия. Сквозь века и границы. М., 2004. - С. 241.
[2] Указ. соч. - С. 242.

период развития советско-норвежских связей на первое место постепенно стали выходить вопросы налаживания экономического сотрудничества, тогда как проблемы спорного и военно-политического характера стали отходить на второй план. В эти годы закладывался фундамент будущего советско-норвежского сотрудничества, которое по-настоящему поднялось на новую ступень в 1970-е годы.

В целом, характеризуя внешнюю политику СССР в отношении Норвегии на данном этапе, вполне можно согласиться с исследователем А.А. Комаровым, который определяет её как дуалистичную. Дуализм возникал из-за столкновения желаемого с возможным. С одной стороны, советское руководство желало ослабить связи Норвегии с НАТО, с другой стороны, в области возможного была лишь особая базовая и ядерная политика, которую проводила Норвегия в рамках своего членства в организации Североатлантического договора. В той же области возможного находился внешнеполитический курс, направленный на реализацию политики мирного сосуществования, провозглашенной на XX съезде КПСС. В периоды напряжения на международной арене происходило и усиление советской критики относительно членства Норвегии в НАТО, её готовности выполнять все военные приготовления этого «агрессивного блока»[1]. Однако одновременно с этим всегда подчёркивалась необходимость усилий, направленных на восстановление и расширение с ней двухсторонних контактов[2].

Советско-шведские отношения эпохи холодной войны строились на несколько иной основе, нежели взаимоотношения СССР с Норвегией. Тем не менее, несмотря на их большую стабильность, советско-шведское взаимодействие носило достаточно нервный характер.

Швеция, в отличие от Норвегии, не вступила в НАТО. Более того, в первые послевоенные годы Швеция, кроме подписания торгового согла-

[1] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 46. П. 186. Д. 9. Л.13-14.
[2] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 46. П. 186. Д. 6. Л. 18-19.

шения в 1946 году, заключила с Советским Союзом крупнейшее в её истории кредитное соглашение. Заметим, что это было осуществлено вопреки противодействию внутренних реакционных кругов и американской дипломатии (правительство США в августе 1946 года направило ноты протеста правительству Швеции, которые были отклонены)[1]. Шведское социал-демократическое правительство согласилось открыть Советскому Союзу кредит в 1 млрд. крон для оплаты шведских поставок в СССР. В первые послевоенные годы Швеция вошла в шестёрку капиталистических стран, с которыми СССР имел наиболее развитую торговлю. Тем не менее, военные контакты Швеции с НАТО имели место. В неоднократных штабных собеседованиях с норвежцами проигрывались вероятные сценарии военных действий на Скандинавском полуострове. Она готовилась к приему западной помощи в случае войны. Летом 1952 года было заключено тайное шведско-американское соглашение о помощи шведам военными материалами. Кроме того, Швеция приняла участие и в «плане Маршалла», по которому она получила 107 млн. долларов[2]. Однако, в отличие от Норвегии, эта помощь была в несколько раз меньше и не являлась даровой. В сравнении с Норвегией и Финляндией, получившей помощь от СССР, Швеция была крупнейшей страной Европейского Севера, которая материально совсем не пострадала от войны. Она была вполне платёжеспособна, что, конечно, в меньшей степени, чем, например, Норвегию, ставило её в зависимость от США. Таким образом, Швеция старалась сохранять равновесие между противостоящими блоками, которые тогда находились в процессе формирования. Более того, шведское руководство стало проводить свою активную внешнеполитическую деятельность в регионе, инициировав в итоге неосуществлённую идею создания Скандинавского оборонительного союза. Попытки же шведского правительства в лице министра иностранных дел Э. Ундена наладить корректные и конструктивные отношения с

[1] Кан А.С. Новейшая история Швеции. - М., 1964. - С. 227.
[2] Кан А.С. История Скандинавских стран (Дания, Швеция, Норвегия). – М., 1980. - С. 247.

Советским Союзом и, как следствие, покончить с его недоверием к некоммунистическим соседям оказались успешными только частично.

Несмотря на стремления советского правительства к налаживанию добрососедских отношений со Швецией, их осуществлению мешало определённое обоюдное сомнение. О восприятии шведского нейтралитета в советском внешнеполитическом ведомстве даёт представление краткая справка, подготовленная в феврале 1949 года 5 Европейским отделом МИД СССР «Неудача переговоров о создании скандинавского военного блока и вопрос о «нейтральной» позиции Швеции»[1]. Как видно из заглавия, слово «нейтральный» заключено в кавычки. Отсюда можно сделать вывод, что отношение к политике шведского нейтралитета было скептическим. Считалось, что в случае военного конфликта Швеция, не колеблясь, «примкнёт к блоку Западных держав»[2] и «что фактически Швеция уже сейчас превращается в передовую базу англо-американских империалистов в будущей войне против СССР. При этом шведское правительство своими действиями содействует такому развитию страны, продолжая, вместе с тем, лицемерно заявлять о своём намерении проводить политику нейтралитета»[3]. Таким образом, отчётливо прослеживается существовавшее недоверие Советского Союза к Швеции, опасение по поводу того, что она рано или поздно вступит в Атлантический блок. Это недопонимание только усилилось после ряда произошедших между СССР и Швецией в начале 1950-х годов небезызвестных инцидентов, прежде всего по делам «Р. Валленберга» и «Каталина»[4].

---

[1] АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 40-д. П. 158. Д. 1. Л. 147-152.
[2] АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 40-д. П. 158. Д. 1. Л. 148.
[3] АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 40-д. П. 158. Д. 1. Л. 152.
[4] 1) Шведский дипломат Рауль Валленберг был арестован в январе 1945 г. советским командованием в Будапеште и обвинен в пособничестве сговору гитлеровцев с западными державами и в шпионаже. Этот вопрос был закрыт в 1989 г., когда советские власти вернули родственникам Р. Валленберга паспорт, вещи и свидетельство о смерти от 17 июля 1947 г. При этом в 1993 г. ЦРУ официально признало связь Р. Валленберга с американской разведкой. 2) В июне 1952 г. около острова Готланд над Балтийским морем советскими истребителями были сбит невооружённый шведский самолёт. Жирная

Несмотря на дисбаланс в двухсторонних отношениях, советское внешнеполитическое ведомство очень позитивно относилось к тому, что Швеция осталась за пределами антисоветского блока, при этом оно молчаливо признавало большую роль Швеции в Северной Европе. Кроме того, постепенно развеялись и опасения СССР о возможном подрыве шведского нейтралитета вследствие её тесного сотрудничества с тремя членами НАТО в Северном Совете.

Как и в случае с Норвегией, улучшение советско-шведских отношений началось после смерти И.В. Сталина. В 1954 году МИД СССР получил записку посла СССР в Швеции К.К. Родионова, в которой говорилось, что за последний год во внешней политике Швеции произошёл ряд изменений в благоприятную для Советского Союза сторону и появились намерения шведского правительства улучшить отношения с СССР. Такой вывод делался исходя из целого ряда фактов. Особо стоит выделить следующие события: неоднократные заявления послу СССР о желании шведского правительства улучшить отношения с Советским Союзом; подписание в феврале 1954 года протокола о товарообороте, предусматривавшего увеличение объёма торговли в полтора раза; желание шведского правительства организовать летом 1954 года обмен визитами военных кораблей между Швецией и СССР; высказанное стремление министра иностранных дел Швеции Э. Ундена посетить СССР; изменение к лучшему своего отношения к Советскому Союзу со стороны шведской печати[1].

Исходя из этого, было предложено организовать комплекс мероприятий, направленных на развитие советско-шведского сотрудничества в различных областях на 1954 и 1955 годы[2]. Эти мероприятия «встретили бла-

---

точка в разрешении этого инцидента была поставлена в 2003 г., когда шведская сторона признала, что самолёт проводил разведку в интересах США.

[1] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 45. Пор. 11. Инв. 10. П. 181. Л. 3-4.

[2] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 45. Пор. 11. Инв. 10. П. 181. Л. 5-12.

гоприятный приём со стороны шведской общественности и содействовали известному улучшению советско-шведских отношений»[1].

Выдвинутые Н.С. Хрущевым на XX съезде партии инициативы о возможности мирного сосуществования двух политических систем в международном развитии способствовали дальнейшему развитию советско-шведского сотрудничества. Весной 1956 года состоялся первый официальный визит в Советский Союз шведского премьер-министра социал-демократа Т. Эрландера. Правительство Т. Эрландера охотно развивало отношения с Советским Союзом в неполитической сфере. Стал расти товарооборот, наладился шведский туризм в СССР, оживился культурный обмен и научное сотрудничество, было открыто прямое воздушное сообщение между Москвой и Стокгольмом. Наряду с улучшением двусторонних отношений оба правительства стали все чаще занимать схожую позицию по международным вопросам. Подобное единение практически не отмечалось в советско-норвежских отношениях. Оно свидетельствует лишь о более качественном тесном уровне советско-шведских политических взаимоотношений.

Наиболее ощутимо это сближение произошло в 1960-е годы. Швеция и Советский Союз имели одинаковые позиции по таким серьезным вопросам большой политики, как перевооружение Западной Германии, англо-франко-израильская военная операция в зоне Суэцкого канала, вооруженное вмешательство США в Ливане, место Китая в Совете безопасности ООН, проект безъядерной зоны в Центральной Европе, сокращение вооружений великими державами, освободительная борьба колониальных народов, расовое неравенство в Южно-Африканской Республике. Одобрение Кремля вызвал отказ Швеции от производства и приобретения ядерного оружия[2]. В своей речи в 1960 году в Хельсинки Н.С. Хрущёв отметил: «Сохранению мира и спокойствия в этом регионе содействует нейтралитет

[1] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 45. Пор. 11. Инв. 10. П. 181. Л. 9.
[2] Кан А.С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. – М., 1999. - С. 217;

Швеции, и в частности её решение отказаться от производства и приобретения ядерного оружия»[1]. Предложение Швеции осени 1961 года о создании «клуба безъядерных держав» - так называемый план Ундена (по имени министра иностранных дел в правительстве Эрландера) - также было одобрено Москвой. Хотя план так и не был осуществлён в международном масштабе, он положил конец дискуссии по вопросу о ядерном вооружении в самой Швеции.

В 1964 году визит Н.С. Хрущёва в Швецию во время поездки по Скандинавии подтвердил стремление Советского Союза к продолжению сотрудничества на основе добрососедских отношений и взаимоуважения. Глава советского правительства А.Н. Косыгин дважды в 1968 и 1973 годах совершал официальные визиты в Швецию.

Конечно, не во всём советско-шведские отношения были безупречны. Например, тяжелое потрясение шведам доставило разоблачение высокопоставленного шведского полковника С. Веннерстрёма в 1963 году, что оставило на развитии советско-шведского взаимодействия негативный отпечаток[2]. Тем не менее, отношения между СССР и Швецией оставались сравнительно тесными и продолжали улучшаться. Ничто всерьез не нарушало устойчивого и вместе с тем, строго регламентированного, исключительно государственного сотрудничества между странами.

В отличие от взаимоотношений Советского Союза с Норвегией, советско-шведские связи выстраивались в значительно большей степени независимо от «холодного противостояния» двух антагонистических блоков. Более того, политика нейтралитета, осуществляемая Швецией, всегда оставалась относительно твёрдой, пусть и проводилась не всегда решительно, ясно и последовательно. Это создавало условия для более гибкого взаимодействия между странами не только в североевропейском регионе на двухсторонней основе, но и в глобальной мировой дипломатии. Линия добро-

[1] Правда. – 1960. - 4 сентября.
[2] Стиг Веннерстрём был обвинён в шпионаже в пользу СССР. В частности, он раскрыл систему шведской ПВО.

соседства СССР и Швеции давала ощутимые результаты, наглядно демонстрировала богатые потенции, заключённые в ней. Польза от этого была несомненной и для народов обеих стран, и для общего климата в Европе.

Итак, советская внешняя политика первых послевоенных десятилетий по отношению к трём своим североевропейским соседям определялась прежде всего на основе общей политики безопасности СССР. Исходя из этого, она зачастую была экспансивной. Тем не менее, нельзя отрицать и того факта, что советское руководство стремилось воплощать в жизнь свою внешнюю политику с учетом интересов и потребностей северных стран. Продемонстрированная Советским Союзом гибкость в решении внешнеполитических задач стала одной из важнейших причин того, что Север оставался самым «спокойным» театром холодной войны в Европе. За этот период был накоплен неоценимый опыт взаимодействия СССР с тремя странами Фенноскандии, каждая из которых имела свой собственный, во многом принципиально отличный от других государств внешнеполитический курс. Эти десятилетия продемонстрировали хорошую способность советского правительства ориентироваться, находить компромисс и в целом достигать поставленных задач в сложной международной обстановке Севера Европы.

К концу 1960-х годов советское руководство окончательно убедилось в том, что оформившуюся в регионе систему распределения военно-политических сил – «северный баланс», изменить в свою пользу уже не представлялось возможным. Единственные 196 километров сухопутной границы между НАТО и СССР, кратчайшие расстояния для нанесения ядерных ударов по крупнейшим городам двух супердержав, сверхмилитаризация наземных и водных пространств, начало активного поиска и разработки углеродных ресурсов сделали очевидной значительно возросшую роль региона в развивающейся системе послевоенных международных отношений. Постоянно увеличивающийся уровень напряжённости, и не только в североевропейском регионе, не мог быть далее гарантом сущест-

вовавшего равновесия и безопасности всего миропорядка. В такой накалённой обстановке мировому сообществу, и советскому руководству в частности, пришло осознание нависшей над человечеством угрозы, необходимости снижения степени конфронтации, перехода к налаживанию добрососедских отношений и взаимовыгодного сотрудничества. В этих планах советского правительства страны Скандинавского полуострова занимали далеко не последнее место, тем более что фундамент для дальнейшего качественного развития советско-скандинавских отношений, в принципе, уже существовал.

§ 2. Внешнеполитическая деятельность СССР в отношении стран Скандинавского полуострова в условиях разрядки

На рубеже 1960-х – 1970-х годов в международных отношениях, в русле складывающегося в этот период у мирового сообщества представления о безопасности, наметился переход от конфронтации к разрядке. Эта тенденция выражалась в активизации переговоров между державами и в заключении взаимоприемлемых соглашений, в первую очередь по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, а также по проблемам разоружения.

Большую роль в этом процессе сыграли решения XXIII съезда КПСС, прошедшего в 1966 году. Они предусматривали меры по оздоровлению обстановки, по упрочению безопасности в Европе. В отчётном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии Л.И. Брежнева было подчёркнуто стремление СССР к нормализации отношений в Европе. Учитывая, что на этом пути большое значение имеет развитие деловых связей, в директивах съезда был определён курс на дальнейшее расширение внешнеэкономических связей не только с социалистическими, но также и с промышленно развитыми капиталистическими странами, которые «проявляют готовность развивать торговлю с Советским Союзом»[1].

Важной вехой на пути упрочения безопасности на европейском континенте явилось совещание Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского Договора, состоявшегося в Бухаресте в 1966 году. В принятой Декларации об укреплении мира и безопасности в Европе страны-участницы совещания обратились с призывом ко всем правительствам и нациям без различия идеологических, политических или религиозных убеждений объединить свои усилия для того, чтобы Европа – один из важнейших центров мировой цивилизации – стала континентом

[1] Материалы XXIII съезда КПСС. – М., 1966. – С. 280-281.

всестороннего и плодотворного сотрудничества между равноправными нациями, мощным фактором стабильности, мира и взаимопонимания[1]. Декларация определяла программу укрепления мира и безопасности на европейском континенте. В частности, она предусматривала и созыв общеевропейского совещания.

В последующие годы эта идея окрепла, окончательно оформилась и получила поддержку в большинстве европейских стран. Государства Варшавского Договора уделяли повышенное внимание проблемам подготовки и созыва общеевропейского совещания. Они обсуждались на совещании Политического консультативного комитета в Будапеште в марте 1969 года, на совещаниях министров иностранных дел государств – участников Варшавского Договора.

Инициатива и настойчивость способствовали воплощению в жизнь идеи коллективной безопасности в Европе. 5 мая 1969 года правительство Финляндии заявило о своей готовности выступить организатором совещания и предварительной встречи по его подготовке. Такие консультации прошли в Хельсинки с 22 ноября 1972 года по 8 июня 1973 года.

Было решено провести совещание в три этапа. Первый состоялся в Хельсинки летом 1973 года на уровне министров иностранных дел. Второй этап совещания проходил в Женеве. Особое значение имел третий - заключительный - этап с участием представителей государств на высшем уровне, который закончился подписанием руководителями 33 европейских государств, США и Канады Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (с 1 января 1995 года оно носит название Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Хотя официальной датой подписания Заключительного акта СБСЕ считается 1 августа 1975 года, а начало процесса создания этой организации было положено ещё во второй половине 1960-х годов, начальной да-

[1] Черненко К. Совещание в Хельсинки и международная безопасность // Международная жизнь. – 1975. - №10. – С. 3-14.

той данного исследования 1970-й год определен не случайно. В ноябре этого года премьер-министр Финляндии А. Карьялайнен ещё раз обратился к правительствам европейских государств, США и Канады уже непосредственно с призывом провести в Хельсинки предварительные консультации об организации общеевропейского совещания. Кроме того, именно с этого времени начинается процесс нормализации отношений, поиска компромисса между Востоком и Западом. В 1970 году в Женеве, а затем в Москве проходили многосторонние переговоры между Советским Союзом и рядом стран Западной Европы, которые способствовали созданию общей благоприятной атмосферы для дальнейшего развития процесса и созыва Хельсинского совещания. Был рождён сам механизм СБСЕ. Таким образом, на данном этапе развития системы международных отношений в неё были привнесены новые составляющие, которые значительно преобразили советско-скандинавское взаимодействие, насытив и обогатив его содержание.

Начало новому этапу отношений СССР с Финляндией было положено заключением ещё в феврале 1967 года соглашения об образовании постоянной межправительственной Комиссии по экономическому сотрудничеству, а в 1971 году Договора о развитии экономического, технического и промышленного сотрудничества. Во многом именно широкие и разносторонние экономические связи Финляндии и СССР подготовили почву для перевода всего двухстороннего взаимодействия между двумя странами на более высокую ступень.

Другим важным органом деловых отношений являлась финско-советская торговая палата, которая действовала с 1947 года. В середине 1970-х годов в неё входило 320 финских и 54 советских внешнеторговых объединения. Вплоть до 1991 года Финляндия удерживала второе место в торговле с СССР, уступая лишь ФРГ[1]. В 1975 году была достигнута дого-

[1] Экономика и внешнеэкономические связи СССР: Справочник / Под ред. И.Н. Устинова. – М., 1989. – С. 235-238.

воренность о выработке долгосрочной программы дальнейшего сотрудничества между странами в области торгово-экономических связей на ближайшие 15 лет.

После резкого повышения в 1973 году мировых цен на нефть, нефтепродукты и сырьё возникла опасность образования весьма значительного (свыше 400 миллионов рублей) отрицательного для Финляндии сальдо в советско-финляндской торговле. Советский Союз согласился ликвидировать этот разрыв за счёт дополнительных закупок в Финляндии, размещения заказов на объекты длительного пользования с выдачей авансов финским предприятиям, а также за счёт расширения участия финских фирм в строительстве объектов на советской территории[1].

Особое место в советско-финляндском экономическом сотрудничестве 1970-х - 1980-х годов занимало совместное сооружение крупных промышленных и других народнохозяйственных объектов. На территории Мурманской области с участием финских строителей были построены четыре гидроэлектростанции, которые снабжали энергией смежные районы обеих стран. В Финляндии при технической и финансовой помощи СССР в городе Раахе был сооружён металлургический комбинат «Раутаруукки». Впервые в практике отношений Советского Союза с промышленно развитыми капиталистическими странами велось строительство атомных электростанций при техническом содействии советских организаций. В свою очередь, с участием финских фирм и рабочих на территории СССР был построен Пяозерский леспромхоз в Карельской АССР и реконструирован Светогорский целлюлозно-бумажный комбинат в Ленинградской области[2]. И это только самые яркие достижения советско-финляндского экономического взаимодействия.

Стоит отметить возраставшую роль трансграничных контактов, и, прежде всего, приграничной торговли, удельный вес которой в общем то-

---

[1] Денисов Ю. СССР-Финляндия: ориентиры сотрудничества // Международная жизнь. – 1977. - №4. – С. 44-53.

[2] Похлёбкин В.В. СССР-Финляндия: 260 лет отношений. – М., 1975. С. 379.

варообороте между двумя странами к 1977 году составлял около 5%. С советской стороны она осуществлялась образованной в 1960 году Всесоюзной экспортно-импортной конторой «Ленфинторг». Через нее торговлю с Финляндией, главным образом потребительскими товарами, вели предприятия Ленинграда и области, республик советской Прибалтики, Карельской АССР и Мурманской области[1]. С финской стороны в приграничной торговле принимали участие до 300 фирм[2]. Отметим, что такая приграничная торговля получила определенное развитие и в отношениях СССР с Норвегией.

Итак, прочная договорно-правовая основа, обоюдное стремление сторон к развитию торгово-экономических связей привели к значительному росту товарооборота, объем которого к 1985 году достиг 4989,7 млн. рублей, увеличившись по сравнению с 1950 годом (правда, без учёта инфляции) в 90,9 раза[3].

Визит А.Н. Косыгина в Финляндию в марте 1977 года также явился важным шагом на пути реализации взаимного стремления к укреплению политического, экономического и культурного сотрудничества на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года.

За выдающиеся заслуги в деле развития отношений между СССР и Финляндией и за активную деятельность в области укрепления мира президент Финляндской Республики У.К. Кекконен ещё в 1964 году был награжден орденом Ленина. В свою очередь, в 1976 году за вклад в дело упрочения мира и международной безопасности высшая государственная награда – большой крест ордена «Белой розы Финляндии» - была вручена Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу[4].

---

[1] Воронков Л.С., Сенюков Ю.П. Финляндия - наш северный сосед. – М., 1977. - С. 25-26; Похлёбкин В.В. СССР-Финляндия: 260 лет отношений. – М., 1975. С. 378.
[2] Экономика и внешнеэкономические связи СССР: Справочник / Под ред. И.Н. Устинова. – М., 1989; - С. 237.
[3] Там же. - С. 236.
[4] Воронков Л.С., Сенюков Ю.П. Указ. Соч. – М., 1977. С. 15.

В январе 1982 года президентом Финляндской республики был выбран М. Койвисто. Вступая на пост главы государства, новый президент заявил: «Я считаю своей первостепенной задачей заботу о том, чтобы наша внешнеполитическая линия, созданная и сформированная президентами Ю.К. Паасикиви и У.К. Кекконеном, неуклонно проводилась и в будущем»[1]. Тем самым М. Койвисто подтвердил преемственность внешнеполитической линии Финляндии, сложившейся в 1950-е - 1970-е года. Как и его предшественники, он выдвинул на первый план внешней политики Финляндии всемерное развитие дружественных отношений с Советским Союзом на основе Договора 1948 года. Как отмечал президент Финляндии, в начале 1980-х Договор продолжал сохранять свою актуальность во всех его положениях и отвечать жизненным интересам как Финляндии, так и Советского Союза[2]. Последовательность и убеждённость в проводимом Финляндией внешнеполитическом курсе, называемым «линией Паасикиви – Кекконена», были ярко продемонстрированы в июне 1983 года в ходе официального визита М. Койвисто в СССР новым, уже третьим по счёту, досрочным продлением на последующие 20 лет Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Курс на продолжение развития сотрудничества и дружбы в советско-финских отношениях был подтвержден и во время встречи Койвисто с Генеральным секретарём ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР К.У. Черненко в Москве 26 апреля 1984 года. Руководители обеих стран отметили, что в условиях роста напряжённости в мире опыт плодотворного развития советско-финляндского сотрудничества особо наглядно показывает жизненность политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, а также важность последовательного осуществления положений Заключительного акта общеевропейского совещания. Кроме того, К.У. Черненко отметил, что советское руко-

[1] Цит. по: Комиссаров Ю. Финляндия: курс мира и добрососедства // Международная жизнь. – 1984. - №10. – С. 54.
[2] Правда. – 1982. - 10 марта.

водство и дальше будет с особым вниманием подходить к вопросам укрепления дружественных отношений с Финляндией[1].

В этом духе 11 января 1985 года в Москве прошли наиболее значимые в наших двухсторонних отношениях середины 1980-х годов переговоры, а затем и подписание соглашения между СССР и Финляндией о разграничении экономической зоны, рыболовной зоны и континентального шельфа в Финском заливе и северо-восточной части Балтийского моря.

В период общеевропейской разрядки в русле развития «третьей корзины» международных отношений значительно возрос уровень социальных и культурных связей советско-финского взаимодействия. И хотя новые формы двусторонних отношений возникли ещё в середине 1950-х годов, когда начался процесс породнения городов (1956 г.), устройство взаимных выставок, передача исторических реликвий (1957 г.), празднование знаменательных дат и основание в 1958 году общества «СССР-Финляндия»[2], истинный размах этих взаимоотношений стоит отнести именно к 1970-м годам. Деловые, научные, культурные и т.д. контакты советского и финского народов и просто межличностные связи приобрели в это время по-настоящему массовый характер. В двусторонних отношениях участвовали главы государств и правительств, руководители родственных министерств и ведомств, партийные и профсоюзные организации, культурные, просветительные и научные учреждения и даже целые города – около 50 городов Финляндии и СССР, установивших прямые связи. Ежегодно более 100 тыс. туристов из Финляндии посещало Советский Союз. В Финляндию постоянно выезжало свыше 500 деятелей советской культуры и искусства – театры, ансамбли, хоры, балетные и цирковые труппы[3].

В налаживании этих связей и ознакомлении финского народа с жизнью в СССР большую работу проводило созданное ещё в 1944 году общество «Финляндия - Советский Союз». К середине 1970-х оно превратилось

---

[1] Правда. – 1984. - 27 апреля.
[2] ГАРФ. Р-9576. Оп. 20. Д. 458. Л. 49.
[3] Похлёбкин В.В. СССР-Финляндия: 260 лет отношений. – М., 1975. – С. 397.

в мощную массовую организацию, насчитывающую более 230 тыс. человек (1974 г.)[1], в том числе более 500 коллективных, и имеющую более 900 местных отделений по всей стране[2]. Членами общества являлись такие личности, как У.К. Кекконен и М. Койвисто. Общество проводило в среднем 9 тыс. различных мероприятий в год[3].

Безусловно, всё большое значение в развитии общественных связей играло и общество «СССР – Финляндия» под председательством Л.И. Маркушевича, которое насчитывало более 300 коллективных членов[4] и тесно взаимодействовало с финским обществом в организации всех мероприятий.

Таким образом, система постоянного взаимодействия, сложившаяся к этому периоду между государствами с различными социально-экономическими системами, пронизывала все звенья государственной и общественной жизни и была поистине уникальна. Попытаемся обозначить некоторые элементы, которые позволили советско-финским отношениям развиваться не только в обоюдном удовлетворении сторон, но и в их прогрессировании.

Одним из основных компонентов, имевших большое значение для развития стабильных отношений между Финляндией и СССР, был примат национальных интересов над идеологическими соображениями. Финляндия, в первую, очередь была заинтересована не допускать привнесения идеологии в советско-финские отношения. Что касается советской стороны, то здесь время от времени всё-таки ощущалась двойственность государственных и партийных интересов, в целом характерная для всей советской внешней политики. И, безусловно, советско-финские контакты не были «деидеологизированными». Утверждать обратное было бы чрезмерным уп-

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 458. Л. 43.
[2] Правда. - 1974. - 12 октября.
[3] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 458. Л. 44.
[4] Там же. Л. 50.

рощением. Однако в наиболее важных вопросах этого сотрудничества идеологические составляющие всегда отступали на второй план.

Другим важнейшим элементом взаимодействия указанных стран являлась концепция безопасности. Разъясняя своим соотечественникам, что Финляндия может обеспечить свою безопасность лишь совместно с Советским Союзом, удовлетворяя его интересы безопасности, а не в противоборстве с ним, лидеры Финляндии обеспечили стране и советско-финляндскому сосуществованию относительное спокойствие, стабильность и уверенность. В 1970-е – начале 1980-х годов более 90% финнов высказывались в поддержку внешнеполитического курса страны и сотрудничества с СССР на основе Договора 1948 года[1]. Подавляющее большинство финнов в разные годы высказывали мнение, что Договор имеет положительное значение для укрепления международного положения Финляндии. Так, в 1969 году 65% финнов высказывались положительно и 10% - отрицательно, в 1978 году уже было 77% против 6%, в 1981 году – 81% и 4%, в 1983 году – 84% и 2%[2]. Советским правительством в развитии политических отношений с Финляндией также отдавалось предпочтение взаимному доверию.

В целом, нетрудно убедиться во взаимовыгодности, высоком уровне и искренности взаимоотношений между СССР и Финляндией, которое в 70-е годы XX века набрало обороты и стало во многом эталоном сотрудничества, существенным позитивным фактором международной жизни. Вполне оправданно сложившиеся отношения СССР и Финляндии окрестили «Лабораторией мирного сотрудничества»[3]. При этом советско-финские отношения, их плодотворное развитие всё-таки не стоит идеализировать и представлять как непрерывное движение по восходящей линии, как полную гармонию интересов.

---

[1] Комиссаров Ю. Безопасность и сотрудничество: опыт европейского севера. – М., 1989. - С. 70.

[2] Денисов Ю. Международная значимость советско-финляндского сотрудничества // Международная жизнь. – 1985. - №2. – С. 24.

[3] Там же. - С. 28.

Во второй половине 1960-х годов в русле принятой XXIII съездом КПСС внешнеполитической программы был заложен фундамент и более тесного советско-норвежского взаимодействия, которое также поднялось на новую ступень в 1970-е годы. На уровне министерств и ведомств обсуждались вопросы торгово-экономического сотрудничества, судоходства и рыболовства. Проходили политические консультации между МИД Норвегии и СССР по широкому кругу вопросов международной жизни и двусторонних отношений. В период с 1973 по 1983 годы было проведено двадцать пять таких консультаций и подписано около двадцати межгосударственных и межведомственных соглашений и договоров[1]. Среди наиболее важных договоров были соглашения о платежах, регулирующих советско-норвежские внешнеэкономические связи (1965 г.), о долгосрочной торговле (1971 г., действие которого было продлено в 1985 году до 1990 г.), об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве (1972 г.). В развитии последнего соглашения в ноябре 1980 года была подписана долгосрочная программа, определяющая основные формы, области и направления сотрудничества на десятилетний период. В марте 1974 года СССР посетил премьер-министр Норвегии Т. Браттели, и Советский Союз с Норвегией договорились о заключении соглашений о судоходстве и автомобильном сообщении, а также об использовании советскими самолетами норвежского государственного гражданского аэродрома Лонгиер на Шпицбергене. В 1980 году был подписан советско-норвежский договор по предотвращению двойного налогообложения. Стоит отметить развитие приграничной торговли через советско-норвежскую границу в районе Никель-Киркенес, которая велась через В/О «Ленфинторг» и норвежскую фирму «Помор нордик трейд». В этот период набирало обороты промышленное сотрудничество (например, по сбыту и обслуживанию реализуемых

[1] Сухарев М.И. Период «холодной войны» в советско-норвежских отношениях // Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: От первых контактов до Баренцева сотрудничества. – Мурманск, – 2001. – С. 275; Смирнов А.И. Баренцев-Евроарктический регион: российско-норвежские отношения. - М. 2002. - С. 20.

машин и оборудования с фирмами «Конела Норге билль» и «Конейсто Норге»)[1]. Устанавливались непосредственные связи между научно-исследовательскими институтами, предприятиями и фирмами, которые проводили совместные исследования, осуществляли научно-технические проекты в областях, представляющих взаимный интерес.

Особое место в истории советско-норвежских отношений занимали проблемы архипелага Свальбард или Шпицберген (по наименованию самого крупного острова архипелага) и так называемой «Серой зоны»[2].

Многие века архипелаг официально никому не принадлежал. Интерес к Свальбарду резко возрос в конце XIX – начале XX веков, когда на нем обнаружили уголь. Важнейшая роль в открытии угольных залежей на Шпицбергене принадлежит российским учёным, самым известным из которых был исследователь Арктики В. Русанов. Сразу возникла необходимость обеспечивать правопорядок на островах. Это удалось сделать лишь после Первой мировой войны на Версальской конференции, когда был подписан Договор о Шпицбергене от 9 февраля 1920 года, по которому архипелаг передавался под полный и абсолютный суверенитет Норвегии. Государствам, подписавшим данный договор, предоставлялось равное с Норвегией право ведения хозяйственной и научно-исследовательской деятельности на островах и в территориальных водах архипелага. Кроме того, Норвегия обязалась воздерживаться от создания или разрешения на создание какой-либо военно-морской базы или же строительства оборонительных укреплений на этом архипелаге.

Советское правительство, выражая недовольство таким подходом к проблеме, направило норвежскому правительству 12 февраля 1920 года ноту протеста с заявлением, что не признаёт себя связанным этим актом[3].

---

[1] Поискулов Ю., Тополя В. Хозяйственные связи СССР и Северной Европы // Мировая экономика и международные отношения. - 1980. - №2. - С. 86.

[2] См. Приложения №9.

[3] Нота правительства РСФСР правительству Норвегии о заключении Парижского мирного договора о Шпицбергене // Советско-норвежские отношения 1917-1955: Сб. документов. М., 1997. С. 35-36.

СССР официально присоединился к Парижскому договору лишь 7 мая 1935 года. До этого времени в 1920-х годах продолжалась добыча угля, в том числе и Советским Союзом. С октября 1931 г. на Шпицбергене был организован трест «Арктикуголь» и утверждён его устав.

В конце второй мировой войны советское правительство активизировало внимание к Шпицбергену, предлагая изменить статус архипелага, уступить остров Медвежий и ввести совместное управление Норвегией и СССР остальной территорией в качестве кондоминиума (совместного владения). Однако такой договорённости достигнуто не было. В течение последующих десятилетий Норвегия искренне опасалась возможности новой попытки поставить вопрос основы суверенитета Норвегии над архипелагом или получить односторонние преимущества для «Арктикугля» по сравнению с другими государствами-участниками договора. Именно с этой организацией было связано большинство советско-норвежских перманентных конфликтов на Шпицбергене.

В начале 1970-х годов приоритетный интерес у «Арктикугля», у норвежских и западных нефтяных компаний приобрела нефтеразведка на Свальбарде. Одновременно соображения охраны окружающей среды породили планы создания национальных парков, природных зон и принятия общих мер по защите окружающей среды. Свальбард уже был не отдалённой точкой в Арктике, а частью современной Норвегии, что вызывало растущее внимание со стороны общественности. Местная администрация получила дополнительные ресурсы, и губернатор архипелага распространил свою власть на всю его территорию. Новые требования со стороны норвежской администрации были восприняты «Арктикуглем» как вмешательство в его деятельность, что привело к многочисленным спорам[1].

Относительно Свальбарда в советско-норвежских отношениях существовала и продолжает оставаться другая проблема. Суть её заключается в том, что, по мнению Норвегии, положения Договора 1920 года должны

[1] Тресселт П. Соседи по Северу // Международная жизнь. – 1997. - №5. – С. 34-44.

трактоваться строго по тексту. Права, предоставленные участникам договора и их компаниям, проистекают из конкретных условий договора, то есть они касаются участков суши и территориальных вод вокруг островов. Таким образом, Норвегия придерживалась точки зрения, что ограничения, возлагаемые договором на хозяйственную деятельность на Свальбарде, должны распространяться на архипелаг и его территориальные воды на протяжении 4 морских миль. Остальная часть континентального шельфа вокруг Свальбарда представляет собой норвежский континентальный шельф, на который распространяется то же законодательство, что и на континентальном шельфе материка. Советский Союз протестовал против этой точки зрения[1]. В дальнейшем и Россия зафиксировала своё несогласие с норвежским подходом как в отношении континентального шельфа, так и в отношении введённой в 1977 году рыбоохраной зоны вокруг Свальбарда.

Что касается рыболовства, то в сотрудничестве между Норвегией и Россией расхождения в вопросе трактовки договора были преодолены. Относительно же континентального шельфа Норвегия исходила из того, что в практическом плане Горный устав Свальбарда абсолютно непригоден для морской добычи и что нефтяные компании в конечном итоге должны работать под защитой правового режима, который применим только к континентальному шельфу.

Кроме того, затрагивая вопрос непосредственно континентального шельфа, следует отметить, что здесь и по настоящий день существует особая проблема, имеющая свою историю.

Спорный район шельфа между двумя линиями составляет в целом 175 тыс. кв. км, из которых 155 тысяч кв. км находятся в Баренцевом море (это 11% его общей площади)[2]. После 1977 года, когда стороны установили расширенные рыболовные зоны, возникла острая необходимость обеспечить, связанные с рыболовным промыслом, инспекционные и правопри-

[1] АВП РФ. Ф. 116. Оп. 71. Д. 9. П. 112. Л. 64.
[2] Тресселт П. Соседи по Северу // Международная жизнь. – 1997. - №5. – С. 34-44.

менительные действия. Страны договорились о временных практических и не наносящих ущерба сторонам условиях рыболовства в чётко определённом прилегающем районе. Этот режим обеспечил систему ответственного управления и контроля над районом, который включает в себя как спорные водные пространства между двумя предложенными разграничительными линиями, так и принадлежащие сторонам и не ставящиеся под сомнение пространства по другую сторону разграничительных линий. Этот режим следует рассматривать как исключительно временное решение, хотя стороны, заново рассматривая его в каждом случае и без ущерба для продолжающихся переговоров по делимитации, ежегодно продлевали его на очередной год с 1979 года.

В течение некоторого времени советская сторона настаивала на предпочтительной для неё линии и в качестве альтернативного компромисса предлагала вариант, по которому обе стороны должны совместно участвовать в освоении шельфовых ресурсов в отдельно оговорённом районе. Норвежская сторона отвергала это, объясняя тем, что любое построенное по типу кондоминиума управление многоцелевой деятельностью по использованию разнообразных ресурсов было бы не только политически неприемлемым, но и в высшей степени непрактичным. Любое расхождение во мнениях, которое не удалось бы легко урегулировать, пришлось бы решать в третейском порядке, либо оно имело бы разрушительный эффект для деятельности[1]. Норвегия придерживалась позиции, что только после того, как линия разграничения будет согласована и зоны юрисдикции определены, можно было бы обсудить вопрос о выделении какого-то района для осуществления совместных проектов по разведке и эксплуатации шельфа. К этой проблеме во взаимоотношениях правительства перманентно возвращались и в последующие десятилетия. С обеих сторон на карту были поставлены значительные интересы. Рыболовство и по-прежнему сохраняет важное экономическое значение для прибрежных регионов Севе-

[1] Тресселт П. Соседи по Северу // Международная жизнь. – 1997. - №5. – С. 41.

ра, а успешная эксплуатация нефтяных и газовых месторождений в спорных районах способна обеспечить благосостояние и развитие не только регионам, но и целым странам.

Несомненно, технические стороны установления правил для промышленного сотрудничества в открытом море окажутся сложными. Возможно, положение участников переговоров будет облегчено тем фактом, что юрисдикция в открытом море затрагивает только природные ресурсы и не нарушает статус водных пространств за пределами территориальных вод как зоны открытого моря. Установление границ континентального шельфа и экономических зон не затронет свободу судоходства, включая военные корабли. Таким образом, переговоры по делимитации практически не имеют ощутимого негативного эффекта для военно-стратегических интересов указанных стран. Однако утверждение норвежской исследовательницы И. Квалвик, которая считает, что проблема «серой зоны» не является поводом к серьёзному конфликту, а перспектива урегулирования этой проблемы зависит только от политического желания, воли, энтузиазма обеих сторон[1], на взгляд диссертанта, не совсем верно. Всё-таки речь идёт о крупных стратегических запасах сырья, о защите национальных экономических интересов, причём не только СССР/России и Норвегии. Данный узел противоречий слишком крепок, чтобы развязать его в ближайшей перспективе только за счёт желания, воли и энтузиазма двух стран.

Политические связи между СССР и Норвегией в 1970-е годы были непостоянными. Несмотря на то, что на официальном уровне советские лидеры избегали прямых критических замечаний о членстве Норвегии в НАТО и делали акцент на пропаганде и восхвалении политики нейтралитета, тем не менее, нельзя отрицать, что именно этот факт волновал Советское правительство в первую очередь. Конфронтация СССР с США наносила серьёзный ущерб взаимоотношениям между Советским Союзом и

[1] Kvalvik I. Assessing the Delimitation Negotiations between Norway and the Soviet Union/Russia // Acta Borealia. – 2004. - №1. – P. 55-78.

Норвегией и накладывала глубокий отпечаток на развитие их политических связей[1].

С конца 1970-х годов на отношения Советского Союза с Норвегией негативно повлияли такие события, как конфликт вокруг размещения ядерных ракет средней дальности в Европе, ввод советских войск в Афганистан в 1979 году, введение чрезвычайного положения в Польше в декабре 1981 года и арест в 1984 году норвежского дипломата Арне Трехолта по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза[2]. На смену оптимизму, царившему в первой половине 1970-х годов, пришли новый раунд холодной войны и страх перед будущим. Представление о советской военной угрозе всё больше связывалось в Норвегии с размещением советских военных частей вблизи норвежской границы на Кольском полуострове[3].

Однако не стоит забывать, что и Норвегия не оставалась «в долгу». Противоречивость норвежской внешней политики всегда была очевидной, что ещё сильнее выразилось в первой половине 1980-х годов. В 1981 году между Норвегией и США было подписано соглашение о заблаговременном размещении на норвежской территории вооружений и тяжёлой боевой техники для американской морской пехоты численностью в 10 тыс. человек (ограничения Норвегии не иметь на своей территории ядерного оружия и не размещать иностранные войска не распространялись на конвенциональное оружие). Среди различных видов вооружения имелись и 155-мм гаубицы, способные вести огонь ядерными боеприпасами. При необходимости морские пехотинцы без тяжёлого вооружения в кратчайший срок могли быть доставлены в Норвегию. На десяти норвежских аэродромах блок НАТО предусматривал разместить «для использования в критической ситуации» в общей сложности около 350 самолётов, в том числе истреби-

---

[1] Сухарев М.И. Период «холодной войны» в советско-норвежских отношениях // Соседи на крайнем Севере: Россия и Норвегия. От первых контактов до Баренцева сотрудничества. – Мурманск, 2001. - С. 276.

[2] Ристе У. История внешней политики Норвегии. – М., 2003. – С. 306.

[3] Хольтсмарк С.Г. Норвегия и Советский Союз в 1917-1991 годах // Россия – Норвегия. Сквозь века и границы. М., 2004. - С. 176.

тели морской авиации США и бомбардировщики Ф-3, способные нести ядерное оружие. В распоряжение НАТО были переданы норвежские военно-морские базы в Хоконсверн, Алафсверн, Рамсунн, Кристиансенн[1]. Размещение в Норвегии самолётов системы «АВАКС», позволяло прослушивать территорию Советского Союза на большую глубину. Американские самолёты «Орион», используя норвежские аэродромы, регулярно вели наблюдение за советским Северным флотом в Норвежском и Баренцевом морях. В 1983 году стали известны планы размещения на территории Норвегии американских крылатых ракет с обычными боеголовками, которые, в случае необходимости, могли быть заменены ядерными. Пентагон предпочёл не подтверждать, но и не опровергать наличие подобных планов.

По военным расходам на душу населения в 1980-е годы Норвегия занимала третье место в Североатлантическом альянсе после США и Великобритании (примерно 3,5%, тогда как, например, Финляндия тратила на оборону всего 1,5% национального дохода)[2]. Многочисленные учения НАТО на территории Норвегии и вблизи её берегов означали фактически перманентное присутствие иностранных войск в стране (военно-морские базы и порты Норвегии ежегодно посещали свыше 100 военных кораблей НАТО и 80 самолётов ВВС США и других стран блока), что явно противоречило исходному условию её членства в Североатлантическом альянсе.

В целом администрация К. Виллока зарекомендовала себя самой верной союзницей США, поддержав Вашингтон и по такому вопросу, как создание СОИ (Стратегической Оборонной Инициативы). Кроме того, Норвегия, ведомая Пентагоном, отвернулась от идеи создания безъядерной зоны, предложенной Финляндией ещё в начале 1960-х, а затем поддержанной Швецией в 1982 году. Эти и другие формы расширения сотрудничества Норвегии с США и НАТО вели к размыванию её «базовой» и «атомной» политики.

---

[1] Лавров Ю. Североевропейский вариант политики безопасности // Международная жизнь. – 1989. - №11. – С. 112-120.
[2] АВП РФ. Ф. 135. Оп. 69. Д. 11. П. 156. Л. 129.

Все это позволяет сделать вывод о том, что в начале 1980-х годов советско-норвежские отношения носили своего рода инерционный характер развития. Хотя экономические показатели взаимодействия на примере объёма советско-норвежского торгового оборота продолжали расти, эти достижения следует связать, прежде всего, с успехами 1970-х годов[1]. Уже с 1985 года начинается резкий спад взаимного товарооборота, который составил в этом году 177,7 млн. рублей [2].

На фоне столкновения военно-политических интересов приостановилось и развитие общественных, культурных связей, которые в 1970-е годы вышли на относительно высокий уровень. В первую очередь, данному сотрудничеству в наибольшей степени способствовали такие общественные организации, как общество дружбы «Норвегия-СССР», учреждённое в 1945 году и насчитывавшее, например, в 1974 году 3 тыс. индивидуальных и 60 коллективных членов, а также общество «СССР-Норвегия», образованное в 1958 году[3]. Официально их взаимодействие было оформлено в 1970 году соглашением о сотрудничестве[4]. Эти организации осуществляли обмен делегациями, туристские поездки, проводили собрания, вечера, выставки, лекции, кинопросмотры, участвовали в кинофестивалях[5].

В первой половине 1980-х годов во многом была утрачена позитивная динамика советско-норвежских отношений периода 1970-х годов. Нерешённость практических проблем и расхождения во взглядах на развитие международных отношений начали очень негативно сказываться на дальнейшем сотрудничестве. Фактически прекратился диалог на высоком уровне в политической области.

Начало 1970-х годов привнесло положительные изменения и в советско-шведские отношения. Летом 1970 года в Москве прошли официальные

---

[1] См. Приложения №1.
[2] Экономика и внешнеэкономические связи СССР: Справочник / Под ред. И.Н. Устинова. - М., 1989; - С. 230-231.
[3] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 458. Л. 46.
[4] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 127. Л. 2.
[5] АВП РФ. Ф. 186. Оп. 67. Д. 1. П. 131. Л. 24; Оп. 9. Д. 1. Л. 34.

советско-шведские переговоры на высшем уровне, выявившие близость взглядов при решении многих политических проблем, включая проблему европейской безопасности. В 1976 году в ходе визита премьер-министра Швеции Улофа Пальме в СССР и его переговоров с А.Н. Косыгиным и А.А. Громыко было достигнуто долгосрочное соглашение о торговле на 1977-1981 годы. В 1975 году была подписана долгосрочная программа развития экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества, которая в 1981 году была продлена на период до 1990 года. В данном документе было отражено стремление СССР и Швеции расширять экономические отношения между двумя странами, включая вопросы торговли, в том числе прибрежной, развития промышленного сотрудничества, совместных научных исследований сельского хозяйства, транспорта, туризма, финансов, обмена экономической и коммерческой информацией. В период действия программы было предусмотрено удвоить объём советско-шведской торговли. После 1980 года подписан ряд советско-шведских соглашений о развитии сотрудничества в разных областях, включая соглашение о прибрежной торговле (1985 г.), соглашение со сроком действия до 2000 года об обогащении на предприятиях Советского Союза шведского уранового сырья, соглашение о сотрудничестве в области сельского хозяйства[1].

Итогом такого активного советско-шведского взаимодействия 1970-х годов стал быстрый рост товарообмена (состав товарооборота был постоянным: шведское оборудование и машины, советское промышленное сырьё, в первую очередь нефтепродукты и твердое топливо). Если в 1970 году объем торгового оборота между странами составлял 234,9 млн. рублей, то к 1984 году товарооборот между СССР и Швецией достиг рекордного показателя в 835,2 млн. рублей, увеличившись, например, по сравнению с 1950 годом в 26,9 раза, в том числе экспорт – в 54,2 раза и

[1] Экономика и внешнеэкономические связи СССР: Справочник / Под ред. И.Н. Устинова. - М., 1989; - С. 244.

импорт – в 13,1 раза[1]. И хотя в абсолютном выражении товарооборот оставался скромным (с учётом инфляционного роста цен), так что доля СССР в шведском экспорте не достигала 2 %, а доля Швеции во внешнеторговом обороте СССР – 2,5 %[2], прогресс в сотрудничестве был налицо.

В последующие годы происходит снижение взаимной торговли, что было во многом обусловлено обострением международной ситуации и падением сырьевых цен, ослабившим платежные возможности советской стороны.

С конца 1960-х годов значительно расширились контакты между СССР и Швецией в области культуры, спорта и туризма по линии профсоюзных, молодёжных, женских и других организаций. Был налажен обмен культурными ценностями путём организации в СССР и Швеции выставок, концертов, демонстрации фильмов, издания литературы.

Огромное значение в деле укрепления дружбы и взаимопонимания между странами имело сотрудничество обществ дружбы «Швеция – Советский Союз», организованного ещё в марте 1934 года[3] и имевшего в своём составе более 7 тыс. членов и 40 отделений в 35 крупных городах Швеции, и «Советский Союз – Швеция»[4] (создано в 1958 году). Официально это взаимодействие началось 9 ноября 1963 года, когда между Союзом Советских обществ Дружбы и вышеупомянутыми обществами было подписано соответствующее соглашение[5].

Большими тиражами в нашей стране издавались произведения известных шведских писателей: С. Лагерлёфа, А. Лундквиста, А. Линдгрен, П. Лагерквиста, Н. Хольгерсона. Увеличивалось число и тираж переводов со шведского в журнальных изданиях («Иностранная литература» в Москве и «Звезда» в Ленинграде). Заметно усилился библиотечный обмен.

---

[1] Там же. - С. 244-246.
[2] Кан А.С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. – М., 1999. - С. 263.
[3] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 458. Л. 44.
[4] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 458. Л. 44.; Васильев П. СССР и Швеция // Международная жизнь. – 1976. - №5. – С. 95-100.
[5] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 134. Л. 1.

Крупным событием в культурной жизни обеих стран в 1975 году стали гастроли Ленинградского академического театра оперы и балета в Стокгольме и гастроли Стокгольмской оперы в Москве на сцене Большого театра. Успешно проводились в Швеции с 1969 года «Дни Советского Союза». Ежегодно организуемые, они давали возможность шведам познакомиться с достижениями советских республик[1]. Только за 1974 год в этих «Днях» приняло участие более 50 тыс. шведов[2]. Рос интерес шведов к русскому языку, который стал преподаваться на всех университетских кафедрах славистики. Больше средств стали получать кафедры, изучающие Советский Союз, его политику, экономику, историю.

Справедливости ради стоит отметить широкое увлечение шведов идеями диссидентов. Были в Швеции и культурные направления, враждебные Советскому Союзу. Появлялась и соответствующая публицистическая литература, например книги «Операция Нарва», «Борьба за мир и подводные лодки», «Советы грозят Швеции». Однако на фоне общего развития культурного сотрудничества подобные факты выглядели достаточно скромным противовесом.

Отрадным явлением этого периода в советско-шведских отношениях стало развитие тесных научных связей. Например, ещё в 1950-х годах зародилась советская скандинавистика. С 1956 года при Тартуском университете стал издаваться «Скандинавский сборник» широкого гуманитарного профиля, который выходил до конца 1980-х годов. В 1963 году впервые была созвана в том же Тарту Всесоюзная конференция скандинавистов. Это мероприятие привилось, а в июне 2004 года в Москве проводилась уже XV юбилейная конференция. В 1973 году на одной из скандинавских конференции возник советско-шведский семинар историков, организованный по почину профессора С.У. Пальме. Эти семинары проводились до

[1] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20.
[2] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20. Д. 462. Л. 3.

1990-х годов, затем их значение уменьшилось в силу либерализации всего межнационального общения[1].

В конце 1970-х годов с очередной вспышкой холодной войны вполне конкретные события и явления омрачили отношения между СССР и Швецией. Шведская общественность протестовала против советской интервенции в Афганистане, против размещения советских ракет средней дальности в центре Европы. Отрицательное отношение к Советскому Союзу усилилось в октябре 1981 года, когда в заливе близ города Карлскруны села на мель советская дизельная подводная лодка «С-363»[2]. Подлодка находилась не просто в шведских территориальных водах, но ещё и в запретной военной зоне. В результате заурядной навигационной аварии был не только нанесён удар по престижу советских подводников, но имели место далеко идущие последствия. Инцидент с лодкой, не без подачи ЦРУ, надолго похоронил идею создания на Балтике зоны мира, а сама эта история, став, по словам С.В. Апрелева, «излюбленным объектом спекуляции, на долгие годы отравила советско-шведские отношения и повлияла на политическую атмосферу всего региона»[3].

На следующий год вновь была замечена советская подводная лодка в шведских водах. Шведской стороной было предоставлено множество косвенных свидетельств того, что в территориальных водах страны действовала некая подводная лодка, возможно, с разведывательными целями. Так, например, в защитной сети было обнаружено крупное отверстие, а на морском дне найдены отпечатки гусеницы мини-лодки.

В некоторых шведских СМИ писалось о 60-ти нарушениях советскими подводными лодками морской границы Швеции за период с 1980 по

---

[1] Кан А.С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. – М., 1999.

[2] Апрелев С.В. «Перископный синдром» в отношениях СССР и Скандинавских стран // Флот и победа. – Архангельск, 2004. – С. 151. Есть и другие данные по этому поводу. Например, А.С. Кан в своей работе (Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. – М., 1999. – С. 225), видимо, основываясь на западных источниках, говорит об атомной подводной лодке. Однако эта версия при всём уважении к исследователю вызывает большие сомнения.

[3] Апрелев С.В. Указ соч. – С. 151.

1982 годы. Однако существовали доказательства лишь 5 случаев[1]. Сам министр иностранных дел Швеции Л. Будстрём признавал, что доказательства того, что в Хорсфьёрдене были подводные лодки, и именно советские, не выдержали бы проверки международной комиссии[2].

В феврале-марте 1984 года шведы вновь искали советскую подлодку. Во время погони за «нарушителем» было взорвано 22 глубинные бомбы, 28 фугасных зарядов, 63 гранаты, и, тем не менее, мнимой лодке удалось уйти. Как и в других случаях, не было ни единого бесспорного подтверждения иностранной подводной деятельности, и особенно советской[3]. Из 600 оптических наблюдений половина отсеялась сразу же. В итоге было оставлено всего 7 случаев возможного наблюдения подлодки[4]. Такого же рода происшествия повторялись в разных пунктах в 1985, 1987, 1988 годах.

Несмотря на то, что советская сторона опровергала обвинения и выдвигала версию провокации со стороны США, эти инциденты и другие нарушения шведских территориальных вод подлодками и шведского воздушного пространства советскими истребителями у берегов Балтийского моря и над островом Готланд в течение 1980-х годов омрачили связи между Швецией и Советским Союзом, хотя и не оказали прямого влияния на официальные отношения между странами,

Здесь уместно отметить, что за период с 1979 по 1984 годы шведское воздушное пространство было нарушено всего 270 раз, и только в тридцати случаях речь шла о самолётах Организации Варшавского Договора. В остальных случаях ответственность за нарушения несли государства Североатлантического блока[5].

Ещё одним событием первой половины 1980-х годов, обострившим отношения между СССР и Швецией, стало выступление Виктора Суворова

---

[1] Dagens Nyheter. – 1985. – 28 января.
[2] Там же. – 1985. – 12 февраля.
[3] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 10. П. 138. Л. 71.
[4] Там же. - Л. 72.
[5] Dagens Nyheter. – 1985. – 4 сентября.

(Резуна), бывшего советского разведчика, бежавшего на Запад. Он заявил о создании в Советском Союзе большого количества частей «спецназа» (32 тыс.), готовившихся к диверсионным акциям в Швеции и Норвегии. Это значительно встревожило общественность и военные круги Швеции[1].

Несмотря на все конфликты, Главком Вооружённых сил Швеции П. Шори высказывался насчёт перспектив советско-шведского взаимодействия следующим образом: «Мы ничего не выиграем, свёртывая отношения… Закрывать каналы для контактов, замораживать диалог и дипломатические связи значило бы свести защиту независимости нашей страны лишь к военным компонентам»[2].

Тем не менее, стоит отметить, что в этот период в Швеции активизировались влиятельные силы, прежде всего из лагеря находившихся у власти в 1976 - 1982 годах правых буржуазных партий. Они зачастую излишне раздували существовавшие противоречия, стремясь ограничить политические и иные контакты своей страны с СССР. Кроме того, в конце 1970-х годов шведское правительство не раз занимало позиции, ослабляющие статус нейтралитета. Так, в 1979 году Пентагону были представлены подробные карты северных районов Швеции. Имелись секретные соглашения между Швецией и странами НАТО об обмене информацией военного характера, поездках с ознакомительными целями, участии в военных учениях, «взаимной передачи напрокат» военных технологии[3]. Территория Швеции использовалась для транзитной транспортировки натовских вооружений в Норвегию.

Однако уже в сентябре 1984 года на съезде Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) премьер и лидер партии У. Пальме заявил о необходимости поддерживать контакты и обмениваться визитами между Швецией и СССР «на различных уровнях, при любых обстоятель-

---

[1] Aftonbladet. – 1985. – 4 июня.
[2] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 13. П. 142. Л. 7.
[3] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 10. П. 138. Л. 51

ствах»[1]. После парламентских выборов, состоявшихся в сентябре 1985 года, на которых левые силы – СДРПШ и Левая партия – коммунисты вновь обеспечили себе большинство, премьер-министр У. Пальме заявил о намерении посетить Советский Союз[2].

Единство взглядов между СССР, Швецией, а также Финляндией наблюдалось по вопросу создания безъядерной зоны в Европе. Ещё в июне 1981 года риксдаг Швеции рекомендовал правительству поддержать тесные контакты с правительствами других северных стран для выяснения возможностей создания безъядерной зоны в регионе как этапа к созданию безъядерной зоны в Европе. В 1982 году шведское правительство предложило создать в Европе зону, свободную от ядерного оружия поля боя (тактическое оружие, находящееся на вооружении войсковых соединений – дивизий, бригад), которая проходила бы по обе стороны от линии соприкосновения государств – участников Варшавского Договора и НАТО. Как подчеркивал У. Пальме, это предложение не противоречило идее Финляндии о безъядерной зоне на Севере Европы, они взаимно дополняли друг друга. В своей речи в декабре 1985 года на конференции шведского Форума мира рабочего движения, продолжая тему, он отмечал: «В обстановке, когда руководители двух держав заявляют, что ядерная война никогда не должна быть развязана и в ней не может быть победителей, для всех людей во всём мире естественно заявить, что они также не хотят иметь ядерного оружия… В то время как руководители СССР и США согласились, что ядерное оружие неприменимо с военной точки зрения, мы, пожалуй, могли бы прийти к единому мнению, каким образом оградить наш регион от этого оружия массового уничтожения»[3]. Таким образом, можно отметить определённую эволюцию в позиции Швеции в отношении идеи создания безъядерной зоны на Севере Европы.

---

[1] Цит. по: Денисов Ю. СССР – Швеция: укреплять добрососедство // Международная жизнь. – 1985. – №12. – С. 79.
[2] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 10. П. 138. Л. 83.
[3] Цит. по: Дмитриев В. Борьба за безъядерную зону на Севере Европы // Международная жизнь. – 1986. - №6. – С. 125.

Инициатива Швеции шла в том же направлении, что и усилия, предпринимаемые Советским Союзом и другими социалистическими странами, которые считали, что создание безъядерных зон в различных районах Европы является одним из путей, ведущих к освобождению всего континента от ядерного оружия, как тактического, так и средней дальности. Вполне естественно, что СССР выразил готовность принять участие в переговорах о создании предлагаемой Швецией зоны, предложив в целях повышения эффективности расширить её с 300 до 500-600 километров[1]. Однако пронатовские силы, особенно в странах-членах Атлантического блока, несмотря на широкое развитие общественного движения, объявили постановку вопроса о безъядерной зоне нереальной.

Проявляя беспокойство за судьбы мира в Европе, правительство Швеции осудило американские доктрины «первого удара», «ограниченной войны» и перспективу «звёздных войн», выказало серьёзную озабоченность в связи с размещением США и НАТО новых ракет средней дальности на территории западноевропейских стран. При этом справедливо обращалось внимание на проблемы, которые создаёт использование крылатых ракет для безопасности Швеции и Финляндии.

Видную роль шведская позиция играла и в вопросах глобального ядерного разоружения. В первой половине 1980-х годов на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН Швеция выступала с инициативой о замораживании ядерных арсеналов СССР и США, поддержала принятые по инициативе СССР в 1982 году резолюции о неприменении первым ядерного оружия, о безотлагательном прекращении и запрещении ядерных испытаний[2].

Важным вкладом в международное обсуждение проблем войны и мира стала работа возглавляемой У.Пальме Независимой (неправительственной) международной комиссии по вопросам разоружения и безопасности с участием советских представителей. Выдвинутая комиссией программа ра-

---

[1] Правда – 1983 - 28 января.
[2] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 13. П. 142. Л. 128.

зоружения превратилась в предмет серьёзного изучения в разных странах. В Вашингтоне же выводы комиссии были отвергнуты.

Заметной международной акцией стали обращения лидеров шести стран (Греции, Индии, Мексики, Аргентины, Танзании и Швеции), которые дважды в 1985 году призывали обуздать гонку вооружений и предпринять конкретные шаги по смягчению международной напряжённости. «Декларации шести» встретили высокую оценку в Советском Союзе[1].

Таким образом, последовательное проведение Швецией политики нейтралитета имело большое значение для поддержания «северного баланса» и сохранения мира не только на Севере Европы. Как видно, Советский Союз был крайне заинтересован в поддержании и дальнейшем развитии существовавших двухсторонних отношений с Королевством и всячески этому способствовал, несмотря на все препятствия и напряжение в международных отношениях первой половины 1980-х годов.

Активизация внешней политики СССР в 70-х годах XX века по отношению к североевропейским государствам объясняется новыми факторами и условиями международной обстановки. Окончательно сформировавшаяся к середине 1960-х годов система безопасности на Севере Европы, так называемая система «северного баланса», сложившаяся относительная стабильность в этом регионе, стремление к мирному сосуществованию и прогрессу во многом явились причинами более качественного развития и позитивного наполнения содержания международных отношений, в том числе и советско-скандинавских.

Процесс по организации СБСЕ завершился в 1975 году в Хельсинки подписанием Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот документ привнёс в международные отношения новые составляющие. Начался переход от жесткого блокового противостояния к политике двухсторонних и многосторонних отношений, бази-

[1] Денисов Ю. СССР – Швеция: укреплять добрососедство // Международная жизнь. – 1985. – №12. – С. 73-82.

рующейся не на силовом взаимодействии, а прежде всего на базе экономического, социального и культурного сотрудничества. Эта тенденция была отражена и во внешнеполитических программах XXIV и XXV съездов КПСС, где указывалось на настоятельную необходимость «активно вести линию на полное претворение в жизнь Заключительного акта общеевропейского совещания, развитие мирного сотрудничества в Европе»[1]. Таким образом, была подтверждена готовность СССР продолжать развивать взаимоотношения со всеми миролюбивыми государствами и правительствами, которые стремятся к укреплению международной безопасности, обузданию гонки вооружений и равноправному сотрудничеству.

В рамках СБСЕ сложилась так называемая система *"трех корзин"*, то есть трех больших блоков проблем, подлежавших обсуждению на совещании в соответствии с консенсусными договоренностями, которые охватывали все сферы межгосударственных отношений. К *первой корзине* относились вопросы собственно политической безопасности и контроля над вооружениями, ко *второй* - развитие сотрудничества в области экономики, науки и техники, окружающей среды, к *третьей* - сотрудничество в гуманитарной и других областях (общественные контакты, информация, культура, образование), а также права человека. Несмотря на безусловную важность ряда достигнутых политических компромиссов в русле первой корзины, наибольшее влияние на развитие отношений СССР со странами Скандинавского полуострова в 1970-е годы оказали именно вторая и частично третья корзины.

Экономика североевропейских стран, значительно связанная с рынком государств центральной Западной Европы и крайне зависимая от состояния международной торговли и валютной системы капиталистического мира, была подвержена кризису конца 1960-х - середины 1970-х годов (повышение мировых цен на сырьё). Особенно сильно экономический кризис ударил по традиционным отраслям северных стран (лесобумажной, авто-

[1] XXV съезд КПСС: Стенографический отчет. М., 1976, т.1, - С. 50.

мобильной, судостроительной), основная часть продукции которых реализовалась на рынках Западной Европы. В этой ситуации сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами стало играть важную роль в развитии экономического потенциала государств Северной Европы. Оно способствовало не только расширению товарообмена, но и качественному совершенствованию экономики путём развития научно-технического сотрудничества, промышленной специализации и кооперирования, модернизации производства.

Страны Северной Европы в свою очередь стали играть существенную роль в системе внешнеэкономических связей Советского Союза с промышленно развитыми капиталистическими государствами. К 1978 году удельный вес трёх стран региона (Норвегии, Швеции, Финляндии) в советском внешнеторговом обороте с капиталистическими странами составил 14,3%, в том числе Финляндии – 11,2%, Швеции - 2,5%, Норвегии – 0,6% (общая сумма товарооборота более 3 млрд. руб.). А доля этих стран во всем внешнеторговом обороте СССР составила примерно 4,4% (правда, с учётом Дании)[1].

В 1970-е годы, по линии развития «второй корзины» СБСЕ, было положено начало новому этапу в экономических отношениях СССР со странами Северной Европы. Его отличительная черта – переход к промышленному сотрудничеству, то есть стабильной, долговременной экономической деятельности партнеров, принадлежащих к различным общественным системам, направленной на реализацию согласованных целей.

Что касается развития взаимодействия в сфере третьей корзины, то здесь, несмотря на «слабое звено» советской системы, также были достигнуты значительные успехи. Исходя из вышеобозначенных фактов, можно заключить, что в 1970-е годы в области культурного сотрудничества СССР со странами Скандинавского полуострова всё-таки был совершён большой

[1] Тополя В.И., Пискулов Ю. Хозяйственные связи СССР и Северной Европы // Мировая экономика и международные отношения. – 1980. - №2. – С. 84.

шаг вперёд. Оно всецело содействовало достижению взаимопонимания, доверия и развитию дружественных отношений в соответствии с IX принципом Заключительного акта СБСЕ.

Итак, эволюция представлений советского руководства в понимании проблем безопасности (стратегия создания «оборонительного барьера» в лице нейтральных государств или стран-союзниц вокруг своих границ была дополнена идеей развития активного взаимовыгодного сотрудничества со всеми государствами, вне зависимости от того, к какой политической системе они относятся), развитие общеевропейского процесса на международной арене имело определяющее значение для трансформации и роста интенсивности внешнеполитической деятельности СССР в отношении стран Скандинавского полуострова. В 1970-е годы в сравнении с прошлыми десятилетиями степень взаимоотношении Советского Союза с Финляндией, Швецией и Норвегией достигла своих максимальных показателей во всём комплексе взаимосвязей, и прежде всего в таких сферах международных отношений, как экономическая, научно-техническая, культурная, которые были выведены на более совершенный уровень и потеснили собой политические отношения[1].

Несмотря на все достижения, значение этого вектора в структуре внешнеполитической деятельности СССР и соответственно его роль в системе международных отношений на данном этапе возросло незначительно. Кончено, активное участие Хельсинки, а потом и Стокгольма в организации СБСЕ, в борьбе за разоружение и создание безъядерных зон оставило свой яркий след в истории международных отношений в целом, и североевропейского региона в частности, подняв его международный престиж. Однако это были сравнительно локальные успехи. Степень высокой стратегической значимости этого региона (как наиболее важного компонента геополитики влияющего на развитие международных отношений) была

[1] Под политическими отношениями понимаются отношения между государствами по реализации их интересов на мировой арене. См. Мировая политика и международные отношения / Под ред. С.А Ланцова, В.А. Ачкасова. – СПб.: Питер, 2005. – С. 128.

определена ещё в первые послевоенные десятилетия. В 1970-е – первой половине 1980-х годов ситуация не изменилась, так как принципиальных корректив в сложившееся распределение военно-политических сил внесено не было. Общеевропейский процесс лишь частично нивелировал и смягчил это противостояние. Практическому сотрудничеству отводилась задача обеспечения сохранности, цементирования сложившейся системы безопасности. Изменилась тактика внешней политики СССР, но не её стратегия. Как можно убедиться, в исследуемый период неоспоримо активное развитие взаимовыгодного сотрудничества Советского Союза со странами Северной Европы все-таки было относительным. Особенно чётко это прослеживается из анализа экономического взаимодействия. В соотношении с развитием общей внешней торговли СССР в 1970-е – первой половине 1980-х годов доля советско-шведского и советско-норвежского торгового оборота снизилась. Возросла только доля советско-финского оборота[1]. Таким образом, можно говорить о том, что торговля между Москвой и Хельсинки базировалась не столько на экономических соображениях, сколько на политическом приоритете.

В целом же международное развитие на Севере Европы, безусловно, продолжало оставаться показательным и занимать видное место в глобальной системе международных отношений, реагируя на её малейшие изменения. Однако оно, конечно, не являлось определяющим.

В заключении ещё раз стоит отметить непреходящее значение общеевропейского процесса для активизации внешнеполитической деятельности СССР в отношении стран Скандинавского полуострова. В 1970-е годы уровень взаимопонимания и взаимодействия Советского Союза с Финляндией, Швецией и Норвегией действительно достиг своего максимума во всём комплексе взаимосвязей.

С новым этапом напряжённости на международной арене на рубеже 70-х – 80-х годов XX века наблюдается снижение активности во взаимоот-

[1] См. Приложения №1.

ношениях СССР в первую очередь с Норвегией и Швецией. Это время явилось своеобразным переходным периодом на пути к налаживанию качественно иных отношений, строящихся на новых внешнеполитических принципах советского руководства, получивших своё развитие во второй половине 1980-х годов.

ГЛАВА 2.

ПОИСК НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ПРАКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СССР С ФИНЛЯНДИЕЙ, ШВЕЦИЕЙ И НОРВЕГИЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ «ПЕРЕСТРОЙКИ» (1985 - 1991 ГОДЫ)

§ 1. Развитие отношений Советского Союза со странами Скандинавского полуострова в середине 1980-х годов

Началом очередного этапа во взаимоотношениях Советского Союза со странами Северной Европы стал провозглашенный М.С. Горбачевым в 1985 году «курс на ускорение социально-экономического развития», а затем и «перестройку» в СССР, выразившийся во внешнеполитической деятельности государства переходом к практике так называемого «нового политического мышления».

Подготовка руководства СССР к «новому политическому мышлению» в международных отношениях началась несколько ранее её официального обсуждения и принятия в феврале-марте 1986 года на XXVII съезде КПСС. Ещё в июле 1985 года вместо опытного, но вместе с тем, по мнению М.С. Горбачёва, чрезвычайно консервативного дипломата А.А. Громыко министром иностранных дел СССР был утверждён поддерживавший реформационную политику М.С. Горбачёва Э.А. Шеварднадзе. Этот человек простоял во главе внешнеполитического ведомства в течение всего периода «перестройки» и полностью способствовал реализации принципов «нового политического мышления». Охарактеризовать этого министра иностранных дел как опытного руководителя на момент его назначения невозможно. Э.А. Шеварднадзе не занимался до этого вопросами внешней политики. Для него самого его назначение на должность министра иностранных дел было полной неожиданностью. В своей книге «Мой выбор»

он давал себе следующую характеристику: «Положение у меня – хуже не придумаешь… Не уверен, что из этого что-нибудь получится. Мне придётся особенно трудно на фоне авторитета Андрея Андреевича Громыко и того наследия, которое он оставил. Что я по сравнению с ним, крейсером мировой политики? Всего лишь лодка. Но с мотором»[1]. Таким образом, можно отметить, что Э.А. Шеварднадзе имел определённые амбиции и в целом считал себя вполне способным занять этот высокий пост.

Основные принципы «нового политического мышления» сводились к следующему: отказ от вывода, что современный мир расколот на две противоположные общественно-политические системы - капиталистическую и социалистическую и признание современного мира единым, взаимосвязанным, взаимозависимым; отрицание того, что безопасность современного мира держится на балансе сил двух противоположных систем, и признание баланса интересов в качестве гаранта этой безопасности; отход от принципа пролетарского, социалистического интернационализма и признание приоритета общечеловеческих ценностей над любыми другими (национальными, классовыми и т.п.). В соответствии с новыми принципами были определены и приоритеты советской внешней политики: деидеологизация межгосударственных отношений, совместное решение глобальных наднациональных проблем (безопасности, экономики, экологии, прав человека), строительство "общеевропейского дома".

Определяющими факторами изменений во внешнеполитическом развитии второй половины 1980-х годов являлись процессы внутренней перестройки в советском государстве. Однако не стоит забывать и о развитии международных отношений в целом, которые, конечно, тоже оказали значительное влияние на корректировку внешнеполитической деятельности Советского Союза, в частности на скандинавском направлении.

С конца 1940-х годов на Севере Европы проходила сухопутная граница между СССР и блоком НАТО. Европейский Север из традиционного

[1] Шеварднадзе Э.А. Мой Выбор: в защиту демократии и свободы. – М., 1991. – С. 86.

фланга военных действий превратился во второй половине XX века в главное направление потенциального обмена ядерными ударами между противостоящими военными блоками. В 1950-1980-е годы сверхдержавы проявляли постоянно возраставший интерес к приарктическому и арктическому регионам Европы. Именно здесь сложилась характерная для эпохи холодной войны своего рода классическая система распределения сил, равновесия и безопасности, именуемая «северным балансом». Несмотря на все достижения 1970-х годов в международных отношениях и внешней политике Советского Союза, начало 1980-х годов отчётливо продемонстрировало, что самая насущная проблема блокового противостояния и военно-политической напряжённости - проблема безопасности в регионе - оставалась нерешённой.

Интерес в мировом сообществе к Северу Европы ещё с 1960-х годов стал подогреваться и острой необходимостью включения в мировой хозяйственный оборот сохранившихся здесь почти нетронутыми полезных ископаемых. Кроме того, к 1980-м годам, несмотря на доминирование в международных отношениях таких направлений деятельности, как военно-политическая, экономическая, сотрудничества в гуманитарной сфере, стала приобретать большое значение проблема экологической безопасности. При этом было очевидно, что обеспечить эту безопасность в рамках тех или иных отдельных стран или военно-политических блоков невозможно. Только общие совместные усилия государств региона, воплощённые в принятие и подписание конкретных международно-правовых актов, направленных на защиту окружающей среды, были бы способны принести желаемый эффект.

Несомненно, все эти обстоятельства, как и внутриполитическое развитие в СССР, оказывали давление на руководство государства, призывали к соответствующим действиям и преобразованиям, во многом предопределили высокую значимость североевропейского направления отечественной

внешней политики в процессе подготовки и осуществления «нового политического мышления» в развитии международных отношений.

В марте и сентябре 1985 года Москву посещал президент Финляндской Республики М. Койвисто. В ходе его бесед с М.С. Горбачёвым было подчеркнуто непреходящее значение Договора 1948 года, продление срока действия которого до начала XXI века на тот период подтвердило жизненность его основных принципов и положений, гарантировало дальнейшие перспективы для укрепления советско-финляндского добрососедства.

Президент М. Койвисто дал высокую оценку новым внешнеполитическим инициативам Советского Союза[1]. В целом Финляндия очень положительно восприняла реформационные процессы в СССР. Подавляющее большинство финнов верили в то, что эти преобразования реально содействуют укреплению мира[2]. В ходе исследования общественного мнения, проводившегося в Финляндии в июле 1987 года, 86% опрошенных дали высокую оценку развитию советской внутренней и внешней политики, и только 1% высказался негативно. По мнению 64% финнов, М.С. Горбачёв проводил более активную политику в пользу мира, чем Р. Рейган, которому отдали предпочтение лишь 2%[3].

Продолжалось активное советско-финляндское сотрудничество и в решении проблем безопасности. В апреле 1987 года в Хельсинки состоялись политические консультации между СССР и Финляндией по широкому кругу проблем, относящихся к предотвращению гонки вооружений, включая нераспространение ядерного оружия[4]. Обсуждался и вопрос о перспективах создания безъядерной зоны на Севере Европы[5], которому 28 мая 1988 года исполнялось 25 лет. Во время московской встречи М.С. Горбачёва с М. Койвисто в октябре 1987 года общие цели совмест-

---

[1] Правда. – 1985. - 20 сентября 1985.
[2] АВП РФ. Ф. 135. Оп. 68. Д. 21. П. 154. Л. 71.
[3] Комиссаров Ю. Безопасность и сотрудничество: опыт европейского севера. – М., 1989. - С. 71.
[4] АВП РФ. Ф. 135. Оп. 67. Д. 5. П. 149. Л. 12.
[5] АВП РФ. Ф. 135. Оп. 69. Д. 11. П. 156. Л. 180

ных действий двух стран в этой области были сформулированы следующим образом: наращивать усилия с целью отвести ядерную угрозу, обеспечить прочный мир на Земле, добиться устойчивой тенденции к оздоровлению международной обстановки, сохранению и укреплению процесса разрядки. В отношении же «афганского вопроса» Финляндия занимала нейтральную позицию, воздерживаясь при голосовании в ООН по этой проблеме[1].

Таким образом, в советско-финляндских отношениях сохранялась некая стабильность, которой старались придерживаться обе стороны. Взаимоотношения продолжали строиться на основе Договора 1948 года и в духе следования ранее заключённым соглашениям. Наибольшая же активность в сотрудничестве наблюдалась на дипломатическом уровне и в поддержании друг друга на международных форумах.

В сравнении с советско-финляндскими отношениями, советско-шведское взаимодействие середины 1980-х годов вполне можно охарактеризовать как более динамичное и поступательное. Это, прежде всего, стоит связать с тем, что после охлаждения отношений в начале1980-х годов постепенно начался процесс их восстановления и стабилизаций.

Важным событием, стимулирующим развитие советско-шведских отношений после их «похолодания» в начале 1980-х годов, явился обмен посланиями между Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачёвым и премьер-министром Швеции У. Пальме в октябре-ноябре 1985 года. При этом стоит заметить, что советско-шведское взаимодействие начало налаживаться ещё до смены советского руководства в марте 1985 года, и большую заинтересованность проявляла шведская сторона.

Ещё в январе этого года министр иностранных дел Швеции Л. Будстрём, выступая в МИД в Москве, выразил удовлетворение в связи с расширением объёма связей Швеции с СССР, достигнутых в результате возобновления визитов между двумя странами на уровне отраслевых министров.

[1] АВП РФ. Ф. 135. Оп. 67. Д. 5. П. 149. Л. 42.

Тогда же он подчеркнул, что «Швеции необходимо стремиться к улучшению отношений к развитию диалога с Советским Союзом»[1]. Об этом же чуть ранее высказывался и сам У. Пальме. В том же году, но уже в Стокгольме, прошли советско-шведские переговоры и был подписан договор по «Программе сотрудничества в области культуры, науки и образования», а в феврале в СССР с официальным визитом находился министр внешней торговли Швеции М. Хельстрём[2]. Дальнейшему благоприятному развитию советско-шведских отношений содействовали визит в Швецию первого заместителя министра иностранных дел СССР В.Мальцева в августе 1985 года и визит в СССР представителя МИД Швеции П. Шори в январе 1986 года.

Положительную роль для укрепления сотрудничества сыграло и заявление министра иностранных дел Швеции С.Андерссона в марте этого года, поддержанное новым премьером И. Карлсоном, о том, что внешняя политика и концепция безопасности страны останутся незыблемыми и Швеция будет твёрдо, ясно и последовательно проводить традиционную политику нейтралитета[3]. Швеция, как и Финляндия, продолжала высказываться за создание безъядерной зоны на Севере Европы[4], что также импонировало Советскому Союзу.

Со временем этот декларативный уровень перерос непосредственно в практическую сферу, был совершён реальный шаг в поиске взаимопонимания и компромисса между государствами по ряду проблем. Таковым, например, явился первый раунд переговоров о разграничении морских пространств и зон рыболовной юрисдикции в Балтийском море, прошедший в Стокгольме между СССР и Швецией.

В апреле 1986 года Москву посетили премьер-министр Швеции И. Карлссон. В новой атмосфере складывающегося взаимопонимания об-

---

[1] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 10. П. 138. Л. 5.
[2] Там же. Лл. 4 8.
[3] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 13. П. 142. Л. 136, 137.
[4] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 13. П. 142. Л. 152.

наружилась схожесть точек зрения Стокгольма и Москвы по вопросам разрядки и сокращения вооружений. Было продлено долгосрочное соглашение о торговле до 1995 года. Тогда же было принято решение и о расширении сотрудничества в области культуры, науки и образования, заключено соглашение о взаимной охране авторских прав. Советским Союзом было выражено безусловное уважение политике шведского нейтралитета. Чуть позднее была достигнута договорённость о возобновлении затянувшихся переговоров по вопросу разграничения экономических зон на Балтике[1].

Приведённые выше факты достаточно ярко демонстрируют прогресс советско-шведского взаимодействия в начале второй половины 1980-х годов. Это доказывает, что Швеция оставалась значимым партнёром для СССР на международной арене, которого нельзя было игнорировать. Развитие отношений Советского Союза с нейтральной Швецией являло собой некий пример для активизации взаимодействия и сотрудничества с другими государствами капиталистического лагеря.

Если стабильность в советско-финляндских отношениях можно оценить как вполне естественное следствие Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года, то реальное развитие советско-шведских связей отчётливо выявило изменение приоритетов во внешнеполитической деятельности Советского Союза и его стремление к налаживанию добрососедских взаимоотношений с капиталистическими государствами после «похолодания» начала 1980-х годов.

Тем не менее, было бы преувеличением утверждать, что в тот период между СССР и Швецией было достигнуто полное взаимопонимание. На общем позитивном фоне развития советско-шведских отношений ещё часто проявлялись негативные элементы прошлых противоречий, следствий холодной войны.

В марте 1986 года в Стокгольме состоялась организованная «Афганским комитетом» Швеции антиафганская демонстрация, в которой приня-

[1] Dagens Nyheter. – 1987. – 10 января; АВП РФ. Ф. 140. Оп. 76. Д. 11. П. 145. Л. 23.

ло участие более 9 тыс. человек. В этом же году 1 июля шведское правительство приняло решение о высылке из страны сотрудника Торгпредства СССР в Швеции В.Б. Аристова по обвинению в деятельности, «несовместимой с его официальными поручениями»[1]. Годом ранее из Швеции было выслано 8 граждан, 6–ти дипломатам отказано во въезде; 10 советских дипломатов вообще покинули Швецию по собственной инициативе[2]. Конечно, это не говорит о том, что все они могли быть обвинены в шпионаже, но данные инциденты вполне однозначно свидетельствуют о сохранении напряжённости в двухсторонних отношениях.

В январе 1987 года министром иностранных дел Швеции вновь был поставлен вопрос о Р. Валленберге. С. Андерссон заявил, что попытки правительства пролить свет на судьбу соотечественника будут продолжаться до тех пор, пока в этом вопросе не будет достигнута полная ясность[3]. В 1989 году советские власти вернули родственникам Р. Валленберга паспорт, вещи и свидетельство о смерти от 17 июля 1947 года. Казалось, вопрос был закрыт. Однако он перманентно вставал вплоть до середины 1990-х годов. Например, в 1993 году ЦРУ официально признало связь Р. Валленберга с американской разведкой. Неприятным моментом стал и инцидент, произошедший 27 мая 1987 года, когда в Швецию был угнан советский самолёт АН-2 его же пилотом Р. Свистуновым, попросившим у шведских властей политического убежища[4].

Особенно болезненным эпизодом в развитии советско-шведских взаимоотношений этого времени оказался отказ М.С. Горбачёва от предложения И. Карлссона посетить с неофициальным визитом Швецию в октябре 1987 года. Генеральный секретарь ЦК КПСС объяснил свой ответ перегруженностью в Рейкьявике. Но уже в следующем месяце был получен необъяснимый отказ и от Э.А. Шеварднадзе. Это произошло сразу после

---

[1] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 13. П. 142. Л. 139, 156.
[2] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 74. Д. 10. П. 138. Л. 61-62.
[3] АВП РФ. Ф. 200. Оп. 74. Д. 3. П. 227. Л. 2.
[4] Там же. Л. 15.

протеста Швеции в отношении прослушивания советскими спецслужбами шведского посольства в Москве[1]. Таким образом, в советско-шведских взаимоотношениях всё-таки проявлялась некая натянутость. Об этом свидетельствует и информация, полученная из документов АВПРФ, где говорится, что «шведское правительство придерживалось линии сдержанности и осмотрительности в своих связях с Советским Союзом»[2].

В советско-норвежские отношения международная ситуация начала 1980-х годов привнесла наиболее значительные негативные изменения. Конечно, в первую очередь, это было связано с непосредственным участием Королевства в НАТО. В связи с этим налаживание двухстороннего взаимодействия между СССР и Норвегией во второй половине 1980-х проходило не так активно в сравнении с развитием советско-шведского взаимопонимания. Перманентные конфликты между СССР и Норвегией, возникавшие в этот период, носили принципиальный характер с военно-политической подоплёкой. Их последствия могли бы быть много серьёзнее. Как следствие, поиск компромисса на пути к сближению и добрососедству в середине 1980-х годов был значительно ограничен.

В качестве наглядных примеров существовавшей напряженной ситуации между странами можно привести следующие случаи: о попытке распространения Норвегией на Шпицберген действия норвежских национальных законов об огнеопасных и взрывчатых веществах, о запрете деятельности советской археологической экспедиции на островах Свальбарда, о столкновении советских военных катеров с норвежским сейсмопоисковым судном «Малене Эстерволд» на континентальном шельфе, о нарушениях советскими летательными аппаратам воздушного пространства Норвегии.

В первом случае норвежская сторона в апреле 1985 года предложила ряду организаций, в том числе и п/о «Арктикуголь», высказать свои замечания по проектам соответствующих нормативных актов. Из поступивших

---

[1] АВП РФ. Ф. 140. Оп. 76. Д. 11. П. 145. Л. 15.
[2] Там же. Л. 18.

от норвежцев документов - проекта резолюции о распространении этого законодательства на архипелаг и объяснительной записки - следовало, что Норвегия планировала ввести инспекционный, контрольный порядок регулирования деятельности на Шпицбергене в части, касающейся транспортировки, хранения и использования огнеопасных и взрывчатых веществ, а в определённых случаях и разрешительный порядок этого вида деятельности норвежских и иностранных компаний. Это влекло за собой расширение норвежского контроля прежде всего над деятельностью советских рудников и означало бы ограничение свободы хозяйственной деятельности на архипелаге, вытекающей из положения Договора 1920 года и Горного устава (по крайней мере, именно так трактовало этот вопрос представительство СССР). В силу вышеизложенного, советская сторона не согласилась с намеченными действиями норвежской администрации как прямо противоречащими основным, принципиальным положениям Договора[1].

В 1986 году норвежская администрация на Шпицбергене резко ужесточила требования, предъявляемые к деятельности советской археологической экспедиции, вплоть до попытки прямого запрещения работ в одном из районов архипелага. В свою очередь, «внимательно изучив «Предписания об охране памятников истории и культуры на Шпицбергене и Ян-Майне»[2], советская сторона посчитала необходимым обратить внимание норвежской стороны на то, что Предписания содержали ряд положений, которые противоречили Договору 1920 года и были направлены по существу на установление неограниченного контроля со стороны норвежских властей за всей археологической деятельностью на архипелаге. В этой связи советская сторона «выразила надежду, что норвежские власти будут и впредь воздерживаться от таких действий, которые могли бы рассматриваться как противоречащие основным положениям Договора 1920 года о

[1] АВП РФ. Ф. 116. Оп. 69. Д. 1. П. 117. Л. 15-18.
[2] АВП РФ. Ф. 116. Оп. 71. Д. 1. П. 112. Л. 9.

Шпицбергене, официальным заверениям норвежской стороны о благожелательном отношении к научным исследованиям»[1].

Третий пример демонстрирует один из случаев советско-норвежских столкновений уже на морских просторах Арктики. 11 июня 1985 года во время сейсмологических работ на норвежском континентальном шельфе два военных пограничных советских катера помешали сейсмологическому судну Норвегии вести соответствующую разведку, зацепив и повредив буксируемый сейсмокабель. В итоге Норвегия подала протест, а норвежская геофизическая компания «ГЕКО А/С» потребовала возмещения убытков в размере 1.783.916 норвежских крон. Советская сторона вынуждена была принести извинения[2].

Последний пример касается инцидента, произошедшего 20 июня 1987 года, когда советский военный самолёт вторгся в воздушное пространство над норвежской территорией вблизи г. Вардё. Он пересёк государственную границу в 16.50 по норвежскому летнему времени в точке с координатами 70º 30' северной широты, 31° 03' восточной долготы, пролетел над г. Вардё и покинул пределы норвежской территории в 16.56 в точке с координатами 70°21' северной широты, 31°18' восточной долготы. Норвежские власти, обеспокоенные нарушением своей границы, настоятельно просили у советского правительства разъяснений в связи с этим эпизодом[3].

Особую сложность для преодоления напряжённости во взаимоотношениях Советского Союза с Норвегией представляло недоверие к стремлениям СССР норвежского правительства и военных. Осенью 1986 года на заседании Североатлантического комитета прозвучало заявление министра обороны Норвегии Й.Й. Холста, в котором он подчеркнул, что только на-

[1] АВП РФ. Ф. 116. Оп. 71. Д. 1. П. 112. Л. 11.
[2] АВП РФ. Ф. 186. Оп. 67. Д. 2. Л. 72-73, Ф. 186. Оп. 67. Д. 1. П. 1. Л. 47, 95-96.
[3] АВП РФ. Ф. 116. Оп. 71. Д. 2. П. 112. Л. 23.

личие достаточного количества кораблей союзников было бы лучшей гарантией безопасности и стабильности для северо-запада Европы[1].

Тем не менее, хоть и медленное, налаживание связей всё-таки началось. В декабре 1986 года состоялся визит норвежского премьер-министра Г.Х. Брундтланд в Москву. На встрече с норвежским премьером, М.С. Горбачев отметил, что в отношении Норвегии, несмотря на все её опасения, у Советского Союза нет никаких агрессивных намерений. Он назвал ненормальным то, что контактов на высоком уровне не было уже почти пятнадцать лет[2]. Хотя визит Г.Х. Брундтланд был связан, в первую очередь, с проведением в Москве сессии Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, председателем которой являлась глава правительства Норвегии, состоявшиеся переговоры дали возможность рассмотреть и центральные вопросы советско-норвежских отношений.

Во время встреч в Москве была достигнута договорённость о поддержании конструктивных связей как на государственном, так и на партийном уровнях – между КПСС и Норвежской рабочей партией. СССР и Норвегия подтвердили намерение развивать традиционные добрососедские отношения, рассматривая их как фактор стабильности на Европейском Севере и континенте в целом. Советская сторона вновь заявила о готовности решать на основе взаимности все проблемы, в том числе и связанные с континентальным шельфом. Таким образом, несмотря на случавшиеся во второй половине 1980-х годов между нашими странами инциденты, в советско-норвежском взаимодействии стали наблюдаться позитивные сдвиги.

Итак, как видно из анализа двухсторонних отношений Советского Союза с Финляндией, Норвегией и Швецией начала второй половины 1980-х годов новые подходы в понимании дальнейшего формирования советской внешней политики всё чаще воплощались в жизнь. При этом государства Скандинавского полуострова явились одними из первых, с кем со-

---

[1] АВП РФ. Ф. 135. Оп. 68. Д. 21. П. 154. Л. 128.
[2] Правда. – 1986. - 6 декабря.

ветское руководство стало реализовывать взаимодействие в русле своей новой внешнеполитической доктрины. Это объяснялось не только необходимостью на практике решать образовавшиеся ко второй половине 1980-х годов насущные проблемы североевропейского региона. Именно здесь советское руководство путём предложений, уступок и компромиссов планировало в ближайшей перспективе создать плацдарм для дальнейшего продвижения в деле осуществления принципов «нового политического мышления». Значение североевропейского направления в системе отечественной внешнеполитической деятельности и роль Севера Европы в структуре развития международных отношений возросла ещё больше после «мурманских инициатив» М.С. Горбачёва, выдвинутых им в октябре 1987 года.

§ 2. «Мурманские инициативы» и эволюция взаимоотношений СССР со скандинавскими странами и Финляндией в 1987-1991 годах

«Новое политическое мышление» в международных отношениях в полной мере проявилось в мурманском выступлении М.С. Горбачева осенью (30 сентября - 2 октября) 1987 года. Анализ международной части речи советского руководителя показывает ее достаточно смелый даже для философии «нового политического мышления» того периода набор инициатив. В ней ясно прозвучал призыв к открытости, диалогу, развитию многостороннего сотрудничества в регионе. Была озвучена мысль о том, что на Европейском Севере необходимо как можно скорее решать проблему военного противостояния, наращивать всестороннее многогранное взаимодействие. Таким образом, можно говорить о том, что 1985 год – первая половина 1987 года были временем начального этапа претворения в жизнь «нового политического мышления». С октября 1987 года, этот процесс вступил в наивысшую свою стадию, полностью раскрывая свой потенциал.

В начале своего выступления М.С. Горбачёв сделал ряд комплиментов в адрес известных политических деятелей североевропейских стран: У.К. Кекконена (президента Финляндии в 1956-1981 гг.), К. Сорсы (премьер-министра ряда правительств Финляндии), У. Пальме (погибшего в феврале 1986 г. премьер-министра Швеции) и Г.Х. Брундтланд (премьер-министра Норвегии). Далее он положительно оценил отказ Дании и Норвегии (странам-членам НАТО) от размещения в мирное время на своей территории иностранных военных баз и ядерного оружия.

Надо отметить, что обращение М.С. Горбачёва было направлено именно к странам Северной Европы не случайно. Предполагалось, что общественный климат этих государств более восприимчив к «новому поли-

тическому мышлению»[1]. Хельсинки являлось родиной СБСЕ. В Стокгольме в середине 1980-х был совершён ещё один шаг развития общеевропейского процесса. В столице Швеции состоялась конференция, посвящённая обсуждению комплекса мер по укреплению доверия и безопасности, в ключая уменьшение военного противостояния в Европе. После встречи М.С. Горбачёва с Р. Рейганом в Рейкьявике у мирового сообщества появились надежды на то, что человечество навсегда способно избавиться от угрозы применения в массовых масштабах ядерного оружия.

В выступлении советского лидера прозвучали не только лестные высказывания. Оно содержало и критические элементы. М.С. Горбачёв отметил, что «присутствие в этом регионе леденящего дыхания Пентагона никоим образом не способствует налаживанию отношений»[2]. Только за 1986-1987 года на территории Норвегии, и в граничащей с СССР провинции Тромс в частности, было проведено пять крупных военно-полевых учений с участием войск НАТО из других стран, в том числе и из США: «Энкор Экспресс», «Барфрост-86», «Брейв Лайон», «Блю Фокс-86», «Колд Уинтер»[3].

В основной части выступления, М.С. Горбачев предложил разделить военные и невоенные факторы, присутствующие в Арктике, и выдвинул следующие инициативы: 1.) Создание безъядерной зоны в Северной Европе. М.С. Горбачев от имени СССР выразил готовность выступить гарантом для государств-участников такой зоны. 2.) Ограничение военно-морской активности в прилегающих к Северной Европе морях. М.С. Горбачев предложил начать соответствующие консультации между ОВД и НАТО, в том числе и по мерам доверия. Была высказана мысль о прекращении проведения ядерных взрывов на Новой Земле при условии их прекращения или сведения до минимума в США. 3.) Мирное сотрудничество по рацио-

---

[1] Сборник материалов о поездке М.С. Горбачёва в Мурманскую область. – М., 1987. – С. 33.
[2] Там же. – С. 34.
[3] АВПРФ. Ф. 116. Оп. 70. П. 110. Д. 2. Л. 1-8; Л. 15-16.

нальному освоению ресурсов Севера и Арктики. Была высказана идея создания единой энергетической программы. С учетом гигантских неосвоенных запасов нефти и газа к созданию смешанных фирм для разработки североморского шельфа, а также в целях совместного использования ресурсов Кольского полуострова был приглашен деловой мир Канады и Норвегии. 4.) Научное исследование Арктики. Было предложено провести в Мурманске международную конференцию по координации научных исследовании арктического региона, в том числе и по пакету вопросов исследования проблематики коренного населения Севера. 5.) Охрана окружающей среды Севера. Михаил Сергеевич предложил совместно с североевропейскими странами разработать объединенный комплексный план охраны окружающей среды Севера, включая и мониторинг за радиационной безопасностью во всех средах. 6.) Северный морской путь. В зависимости от нормализации международных отношении Горбачев пообещал открыть Северный морской путь для прохода иностранных судов при советской ледокольной проводке (с правом захода в советские порты)[1].

«Мурманские инициативы» были позитивно восприняты общественностью во всем мире. Особенность этих инициатив состоит в том, что они учитывали интересы всех государств североевропейского региона при неуклонном соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности в отношении всех стран, так или иначе затрагиваемых предложенным урегулированием.

В октябре 1989 года в русле продолжения инициатив, выдвинутых в Мурманске, М.С. Горбачев совершает визит в Финляндию, где он отнес к первым позитивным результатам «мурманских инициатив» следующее: заключение договора по РСМД (ракеты средней и меньшей дальности); ликвидацию ядерного оружия морского базирования на Балтийском море; сокращение в одностороннем порядке общей численности войск в европейской части СССР и на территории государств-участников Организации

[1] Смирнов А.И. Мурманский коридор – Мурманск, 1998. - С. 30-31.

Варшавского Договора на 200 тыс. чел.; проведение в Ленинграде в 1988 году экологической конференции ученых североевропейских стран и встречу по данной проблематике парламентариев в Москве в 1989 году.

Подтвердив основные положения «мурманских инициатив», М.С. Горбачев также предложил в развитие венских переговоров, в первую очередь, договориться по военно-морским аспектам разоружения на североевропейских морских пространствах; приветствовал идею Финляндии о созыве межправительственной конференции по экологии Арктики; поддержал инициативу Норвегии начать консультации о заключении соглашения по взаимному оповещению при авариях на кораблях, в том числе и на атомных подводных лодках; предложил учредить парламентскую группу североевропейских стран для обсуждения всей проблематики региона (в том числе и через контакты с Северным советом); заявил, что пора по-новому посмотреть на проблему разграничения морских пространств в Баренцевом море с Норвегией и найти взаимоприемлемое решение. Завершая визит в Финляндию, М.С. Горбачев дал краткое интервью телевидению Норвегии, в котором подчеркнул приоритетность отношений СССР с североевропейскими странами[1].

Применительно к Швеции идеи М.С. Горбачёва конкретизировал новый советский премьер-министр Н. Рыжков при официальном посещении Швеции в 1988 году. В итоге этого визита была достигнута договоренность о разграничении морских пространств на Балтике. В пользу Швеции отдавалось 75% спорного «серого» пространства. Такая уступка со стороны СССР наглядно продемонстрировала искренность намерений советского правительства.

В этом же году проводились переговоры по разграничению в Баренцевом море с Норвегией (проблема «серой зоны»). Суть проблемы разграничения этой зоны заключалась в том, что еще с 1970 года стороны при-

[1] Смирнов А.И. Баренцев-Евроарктический регион: российско-норвежские отношения. - М., 2002. - С. 22-23.

держивались различных подходов в ее разрешении. Норвежская сторона продолжала опираться на метод «срединной линии», а СССР настаивал на линии, совпадающей с границей своих полярных владений[1]. Учитывая взаимную заинтересованность обеих стран в освоении ресурсов шельфа Баренцева моря, СССР выдвинул идею превращения этого района в особую зону доверия и равноправного партнёрства, конфигурация которой отвечала бы принципиальным позициям обеих стран относительно разграничения морских пространств. К сожалению, эта идея не нашла практического воплощения. Тем не менее, к 1991 году удалось найти развязки в северной части "серой зоны", и неразграниченным остался только южный участок площадью около 40 тыс. кв. км. Норвежская сторона неоднократно давала понять, что готова разделить его пополам. Однако Советский Союз регулярно отклонял такую пропорцию разрешения, в частности и потому, что в этом очень богатом рыбой районе были обнаружены перспективные месторождения нефти и газа. Хотя проблема и не была решена полностью, сама попытка достичь взаимоприемлемых позиций заслуживает лестной оценки.

В начале июня 1991 года М.С. Горбачев в качестве лауреата Нобелевской премии мира (1990 г.) посетил Осло для прочтения Нобелевской лекции (прибыть своевременно, т.е. в конце 1990 года, он не смог по причине осложнившейся внутриполитической ситуации в стране). Как и в случае с Н.С.Хрущевым перед его смещением в октябре 1964 году, данный зарубежный визит М.С.Горбачева тоже стал последним перед августовским путчем 1991 года.

Во время этого визита М.С.Горбачев и премьер-министр Норвегии Г.Х. Брундтланд подписали совместное советско-норвежское заявление, в котором, наряду с актуальной международной проблематикой, особое внимание уделялось развитию разностороннего взаимовыгодного сотрудничества на Севере. В заявлении было выражено обоюдное желание при-

[1] Nord Lys. – 1987. – 23 октября, 11 ноября.

дать сотрудничеству максимально конкретное содержание, в том числе и путем восстановления деловых и иных контактов между местными властями Северной Норвегии и северо-запада Советского Союза с учетом накопленного исторического опыта[1].

В отношениях СССР с Финляндией «мурманские инициативы» нашли своё отражение в развитии экологического сотрудничества. Важность данного сотрудничества ещё больше возросла после подписания осенью 1989 года трёх новых документов. Эти соглашения касались контроля над загрязнением воздуха в прилежащих к общей границе районах и предотвращения ущерба от выбросов нефти. Был подготовлен и протокол о сотрудничестве в Кольском районе[2].

Советско-финляндские договорённости явились своего рода трамплином для инициирования дальнейшего развития сотрудничества в области охраны окружающей среды. С конца 1980-х годов при участии СССР, Финляндии, Швеции и Норвегии велась разработка программы действий по защите экологии Севера, получившей название «Стратегии защиты окружающей среды Арктики». Стратегия была принята 14 июня 1991 года в Рованиеми (Финляндия). В дальнейшем проект Стратегии защиты Арктической окружающей среды стал известен под названием «Процесс Рованиеми». Он действует и по настоящий день в рамках структуры Арктического совета. В целом Стратегия явилась результатом совместной деятельности 8 арктических государств. Кроме выше перечисленных участников, её также подписали США, Канада, Дания и Исландия. «Процесс Рованиеми» предусматривает такое устойчивое экономическое развитие Северного региона, которое позволит, не нарушая природных ресурсов, сохранить окружающую среду Арктики для будущих поколений. В ней наблюдается реальное движение по пути интеграции экономики и экологии, выход к претворению в жизнь концепции экоэффективности.

---

[1] Горбачев М.С. Нобелевская лекция. 5 июня 1991 г. Осло.-М.1991. -С.22.
[2] Паасио П. Взгляд из Хельсинки // Международная жизнь. – 1990. - №8. – С. 8-14.

Основными целями Стратегии государства Северного региона провозгласили: 1.) Защиту арктических экосистем, включая человека. 2.) Обеспечение охраны, улучшения и восстановления качества окружающей среды и рациональной эксплуатации природных ресурсов, включая их использование местным населением и коренными народами Арктики. 3.) Уделение должного внимания традиционным и культурным потребностям, ценностям и обычаям коренных народов, как они их сами определили, и стремление максимально увязать их с защитой окружающей среды Арктики. 4.) Обеспечение регулярного обзора состояния окружающей среды Арктики. 5.) Выявление, уменьшение и, в качестве конечной цели, ликвидация загрязнения[1].

Разработке данной программы арктическим государствам содействовал ряд представителей-наблюдателей, среди которых были как отдельные государства, так и международные организации различного рода: Великобритания, Польша, ФРГ, Европейская экономическая комиссия ООН, Программа ООН по окружающей среде (UNEP), Ассоциация институтов Северного Полярного круга, Северный совет Саами, Ассоциация малых народов Севера СССР, Международный арктический научный комитет (IASC). Таким образом, Стратегия явилась результатом не только межгосударственного сотрудничества, но и разносторонней многоинституциональной деятельности.

В 1990 году с целью развития и выработки программ сотрудничества регионов, имеющих свои интересы в Арктике, был учреждён Северный форум. Это некоммерческая международная организация, включающая 26 административных образований из 10 Северных стран, в том числе и России[2].

---

[1] Стратегия защиты окружающей среды Арктики // Сайт Информационные технологии «Кодекс». http://kodeks.karelia.ru:9000/base [04.03.2006]

[2] Булатов В.Н., Шалёв А.А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: Международное сотрудничество. История и современность. – Архангельск, 2001. – С. 75.

Определённое влияние «новое политическое мышление» оказало и на взаимодействие Советского Союза со странами Скандинавского полуострова в торгово-экономической сфере. И хотя по основным показателям объём товарооборота падал или как минимум не превышал рекордных достижений 1985 года, это было связано не со снижением уровня существовавшего сотрудничества. Главными причинами регресса и дисбаланса торговли явились проблемы, возникшие из-за падения мировых цен на энергоносители и экономических преобразовании в СССР. Например, в торговых отношениях между Советским Союзом и Финляндией, несмотря на продление в октябре 1987 года Долгосрочной программы развития торгово-экономического, промышленного и научно-технического развития до 2000 года, пришлось пережить трудный период. Это привело к тому, что в сентябре 1988 года во время государственного визита М.С. Горбачёва в Финляндию были достигнуты договорённости об изменениях соглашений о платежах, что определило главные направления советско-финских торговых отношений на 1991-1995 годы.

В конце 1980-х годов стала резко возрастать советско-финская приграничная торговля, в сферу которой вовлекались всё новые смежные районы и новые товары. По сравнению с серединой 1980-х годов, оборот этой торговли возрос более чем на треть. К ней стали подключаться всё больше средних и мелких финских фирм[1].

Что касается экономической составляющей внешней политики СССР в отношении Норвегии и Швеции, то и здесь был достигнут ряд важных соглашений. Так, в 1985 году между Советским Союзом и Норвегией был подписан протокол о продлении срока действия долгосрочного торгового соглашения 1971 года на пять лет (до 1990 г.). В октябре 1986 года норвежская фирма «Консберг» стала первым промышленным предприятием Норвегии, открывшим в СССР свое постоянное представительство. В

[1] Паасио П. Взгляд из Хельсинки // Международная жизнь. – 1990. - №8. – С. 8-14.

1985 году между норвежским консорциумом[1] и ГКНТ СССР было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве; норвежской стороне было предложено принять участие в разработке на компенсационной основе комплексной переработки апатитно-нефелиновых руд Кольского полуострова. Норвежскими фирмами велось строительство двух электростанций в Мурманской области.

В советско-шведском торгово-экономическом сотрудничестве также продолжали действовать старые и формировались новые связи. Ещё в 1985-1986 годах советские внешнеторговые организации заключили со шведскими фирмами ряд крупных контрактов на поставку в СССР оборудования для различных отраслей промышленности. Среди них контракты с фирмой «Сундс дефибратор» на поставку для Сыктывкарского лесопромышленного комплекса оборудования для производства 135 тыс. тонн химико-термомеханической массы для изготовления газетно-журнальных сортов бумаги из древесины лиственных пород; с фирмой «Юнгерс веркстадтс» - на поставку оборудования для производства 400 тыс. тонн в год теплоизоляционных минераловатных плит; с фирмой «Альфа-Лаваль» - на поставку оборудования для молочного комбината. В этот период в Швеции работали советско-шведские общества – «Матреко хандельс АБ», «Скансов» и «Скарус», занимавшиеся реализацией советских товаров на ее рынке[2].

Большое значение для развития и углубления торгово-экономического сотрудничества между странами имел визит в Швецию Н.И. Рыжкова в начале января 1988 года. В ходе переговоров на высшем уровне и встреч с представителями деловых и финансовых кругов был выявлен большой круг областей, в которых возможно сотрудничество двух государств. В дни визита состоялось подписание контрактов шведских фирм с советски-

---

[1] Консорциум – Объединение, соглашение кого-либо для совместного осуществления мероприятия, финансового плана.

[2] Экономика и внешнеэкономические связи СССР: Справочник / Под ред. И.Н. Устинова. - М., 1989. - С. 245.

ми организациями и ведомствами. Среди них – соглашение Госкоминтуристом СССР и фирмами «Сиаб» и «Ресо» о создании совместного предприятия по реконструкции, модернизации и совместному использованию гостиницы «Европейская» в Ленинграде; протоколы о намерениях по поставкам в Швецию советского природного газа через Финляндию и Данию, контракты на поставку в Швецию около 2 млн. тонн нефти и нефтепродуктов, о ремонте в Швеции рефрижераторных судов и буровой установки, о поставке в СССР оборудования для производства спортивного инвентаря. Заключен также ряд лицензионных соглашений. В 1991 году было зарегистрировано 64 совместных предприятия и 6 соглашений о кооперативах со шведским участием. Тем не менее, несмотря на все совместные мероприятия, товарооборот между Советским Союзом и северными странами продолжал падать. Например, к 1990 году доля СССР только в шведском экспорте упала до 0,7%, а в шведском импорте – до 1,4%[1].

Несмотря на постепенное свёртывание государственной монополии внешней торговли и расширение свободы деятельности для государственных предприятий, североевропейцев отталкивала бюрократическая канитель, усугублявшая общую административную неразбериху. Как правило, только крупнейшим концернам было под силу решать эти проблемы, вкладывать капитал и открывать кредит, и то с большой долей риска.

Несколько изменились и советско-скандинавские культурные связи. Свидетельством тому во многом являлось снижение активности в деятельности обществ дружбы. И хотя казалось, что горбачёвская политика «перестройки» решительно и быстро улучшила условия для культурного обмена с Западом, советское общество ещё не успело к ним адаптироваться. С одной стороны, как свидетельствуют документы фонда ССОД (Союза Советских Обществ Дружбы), перемены в советском обществе создали весьма благоприятный фон для проведения в жизнь новых форм советско-скандинавского сотрудничества по линии общественных организаций

[1] Кан А.С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. – М., 1999. - С. 264.

(например, Дни культуры Норвегии в СССР; международная экологическая эстафета детей; советско-норвежская встреча экспертов по вопросам безопасности, военно-морского разоружения и укрепления мер доверия на Севере Европы)[1]. По мере улучшения советско-скандинавских отношений увеличилось количество иностранных делегаций, выезжающих в СССР, снизилась степень неприятия антикоммунизма и антисоветизма в северо-европейских странах[2]. Ещё летом 1986 года Мурманск и Архангельск посетила норвежская яхта «Паулине» с группой норвежских историков из университета г. Тромсё и музейных работников области Финнмарк на борту. Большую роль в установлении контактов норвежцев с архангелогородцами сыграли ректор АГПИ (ныне Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова) В.Н. Булатов и этнограф А.Н. Давыдов[3]. Это событие являлось ярким примером нового веяния в развитии культурных связей.

С другой стороны, на практике количество проводимых мероприятий, направленных на укрепление дружбы и сотрудничества, к концу 1980-х годов сократилось. Основной причиной спада являлось ухудшение финансового положения организаций и отток членов. Так, например, на конец 1990 года в обществе «Финляндия - Советский Союз» насчитывалось около 96500 индивидуальных членов, средний возраст которых был 52 года[4]. Напомним, что в середине 1970-х годов в обществе числилось 230 тыс. человек, и, что характерно, средний возраст был намного меньше. За этот же год обществом было проведено всего два крупных мероприятия. Возникали реальные угрозы прекращения существования союза обществ. Подобная ситуация произошла и с обществом «Швеция – Советский Союз». Награждённое в 1985 году орденом Дружбы народов, в 1990 году оно

[1] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20 (4). Д. 6372. Л. 9-10.
[2] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20 (4). Д. 5566. Л. 26.
[3] Гортер-Гренвик В. «Паулине» // Поморская энциклопедия. История Архангельского Севера. - Архангельск, 2001. – С. 294.
[4] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20 (4). Д. 6373. Л. 1-2.

находилось на грани распада[1]. Основная работа держалась на энтузиазме лишь нескольких активистов.

Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что сотрудничество СССР со странами Скандинавского полуострова в культурной сфере развивалось очень активно. Конечно, в этом взаимодействии налицо были изменения, соответствующие периоду реформ. Сотрудничество постепенно переходило на другой, деидеологизированный, негосударственный уровень, в иную сферу. Однако эти преобразования не могли не вызвать и ряда негативных последствий, которые, к тому же усиливались финансовыми сложностями.

Как известно, либерализация внутренней и внешней политики в Советском Союзе во второй половине 1980-х годов повлекла за собой ряд необратимых процессов, которые в итоге вылились в глобальную трансформацию государства и общества, а вместе с ними и всей системы международных отношений. Диссертант не склонен давать оценку произошедшим за этот период в СССР всем глобальным событиям. Это не является задачей исследования. Однако обратиться к той цепочке процессов, которые повлияли на дальнейшее развитие внешней политики СССР, необходимо.

К концу 1980-х годов в результате «перестройки» в СССР стали усиливаться центробежные тенденции, всё более выделяться различия и обостряться межнациональные противоречия. В условиях разрушения прежней политической системы центробежные процессы приобрели обвальный характер. Национальные противоречия в ряде случаев приняли конфликтный облик, на карте страны появились горячие точки. Возрастало стремление к суверенизации, которое к 1990 году приняло широкий характер. В представительных органах союзных республик под влиянием национальных фронтов и движений всё чаще стали раздаваться голоса о выходе из СССР.В результате чего I Съезд народных депутатов Российской Федера-

[1] ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 20 (4). Д. 6468. Л. 20.

ции 12 июня 1990 года почти единогласно принял Декларацию о государственном суверенитете России.

Принятие в 1990 году республиками СССР Декларации о национальном суверенитете, с одной стороны, разрушило основы традиционной советской внешней политики, с другой - предоставило им больше возможностей для самостоятельного развития контактов с другими государствами. РСФСР, в лице своего президента и правительства, заявила о своем праве формулировать собственную внешнюю политику. С октября 1990 года министром иностранных дел РФ становиться А.В. Козырев. Однако непосредственно новая роль России как независимого субъекта международных отношений стала очевидной после августовского путча и декабря 1991 года.

Первоначально внешнеполитические установки российского государства в значительной степени являлись продолжением горбачевского «нового мышления». Это объяснялось тем, что Россия приняла на себя в конце того же года функции государства-приемника СССР, а значит, во многом отстаивала те же задачи на международной арене, что и Советский Союз в годы «перестройки».

Итак, развитие внешней политики Советского Союза в отношении трёх стран Фенноскандии во время «перестройки», безусловно, уступало периоду 1970-х годов в сфере осуществления практического сотрудничества во всех нишах взаимодействия (экономической, культурной и т.д.). Однако по уровню значения данного направления советской внешнеполитической деятельности и его месту в процессе эволюции глобальной системы международных отношений период второй половины 1980-х годов превзошел предшествующее пятнадцатилетие. В этой фазе взаимодействия Советского Союза с Финляндией и особенно Норвегией и Швецией именно политические отношения явились ведущими. Север Европы, и государства Скандинавского полуострова в частности, стали для СССР своего рода полигоном, моделью для выработки своей новой внешнеполитической

стратегии. Именно здесь началось переосмысление всей парадигмы международных отношений периода холодной войны, была заложена база для формирования качественно новых взаимоотношений во многом послуживших основой для формирования российской внешнеполитической деятельности.

В связи с этим, можно утверждать, что этап максимального осуществления практического сотрудничества в эволюции советско-скандинавского взаимодействия уступил место этапу высшего развития политических отношений. Это время явилось не только очередным, но я заключительным периодом целой эпохи развития советско-скандинавских отношений.

ГЛАВА 3.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДВУХСТОРОННИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ С ФИНЛЯНДИЕЙ, ШВЕЦИЕЙ И НОРВЕГИЕЙ В 1990-Е ГОДЫ

§ 1. Формирование основ внешнеполитической деятельности России с государствами Скандинавского полуострова в начале 1990-х годов

Процесс вхождения России в мировое сообщество начался с её признания. В этом отношении скандинавские страны проявили себя очень активно. Первым из западных государств 16 декабря 1991 года новую Россию признало Королевство Норвегия, продемонстрировав немедленную готовность к поддержанию дипломатических контактов, и в рамках «Акции помощь соседу» выделило 20 млн. крон для Северо-Запада России[1]. Как независимое государство Россия была признана также Швецией 25 декабря 1991 года[2], чья делегация уже 12-13 января 1992 года во главе с премьером М. аф Угглас посетила Москву с рабочим визитом[3]. 8 января 1992 года состоялась встреча заместителя министра иностранных дел Российской Федерации Б.Л. Колоколова с послом Финляндии в Москве Т. Халвитие. По просьбе последнего министру иностранных дел РФ А.В. Козыреву было передано письмо финского коллеги П. Вяюрюнена, содержащее подтверждение, что Финляндия рассматривает Россию в качестве государства-преемника Советского Союза.

Признание Российской Федерации государствами Скандинавского полуострова в такие сжатые сроки имело большое положительное значение.

---

[1] Смирнов А.И. Баренцев – Евроарктический регион: российско-норвежские отношения. – М., 2002. – С. 23.
[2] О признании независимости Российской Федерации // Дипломатический вестник. - 1992. - № 1. - С. 36.
[3] О рабочем визите Маргарет аф Угглас в Россию // Дипломатически вестник. - 1992. - № 3. - С. 11-12.

Оно стало не просто юридической формальностью, но и своего рода кредитом доверия со стороны европейских государств. Таким образом, ими было продемонстрировано стремление поддержать происходившие в России реформы, заверить российское правительство в своей готовности в дальнейшем налаживать и развивать взаимовыгодное сотрудничество.

Одной из основных движущих сил взаимодействия России со странами Северной Европы в начале 1990-х годов стали экономические реформы. В этот период усилия российского правительства были сосредоточены на установлении экономических связей, на получении доступа к мировым рынкам и финансам, интеграции России в глобальную систему производства, потребления, торговли и труда. Главная задача внешней политики государства была обозначена как построение партнёрских отношений с Западом, включение России в западные политические и экономические институты. Партнёрство считалось потенциальным источником поддержки российских реформ. Сущность внешнеполитической активности РФ в начале 1990-х годов можно выразить понятием «сотрудничество», а североевропейские государства занимали в нём особое место. Такой подход российской державы, конечно, был не случаен.

Во-первых, Финляндия, Норвегия и Швеция были ближайшими европейскими странами. Вследствие геополитических потрясений начала 1990-х годов географические центры нашей страны оказались смещёнными на Север. Север стал единственным регионом, где Россия имела протяжённую границу с западными капиталистическими государствами – Финляндией и Норвегией. Само по себе налаживание взаимодействия через общую границу было намного проще.

Во-вторых, ещё с конца 1980-х годов скандинавские страны представлялись советским лидерам как пример стабильности и процветания. В начале 1990-х годов прежде всего Швеция и Норвегия стали рассматриваться и как потенциальный источник помощи в виде передовых технологий и крупных финансовых ресурсов, необходимых для ускоренных преобразо-

ваний. Во многом этими обстоятельствами и объясняется активизация внешнеполитической деятельности России на данном направлении.

В свою очередь, в начале 1990-х годов в северных странах стали проходить оживлённые дискуссии по вопросам организации взаимодействия с Россией. Несмотря на происходящие в РФ серьёзные катаклизмы, общим для стран Скандинавского полуострова явилось осознание необходимости развития многомерного сотрудничества с ней. Основной и первоочередной целью ставилась задача окончательного преодоления существующего десятилетиями военно-политического разделения континента по линии Восток-Запад, которое самым непосредственным образом оказывало негативное влияние на взаимодействие в североевропейском регионе, а также решение проблемы ядерной безопасности.

Кроме того, особое содержание получила новая проблема возможного дробления континента по уровням экономического развития. По мере развития социально-экономического кризиса в России, в северных странах, особенно в соседних Норвегии и, в первую очередь, Финляндии, которая в начале 1990-х годов тоже испытывала глубокий кризис, появилось стремление если не избежать, то хотя бы снизить в приграничных с РФ территориях уровень контраста в сфере благосостояния. Так, например, президент Финляндии М. Койвисто не раз высказывал мысль о том, что нельзя допустить нового раскола Европы, на этот раз по границе благосостояния. Эти инициативы российская сторона, безусловно, разделяла целиком и полностью, о чём было официально заявлено А.В. Козыревым на открытии Хельсинской встречи СБСЕ 24 марта 1992 года[1]. Таким образом, во многом именно эти приоритеты положили основу для развития нового российско-скандинавского взаимодействия.

Основные элементы российско-финляндских отношений были заложены во время первого официального визита представителя руководства

[1] Россия – Финляндия. Визит А.В. Козырёва в Финляндию // Дипломатический вестник. - №7. – С. 22.

новой России – первого заместителя Председателя правительства РФ Г.Э. Бурбулиса - в Финляндию, состоявшегося 19-21 января 1992 года. В ходе этой встречи была изменена основная составляющая взаимоотношений двух стран в период холодной войны. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года потерял свой смысл, так как был заключён между Советским Союзом и Финляндией. Вместо него представителями двух стран Г. Бурбулисом и Э. Ахо 20 января 1992 года был подписан новый – Договор между Российской Федерацией и Финляндской республикой об основах отношений[1], который вступил в силу 11 июля 1992 года и был призван стать фундаментом развития российско-финляндских связей во всех сферах деятельности.

Документ охватил самые разнообразные сферы деятельности: экономического и научно-технического сотрудничества, вопросы защиты окружающей среды, проблемы человеческих контактов, обменов в культуре и науке. Особо стоит отметь, что впервые в отдельную шестую статью Договора между Российской Федерацией и Финляндией было выделено намерение «уделять особое внимание развитию сотрудничества между Финляндией и прилегающими к ней Мурманским, Карельским и Санкт-Петербургским регионам»[2]. Таким образом, была подчёркнута необходимость и важность развития регионального взаимодействия. Осенью 1992 года правительства двух стран основали группу развития приграничных территорий, задача которой сводилась к созданию и координации планов сотрудничества.

Кроме того, значительное внимание было уделено вопросам взаимодействия России с межпарламентскими и межправительственными структурами североевропейских стран – Северным советом и Советом министров Северных стран. Эти вопросы, в частности, обсуждались и во время встречи А.В. Козырева с председателем парламента Финляндии, председа-

[1] См. Приложения №7.
[2] Договор между Российской Федерацией и Финляндской республикой об основах отношений // Дипломатический вестник. – 1992. - №15-16. – С. 27-29.

телем президиума Северного совета И. Суоминеном, находившимся в Москве в октябре 1992 года по приглашению Верховного Совета РФ.

Однако самое важное отличие нового договора состояло в том, что он не содержал отдельных военных статей, а значит и взаимных военно-политических обязательств государств, кроме обязательства способствовать урегулированию конфликта в соответствии с принципами и положениями Устава ООН и документов СБСЕ, а также воздерживаться от оказания военной помощи агрессору[1]. Соглашение носило сугубо мирный характер и, конечно, было направлено на разрешение военно-политической маргинализации Севера Европы, существовавшей в условиях договора 1948 года, который являлся эхом «холодной войны» и уже не отражал тенденции внешнеполитического развития России на международной арене.

Безусловно, если сравнивать эти два договора, то налицо их отличие и по содержанию и по назначению. Если Договор 1948 года определял не только принципы мирного, но и военного взаимодействия, то Договор 1992 года был направлен исключительно на развитие мирного сотрудничества. Конечно, по второму договору Россия потеряла в лице Финляндии своего военно-политического союзника, но в этом случае нельзя забывать, что Договор 1948 года заключался Советским Союзом, а не Россией, в другое время и в иной международной обстановке. Заключение соглашения в 1992 году никоим образом не требовало наличия военных статей. После распада ОВД, СССР, смены политического строя в России и провозглашения интеграции с Западом их значение практически потеряло всякий смысл. На повестке дня стояли совершенно иные задачи, которые и необходимо было решать как можно быстрее. С этой точки зрения, Договор 1992 года об основах отношении полностью соответствовал веянию времени и поставленным целям. Он никому не был навязан и отвечал интере-

[1]Там же. – С. – 28.

сам обеих государств. Договор, по словам Б.Н. Ельцина, начинал новое летоисчисление в связях между россиянами и финнами[1].

10 - 11 июля 1992 года состоялся визит Президента России Б.Н. Ельцина в Финляндию. Визит продолжался одни сутки, но был весьма насыщенным. Так, был произведён обмен ратификационными грамотами к Договору об основах отношений между Россией и Финляндией. Стороны официально уведомили друг друга о выполнении конституционных процедур, необходимых для вступления в силу двух основополагающих соглашений – о торговле и экономическом сотрудничестве, а также о сотрудничестве России и Финляндии в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Подписаны соглашения о сотрудничестве в области культуры, образования и научно-исследовательской деятельности, науки и техники, протокол об инвентаризации договорно-правовой базы двухсторонних российско-финляндских отношений, ряд других документов. Среди них – о сотрудничестве в увековечении памяти советских военнослужащих в России, погибших во второй мировой войне. На переговорах Президента Б.Н. Ельцина и Президента М. Койвисто детально обсуждались вопросы двухстороннего взаимодействия в практических областях, намечены меры по преодолению сложных проблем, особенно в торгово-экономическом сотрудничестве. С финляндской стороны сделан ряд интересных предложений, например, по реконструкции российского лесного хозяйства и лесообрабатывающей промышленности, с тем чтобы привести их в соответствие с нормами современного индустриального общества, сознающего свою ответственность за окружающую среду. Президент России высказал признательность руководству и народу Финляндии за существенную политическую и материальную поддержку российским реформам[2].

---

[1] Речь Б.Н. Ельцина при подписании российско-финских документов // Дипломатический вестник. – 1992. - №15-16. – С. 25.

[2] Россия – Финляндия. Визит Б.Н. Ельцина в Финляндию // Дипломатический вестник. – 1992. - №15-16. – С. 25.

В рамках визита состоялись переговоры министра иностранных дел России А.В. Козырева с министром иностранных дел Финляндии П. Ваюрюненом. По проблематике двухсторонних отношений и взаимодействия в международных делах. Вице-премьер правительства России Г.С. Хижма, министр внешних экономических связей П.О. Авен и первый заместитель министра обороны А.А. Кокошкин детально проговорили актуальные вопросы со своими партнёрами.

Важным шагом в контексте развития дальнейших добрососедских российско-финляндских отношений явился визит в Россию 4-5 марта 1993 года Президента Финляндской республики М. Койвисто. В ходе посещения Москвы М. Койвисто встречался с Б.Н. Ельциным, с Председателем Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатовым, Председателем Совета Министров – Правительства РФ В.С. Черномырдиным. Сопровождавший М. Койвисто министр иностранных дел Финляндии П. Вяюрюнен имел обстоятельный разговор с А.В. Козыревым, беседовал с представителями руководства регионов, примыкающих к российско-финляндской границе. Во время визита был продолжен интенсивный диалог как по двухсторонней, так и по актуальной региональной и международной проблематике. Президенты констатировали отсутствие сложностей политического характера в отношениях между Россией и Финляндией.

При рассмотрении положения в Североевропейском регионе российская и финляндская стороны отметили высокий уровень стабильности в этой части континента, высказали обоюдное стремление России и Финляндии к её укреплению путём интенсификации деятельности здесь структур регионального сотрудничества – Совета государств Балтийского моря и Баренцева Совета. Состоялся обмен мнениями о перспективах европейской экономической интеграции, сотрудничества с ЕС и НАТО, дальнейших шагах в рамках процесса СБСЕ[1].

[1] Россия – Финляндия. Визит М. Койвисто в Россию // Дипломатический вестник. – 1993. - №7. – С. 7-8.

Данные визиты лидеров государств стали по-настоящему знаковыми событиями в развитии российско-финляндских отношений, которые в ходе этих встреч были «выведены на уровень нормальной корректности и уважительности»[1].

Фундамент российско-норвежских отношений были заложен во время визита министра иностранных дел России А.В. Козырева в Норвегию в марте 1992 года. В ходе встречи был подписан Совместный протокол о рабочей программе развития контактов и сотрудничества между Российской Федерацией и Норвегией[2]. Ещё во время визита министра иностранных дел Норвегии Т. Столтенберга в Москву в начале февраля 1992 года в качестве приоритетных областей российско-норвежского сотрудничества были названы экономика, охрана окружающей среды, наука и техника, а также была выражена заинтересованность в развитии приграничных контактов в рамках российско-норвежского сотрудничества[3]. Практически во всех сферах были намечены конкретные задачи: достигнута договоренность о проведении инвентаризации действующих соглашений и договоров с целью адаптации совместной договорно-правовой базы; решено продолжить переговоры по разграничению «серой зоны» в Баренцевом море; намечены совместные действия в сфере охраны окружающей среды. Позднее норвежское правительство оказало поддержку России, подавшей заявку на прием в члены Совета Европы, а также поддержало план вступления России во Всемирную торговую организацию.

24 апреля норвежским правительством был принят долгосрочный и перспективный план действий для России и стран Восточной Европы. По нему предусматривалось значительное финансирование проектов сотрудничества в сферах экологии, экономики, образования, здравоохранения,

---

[1] Россия – Финляндия. Визит Б.Н. Ельцина в Финляндию // Дипломатический вестник. – 1992. - №15-16. – С. 25.

[2] Соседи на крайнем Севере: Россия и Норвегия. От первых контактов до Баренцева сотрудничества. – Мурманск, 2001. - С. 290.

[3] Россия – Норвегия. О визите Т. Столтенберга // Дипломатический вестник. - 1992. - № 2. - С.35.

культуры. Главная цель плана заключалась в следующем: «способствовать переходу России и стран Восточной Европы к демократической системе управления, к устойчивой рыночной экономике посредством проектов сотрудничества»[1]. Тогда же норвежский министр иностранных дел Т. Столтенберг впервые в публичном выступлении использовал, касаясь проблемы экономического сотрудничества между северными областями обеих стран, новое политическое понятие – Баренц-регион. Оно стало широко известно с января 1993 года, когда был образован Совет Баренцева Евро-Арктического региона, и российско-норвежские отношения начали активно развиваться в рамках данной организации.

Важным событием на этапе становления российско-норвежских отношений явился рабочий визит 19-22 апреля 1993 года министра иностранных дел Й.Й. Холста в Россию. В Санкт-Петербурге он принял участие в открытии генерального консульства Норвегии. В Архангельске министр выступил на международной конференции по вопросу о сотрудничестве в сфере образования и научных исследований в Баренцевом регионе. Вместе с министром иностранных дел России А.В. Козыревым открыл Норвежско-поморский центр. В Мурманске Й.Й. Холст принял участие в открытии генерального консульства Норвегии, телефонной станции и линии связи между Мурманском и Киркенесом. В ходе состоявшихся 21 апреля встречи А.В. Козырева в Архангельске и переговоров 22 апреля в Москве с министром иностранных дел Норвегии имел место деловой и конструктивный разговор, сконцентрированный на вопросах дальнейшего практического взаимодействия, в том числе и в рамках Баренцева Евро-Арктического регионального сотрудничества, по осуществлению ряда проектов в торгово-экономической, природоохранной, гуманитарной и других областях. Особое внимание было уделено развитию приграничного сотрудничества между северными районами обеих стран, в том числе и в сфере здравоохра-

[1] Цит. по: Соседи на крайнем Севере: Россия и Норвегия. От первых контактов до Баренцева сотрудничества. – Мурманск, 2001. - С. 291.

нения. В обсуждении этих вопросов приняли участие главы администраций Мурманской и Архангельской областей. Во время визита А.В. Козырев и Й.Й. Холст подписали Второй Совместный протокол о рабочей программе развития контактов и сотрудничества между Россией и Норвегией, Протокол о договорно-правовой базе двухсторонних российско-норвежских отношений. Произведён также обмен нотами об учреждении генерального консульства РФ в Киркенесе[1].

Основой для развития двухсторонних связей России со Швецией стала подписанная в феврале 1993 года во время первого приезда шведского лидера Премьер-министра К. Бильдта в Москву российско-шведская Декларация. В ходе этого визита состоялись переговоры Б.Н. Ельцина и главы шведского правительства. На них стороны затронули основные вопросы двухстороннего сотрудничества: набирающий ход политический диалог; взаимодействие в торгово-экономической, социальной и других областях. Был обсуждён ряд международных проблем, прежде всего связанных с дальнейшим продвижением общеевропейского процесса, урегулированием региональных конфликтов. Отмечалось, что Россия и Швеция вступили в новую фазу отношений, которые основываются на совершенно новых принципах партнёрства. Особый интерес стороны проявили к динамизации связей между Швецией и Северо-Западом России. В этом контексте была высказана поддержка деятельности таких региональных структур, как Совет государств Балтийского моря, Баренцев совет.

В ходе визита Премьер-министра Швеции в Россию кроме российско-шведской Декларации были подписаны Соглашение о торговых отношениях и Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. В Декларации сторонами констатировалось о начале новой фазы в отношениях двух государств. «С появлением нового российского государства, народ которого сделал решительный выбор в пользу демократии, сво-

[1] Россия – Норвегия. Визит Й.Й. Холста в Россию // Дипломатический вестник. – 1993. - №9-10. – С. 27.

боды и рыночной экономики, начинается новый этап и в российско-шведских отношениях», - гласил текст документа[1]. Совместная Декларация являлась первым документом такого рода в отношениях Швеции с другими странами. По оценке сторон Декларация должна была стать базой конструктивного развития двухсторонних политических, торгово-экономических, гуманитарных и других связей, взаимодействия в международных делах. Особый упор во взаимодействии предлагалось сделать на ядерной безопасности, экономическом и региональном сотрудничестве.

Во время своего визита Премьер-министр Швеции имел беседы с Председателем Верховного Совета Р.И. Хасбулатовым, заместителями Председателя Совета Министров – Правительства Российской Федерации А.Б. Чубайсом и А.Н. Шохиным, министром иностранных дел России А.В. Козыревым. В ходе встреч, проходивших в деловой и конструктивной атмосфере, обсуждались актуальные направления двухстороннего сотрудничества, рассматривался широкий круг вопросов практического взаимодействия в различных областях[2].

К началу 1993 года Россией не просто были установлены дипломатические отношения со странами Скандинавского полуострова, но и выработаны программы для дальнейшего развития взаимодействия. Стоит отметить, что большое внимание в формировании двухсторонних связей России со всеми государствами Скандинавского полуострова уделялось налаживанию сотрудничества в сфере экологии, культуры, туризма, образования, науки и информации, что выводило отношения на более тесный народный уровень, способствовало развитию широких массовых социальных связей, укрепляло региональное единение. Всё это являлось безусловным достижением отечественной внешней политики, заслуживающим высокой оценки, особенно с учётом тех колоссальных трудностей, которые существовали во внутреннем развитии государства. Однако, исходя из этого фак-

[1] Российско-шведская Декларация // Дипломатический вестник. - 1993. - № 5-6. - С. 4-7.
[2] Россия – Швеция. Визит К. Бильдта в Россию // Дипломатический вестник. – 1993. - №5-6. – С. 4.

та и, учитывая, насколько хаотично Россией вёлся поиск связей и помощи за границей, можно сделать вывод о том, что, в отличие от СССР, в начале 1990-х годов, при кажущейся инициативе и неоспоримом взаимовыгодном характере достигнутых соглашений, Российская Федерация сдала свои некогда лидирующие позиции в международном развитии на Севере Европы. Страны Скандинавского полуострова перехватили у России роль реформатора международных отношений в регионе. Российское руководство не имело возможностей диктовать ни правил, ни условий их развития. В ситуации тяжелейшего внутреннего кризиса Россия была вынуждена выступать в роли ведомой, что, безусловно, являлось главным недостатком при формировании её внешней политики на Европейском Севере Европы в начале 1990-х годов.

Итак, для российской внешней политики, столкнувшейся в начале 1990-х годов с множеством новых и часто трудноразрешимых проблем, участие в развитии международного сотрудничества на Севере Европы сулило определённые дивиденды как на внешнеполитическом, так и на внутреннем фронте. Однако в условиях кардинальных реформ в российском обществе на постсоветском пространстве Россия просто не могла быть лидером в развитии международных отношений, и не только в североевропейском регионе. Это объяснялось ещё и тем, что сложившаяся за несколько десятилетий, имевшая престиж и силу на международной арене, чётко функционировавшая система советского внешнеполитического аппарата, в которую входили не только государственные, но и партийные органы управления, была полностью разрушена. Естественно, что на этапе своего становления российское внешнеполитическое ведомство не могло полностью справиться со своими функциями и часто уступало свои позиции, что и произошло, в частности, на скандинавском театре международных отношений в начале 1990-х годов. Дополнительным грузом для России явилось и то, что, став правопреемницей Советского Союза, она утра-

тила статус сверхдержавы, при этом, подтвердив её обязательства (в отношении североевропейских стран, например, долг Финляндии).

В научной литературе внешняя политика России периода 1991 - 1993/94 годов часто характеризуется как «прозападная» или «проамериканская». Кроме того, её можно оценить как «романтико-идеалистическую». Таковой она была в силу радужных представлений и ожиданий со стороны российских политиков относительно взаимодействия с Западом. Антизападники даже называли её «антироссийской»[1]. Тем не менее, следует отметить, что в тех кризисных условиях, в которых оказалась Россия, подобная политика сотрудничества и направленности к Западу была небезосновательной. Возможно, она и могла расширить источники финансирования экономики, сформировать необходимые внешние условия для проведения кардинальных социально-экономических реформ. Однако это требовало более чёткого определения интересов России и детальной проработки внешнеполитической стратегии, чего не было осуществлено на данном историческом отрезке.

Несмотря на все недостатки и вполне обоснованную критику первого этапа внешнеполитической деятельности России, необходимо учесть то, что время начала 1990-х годов было переходным, трудным этапом поиска и освоения новых принципов взаимодействия. Требовалось время для выработки ориентиров и понимания ситуации, в которой оказалась Россия и всё мировое сообщество. В этот период делались первые попытки определить новую российскую идентичность, преодолеть советское наследие, сформировать приоритеты и направления отечественной внешней политики. Россия постепенно, но выходила из кризиса. Начинался новый этап её внешнеполитической деятельности.

---

[1] Никонов В.А. Россия в поисках места в мире XXI века // Десять лет внешней политики России. – М., 2003. – С. 32-37.

§ 2. Взаимоотношения России с Финляндией, Норвегией и Швецией (1993/94 – 2000 гг.)

Следующий этап российской внешнеполитической деятельности можно ограничить примерно 1993/94 – 1999/2000 годами. Эти годы стали временем окончательного избавления от эйфории в восприятии окружающего мира, определения международно-политической идентичности России. Был учтён опыт и уроки начала 1990-х годов. Ситуация конфликта идеалов и реальности, продолжавшаяся в российской внешней политике на протяжении первых лет, постепенно уступала место более взвешенному представлению о мире и месте России в нём.

В этот период в государстве активно стало нарастать стремление к обретению Россией новой идентичности. Оживилось желание доказывать «русский особый путь», не только не тождественный, но и во многом противостоящий Западу[1]. В характеристике отношений с Европой и США менялась даже терминология: вместо слов о дружбе и стратегическом союзе появились слова о партнёрстве и прагматическом сотрудничестве.

Освобождение от иллюзий проявлялось в понимании нарастающей опасности господства США и НАТО. В российском МИДе появилась идея многополярного мира как антитезы однополярного американского преобладания. Росло стремление активизировать свою политику, в том числе и там, где она приносила дивиденды во времена Советского Союза, и в данном отношении скандинавское направление не было исключением. Об этом свидетельствует частота официальных и неофициальных взаимных визитов и встреч на высшем уровне между руководством России и скандинавскими странами, прошедших за исследуемый период. Однако стоит подчеркнуть, что стратегия и тактика внешнеполитической деятельности

[1] Чубарьян А.О. Основные этапы внешней политики России // Десять лет внешней политики России. – М., 2003. – С. 26-31.

России менялась постепенно в течение нескольких месяцев, чему способствовала и внутриполитическая нестабильность в стране. В это время внешняя политика в России являлась скорее предметом острой внутриполитической борьбы, нежели выступала как область государственной деятельности, вокруг которой формируется широкое общественное согласие[1]. Данными обстоятельствами определяется растянутость, некая подвижность временных рамок исследования обозначенного этапа развития внешней политики России в отношении стран Скандинавского полуострова.

В рамках дальнейшего развития контактов и сотрудничества России с Норвегией ещё в апреле 1993 года был подписан протокол по российско-норвежской рабочей программе. В октябре 1994 года в Киркенесе в торжественной обстановке в связи с 50-летием освобождения Северной Норвегии, А.В. Козырев и король Норвегии Харальд V возложили венки к монументу в честь советского война. 24 октября состоялась встреча А.В. Козырева с премьером Норвегии Г.Х. Брундтланд и проведены российско-норвежские переговоры. Министры иностранных дел, уже в третий раз встречаясь за текущий год, рассмотрели состояние и перспективы развития отношений между Россией и Норвегией, отметив, что в этом взаимодействии за прошедшее время произошли существенные качественные сдвиги на основе принципов добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. Исходя из этого, стороны согласились принять новую рабочую программу дальнейшего развития контактов и сотрудничества между Российской Федерацией и Норвегией[2].

В октябре 1995 года состоялся очередной визит А.В. Козырева в Норвегию, приуроченный к празднованию девяностолетия установления дипотношений между Россией и Норвегией. Под сопредседательством министров иностранных дел России и Норвегии (Б.Т. Гудала) прошла сессия

---

[1] Иванов И.С. Внешняя политика России на современном этапе // Десять лет внешней политики России. – М., 2003. – С. 19-25.

[2] Совместная рабочая программа дальнейшего развития контактов и сотрудничества между Российской Федерацией и Норвегией 1994-1995 // Дипломатический вестник. – 1994. - № 21-22. - С. 23-29.

Межправительственной российско-норвежской комиссии по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству. Рассмотрен весь комплекс двухсторонних торгово-экономических отношений. Стороны выразили удовлетворение позитивным развитием двухсторонних торговых связей, которые характеризовались значительным ростом торговых потоков в обоих направлениях. Только за 1994 год увеличение торгового оборота составило 66%. Особое внимание уделено вопросам регионального экономического взаимодействия. Норвежская сторона выразила готовность оказывать поддержку России в связи с переходом председательствования в СБЕР к российской стороне. Затем стороны подписали пакет двухсторонних документов, в том числе соглашения о сотрудничестве при поиске пропавших без вести и спасении терпящих бедствие людей в Баренцевом море, о поощрении и взаимной защите капиталовложений[1]. Всё это подтвердило динамизм, насыщенность двухстороннего сотрудничества и взаимное стремление государств к формированию стабильных и долговременных партнёрских отношений.

Несмотря на столь активные российско-норвежские контакты 1993-1995 годов, именно март 1996 года стал во многом определяющим для дальнейшего развития двухсторонних связей, когда президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин находился в Норвегии с официальным государственным визитом. Необходимо учитывать, что на протяжении всего этого времени Королевство оставалось членом Североатлантического блока, и это не могло не сказываться на взаимодействии соседствующих государств.

После эйфории начала 1990-х годов к российскому руководству начало приходить осознание того, что предложение о трансформации и расширении НАТО на Восток может явиться своего рода изоляцией для России. Безусловно, такая перспектива вызывала крайне негативное отношение

[1] Россия – Норвегия. Девяностолетие установления дипотношений между Россией и Норвегией // Дипломатический вестник. – 1995. - № 11. – С. 20-32.

РФ, которая не могла смириться с продвижением НАТО к её границе. В период 1993-1997 годов «проблема изменения границ НАТО стала главной для России на Западе»[1]. Временами обеспокоенность этим процессом доводило российское правительство до прямых угроз. Например, в октябре 1995 года Б.Н. Ельцин заявлял: «Расширение НАТО на восток вновь приведёт к созданию двух блоков и конфронтации»[2].

Нескрываемое недовольство России ещё больше усилилось после принятия решения руководством Норвегии в октябре 1995 года отказаться от провозглашённых в конце 1950-х годов самоограничений на военную деятельность с участием войск стран НАТО в граничащих с Россией районах. По данным на высшем уровне заверениям норвежской стороны, эта мера не была направлена против интересов России и имела своей главной целью отработку миротворческих и гуманитарных операций, в том числе с участием России. В Осло публично заявили, что этот акт символизировал окончание холодной войны и являлся адаптацией к постконфронтационным условиям. Этой же осенью в Норвегию прибыли подразделения специального назначения ВМС США (SEAL) для участия в совместных норвежско-американских учениях в пограничной с Россией провинции Финнмарк. Главной целью этих учений являлось освоение американским «спецназом» северного ландшафта в зимних условиях. Таким образом, впервые восточнее 24 меридиана появился флот и авиация государств НАТО, а направленность решения норвежского руководства об отмене самоограничений стала вполне очевидной. Эти учения, какими бы они ни были по своим масштабам, лишь подтвердили обоснованность выраженной Москвой озабоченности[3].

Нельзя забывать и инцидент с норвежской метеорологической ракетой Black Brant – XII 25 января 1995 года. Из-за отклонения её полёта россий-

---

[1] Иванов П., Халоша Б. НАТО и интересы национальной безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. - №9. - С. 45.

[2] Цит по: Иванов П., Халоша Б. НАТО и интересы национальной безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. - №9. - С. 44.

[3] Обоснованная озабоченность // Дипломатический вестник. – 1996. - №2. – С. 12-13.

ский президент даже приводил в готовность свой ядерный чемодан. В дальнейшем, чтобы избежать повторения подобных неприятных случаев, стороны договорились о новой совместной системе информации о предстоящих стартах.

Кроме того, как подметил губернатор Мурманской области Ю.А. Евдокимов, в 1990-е годы стало наблюдаться отчетливое стремление норвежцев побудить Россию к добровольному уходу со Шпицбергена[1]. В лондонской «Таймс», в статье, посвящённой современным проблемам Шпицбергена, отмечалось, что «русские не имеют денег, чтобы поддержать своё присутствие на архипелаге. Все дотации Москвы будут прекращены в 1997 году, и русские его покинут»[2]. Такой подход норвежцев к проблеме объясняется тем, что после присоединения СССР к Парижскому договору, по условиям купчей грамоты, российское присутствие на архипелаге признавалось бы только до тех пор, пока Россия будет осуществлять там хозяйственную деятельность. Однако в 1990-х годах в связи со слабым финансированием она стала сворачиваться (например, к 2000 году было ликвидировано угольное месторождение «Пирамида»). Безусловно, такая в целом вполне объяснимая позиция Норвегии являлась дополнительным раздражителем для российской стороны, так как её присутствие на Шпицбергене серьёзно затрагивало национальные интересы страны, и далеко не только экономические. Уход России с архипелага означал бы потерю исключительно важного военно-стратегического форпоста государства, что позволило бы НАТО взять под единоличный контроль обширнейшую морскую акваторию.

Этими причинами и объясняется некая стагнация в развитии российско-норвежских отношений на данном этапе. Российское внешнеполитическое ведомство оказалось в непростой ситуации, когда необходимо было выбирать между принципиальными противоречиями с Североатлантиче-

---

[1] Литературная газета. – 1997. - 15 октября.

[2] Цит. по: Фёдоров Ф.А., Злобин В.С. Останется ли Россия на русском Груманте? // Мурманский Арктический сборник. – 2004. – С. 42.

ским альянсом и стремлением к дальнейшему налаживанию добрососедских контактов со страной-членом НАТО. Россия находилась в поисках вариантов стратегии дальнейшего развития своего взаимодействия с Норвегией.

Приход на пост министра иностранных дел Российской Федерации в начале 1996 года Е.М. Примакова не изменил стратегического отношения России к расширению блока НАТО, но как раз при нём российско-норвежское сотрудничество вышло на новый уровень двухсторонних связей, и наметились перспективные сферы дальнейшего взаимодействия. В целом, многие специалисты зачастую именно с его фигурой связывают окончательный переход России от романтико-идеалистической направленности во внешней политике нашего государства к становлению на рельсы прагматизма и реального сотрудничества[1]. В качестве примера, достаточно ярко характеризующего этого главу российского внешнеполитического ведомства, можно процитировать его высказывание от февраля 1996 года: «Отношение России к расширению НАТО на восток было и остаётся негативным. Поэтому давайте не сосредотачиваться на НАТО. НАТы приходят и уходят, а люди остаются»[2]. Тем не менее, нельзя забывать и того, что на североевропейском направлении в общем стратегия и тактика России зависела не только от взаимодействия с НАТО, но и от развития отношений с ЕС (с января 1995 года) и с учётом институционально оформившегося многостороннего сотрудничества в рамках БЕАР. Именно сочетание всех этих факторов явилось для нас определяющим в построении периодизации скандинавского вектора внешней политики России в 1990-х годах.

Во время мартовского визита Б.Н. Ельцина в Норвегию состоялась его встреча с королём Харольдом V, который дал обед в честь высокого российского гостя. Б.Н. Ельцин передал норвежскому королю приглашение

---

[1] Торкунов А.В. Приветственное слово президента РАМИ // Десять лет внешней политики России. – М., 2003. – С. 11-18.

[2] Цит по: Иванов П., Халоша Б. НАТО и интересы национальной безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. - №9. - С. 45.

посетить Россию с официальным визитом. Также были проведены насыщенные переговоры с Премьер-министром Норвегии Г.Х. Брундтланд по широкому спектру двухсторонних отношений, региональной и международной проблематике. Стороны отметили очевидный прогресс в развитии российско-норвежских отношений, имеющих давние традиции добрососедства.

Была проведёна откровенная беседа по проблематике европейской безопасности и расширению НАТО. Российская сторона выразила категорически негативное отношение к процессу расширения НАТО и блоковой системе решения вопросов европейской безопасности. Указывалось на недопустимость появления в Европе разделительных линий и построения безопасности на блоковом противостоянии. Норвежская сторонав свою очередь, выразила приверженность общей линии НАТО в отношении трансформации этой организации, но вместе с тем также подчеркнула необходимость недопущения нового раздела Европы по блоковому признаку. Особое внимание сторон было уделено взаимодействию в Баренцевом Евро-Арктическом регионе, а также вопросам взаимодействия в области оздоровления экологической обстановки на Северо-Западе России, повышения радиационной безопасности в этом регионе. Премьер-министр Норвегии выступила с инициативой создания в рамках «семёрки» специального фонда содействия России в области радиационной безопасности. Как выразилась Г.Х. Брундтланд: «Норвегия считает, что радиактивные отходы – общее наследие стран – участников холодной войны и они должны нести равную ответственность за ликвидацию этого экологического бедствия»[1]. Определённое сближение было достигнуто и в вопросе урегулирования проблемы делимитации шельфа и вод Баренцева моря. Однако окончательного решения принято не было.

[1] Россия – Норвегия. Визит Б.Н. Ельцина в Норвегию // Дипломатический вестник. – 1996. - №6. – С. 8.

Наиболее важным достижением переговоров явилось принятие Декларации об основах отношений между Российской Федерацией и Норвегией[1]. Декларация зафиксировала новый уровень двухсторонних связей, наметила перспективные сферы дальнейшего взаимодействия. В отдельных пунктах этого документа были закреплены основные принципы развития общего международного, регионального и двухстороннего сотрудничества. Тогда же было подписано межправительственное соглашение о торговых связях и экономическом сотрудничестве, которое составляет правовую основу российско-норвежских торгово-экономических отношений по настоящий день.

Визит стал крупнейшим событием в двухсторонних отношениях нашей страны с Норвегией со времён «перестройки». Переговоры в Осло позволили вывести российско-норвежское сотрудничество на новый качественный уровень и способствовали его дальнейшему укреплению. Свидетельством этому являются и высокая динамика политического диалога руководств сотрудничающих стран в конце 1990-х - в начале XXI века, и поддержание контактов между парламентами, и постоянный рост товарооборота (к 1999 году он установился на уровне 1 млрд. рублей)[2], и, безусловно, продолжение развития отношений в БЕАР, которые уже перешагнули первое десятилетие. Именно в этом направлении, установленном в марте 1996 года, продолжается и настоящее взаимодействие России с Норвегией.

Российско-шведские отношения середины и второй половины 1990-х годов развивались менее динамично, но и более уравновешенно, в духе принятой в феврале 1993 года российско-шведской декларации, не только закрепившей и расширившей сферу ранее существовавшего сотрудничества, но и положившей начало взаимодействию в ряде новых об-

---

[1] Декларация об основах отношений между Российской Федерацией и Королевством Норвегия // Дипломатический вестник. – 1996. - №4. – С. 9-15.

[2] Сайт Министерства иностранных дел РФ // Российско-норвежские отношения (справочная информация). http://www.mid.ru [20.01.2004]

ластей. Кроме того, тогда же российское правительство признало ряд фактов нарушения шведских вод в 1980-е годы, что, конечно, позитивно отразилось на атмосфере складывания российско-шведских взаимоотношений в середине и конце 1990-х годов.

Безусловно, особое влияние на российско-шведское взаимодействие оказало вступление Швеции (и Финляндии) в 1995 году в Евросоюз, что максимально приблизило Россию к Западу и расширило потенциал сотрудничества. С другой стороны, несмотря на заявление шведского руководства о том, что ЕС не является оборонительным союзом и потому политика свободы от союзов остаётся в силе, тем не менее, российское внешнеполитическое ведомство оценило это решение как первый шаг на пути отхода от политики военного неприсоединения. Позднее это видение подтвердилось тем, что в 1999 году в Европейском Союзе была образована новая структура – Совет по координации внешней политики и безопасности, который возглавил бывший генеральный секретарь НАТО Х. Солана. Кроме того, Швеция стала высказываться в поддержку расширения НАТО, видя в альянсе некий стабилизирующий эффект. В этом отношении небезызвестно и стремление достаточно влиятельного меньшинства из круга правых и либеральных политиков, а также профессиональных военных к вступлению в Североатлантический блок. Они обосновывают свой выбор тем, что НАТО после прекращения холодной войны вступила на путь трансформации и изменила свой характер. Безусловно, такие настроения не могли не вызвать беспокойства России.

В середине и конце 1990-х годов российско-шведские двухсторонние встречи на высшем уровне проходили достаточно часто. Двухсторонние отношения, по заявлению министра иностранных дел Швеции Лены Ельм-Валлен перед началом её визита в Москву, были отличными, и она не видела препятствий для их успешного развития[1]. Хотя эксцессы всё-таки случались – разоблачение агентов шведских спецслужб в России, или, на-

[1] Сегодня. – 1996. - 29 марта.

пример, гибель боевого самолёта «Вигген» (17 октября 1996 года) при облёте российского крейсера, - однако эти «происшествия» не оказали значительного отрицательного эффекта на развитие сотрудничества.

В ходе официального визита главы российского правительства В.С. Черномырдина в Стокгольм в мае 1996 года обсуждались проблемы увеличения товарооборота, расширения шведских инвестиций, проект строительства газопровода из России в Западную Европу через Финляндию и Швецию. Переговоры по этим вопросам были продолжены во время рабочего визита премьер-министра Швеции Й. Персона в октябре 1996 года в Москву. В апреле 1999 года он ещё раз посетил Москву с официальным визитом.

Швеция, не без своих на то интересов, взяла на себя роль посредника в диалоге между Москвой, с одной стороны, Таллинном, Ригой и Вильнюсом - с другой. Швеция выступала за право прибалтов самим выбирать свою международную ориентацию, то есть просить о приёме в НАТО. Поддержка государств Балтии стала в этот период важнейшей задачей всего внешнеполитического курса Швеции, с помощью которого она оказывала политическое давление на Россию, добиваясь вывода российских войск из Прибалтики. Предложения президента РФ Б.Н. Ельцина, сделанные им в ходе государственного визита в Швецию в декабре 1997 года о гарантиях безопасности, были фактически отвергнуты шведским руководством, усмотревшим в них попытку снова втянуть Балтию в сферу российских интересов. Таким образом, по мнению ряда исследователей, которое диссертант разделяет, Стокгольм хотел закрыть существовавшую во время Советского Союза брешь на своей границе с Россией, создать буферную зону безопасности. Однако эта проблема не повлекла серьёзных противоречий между Швецией и Россией. Более того, развивающемуся сотрудничеству всерьёз не помешали ни разногласия в отношении расширения НАТО, ни война в Чеченской республике.

В декабре 1997 года состоялся первый с 1909 года государственный (по приглашению королевской четы) визит в Швецию российского президента с супругой. Несмотря на сжатые сроки визита, удалось обсудить и заключить несколько новых соглашений неполитического характера, в основном в экономической и правовой сферах.

Столь позитивное развитие политических российско-шведских отношений в 1990-е годы благоприятно отразилось и на экономическом взаимодействии. Начиная с 1992 года шведский экспорт в Россию увеличился с 1,6 млрд. крон до 6,9 млрд. в 1997 году, а российский экспорт увеличился за этот же промежуток времени с 2,7 млрд. крон до 6,9 млрд[1]. В целом российско-шведский товарооборот за десятилетие возрос более чем в два раза, составив в 2000 году 2194 млн. долларов[2]. В 1995 году в Стокгольме открылась Русско-шведская торговая палата. Швеция занимала 20-е место среди стран-покупателей российских товаров и 26-е среди поставщиков на российский рынок. В 1998 году шведский импорт в Россию снизился, а рост экспорта замедлился. Низкие и падающие цены на нефть приносили России меньшую выгоду, тогда как на группу сырьевых товаров и топлива приходилось около 83,6% российского экспорта. Однако в начале XXI века ситуация стабилизировалась, и к 2004 году Россия занимала уже 15-е место среди торговых партнёров Швеции[3].

В целом, характеризуя российско-шведские отношения 1990-х годов, можно заключить, что за всё XX столетие Россия и Швеция никогда не имели так относительно мало трений и противоречий и такого динамичного взаимодействия, которое принесло последнее десятилетие.

Отношения России с Финляндией на протяжении 1990-х годов, которые строились на основе Договора об основах отношений 1992 года

---

[1] Кан А.С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. – М., 1999. – С. 265.
[2] Сайт Министерства иностранных дел РФ // Ответы официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопросы агенства РИА «Новости» по российско-шведским отношениям. http://www.mid.ru [8.10.2001]
[3] Сайт Министерства иностранных дел РФ // О торгово-экономическом сотрудничестве между Россией и Швецией (справочная информация). http://www.mid.ru [14.04.2004]

(в 2001 году его действие была автоматически продлено до 2007 года), также были достаточно стабильны и устойчивы. К началу XXI века между нашими странами действовало около 80 межгосударственных и межправительственных документов, большая часть из которых была заключена в середине и конце последнего десятилетия прошлого века.

В этот период сложились устойчивые традиции активного политического диалога на самых высоких уровнях. Президенты М. Ахтисаари и Т. Халонен посещали нашу страну с официальными визитами в самом начале сроков своих полномочий (соответственно в мае 1994 года и в июне 2000 года). В октябре 1995 года состоялся визит А.В. Козырева в Финляндию, а в октябре 1999 – визит тогда ещё премьер-министра В.В. Путина в рамках участия в саммите ЕС – Россия. Регулярно поддерживались контакты между руководителями министерств иностранных и внутренних дел, экономического развития, торговли и транспорта в рамках СБЕАР. Были налажены активные межпарламентские связи.

Несомненно, определённой спецификой российско-финляндского взаимодействия является вхождение Финляндии с января 1995 года в ЕС. На проведённом в январе 1995 года в Хельсинки международном семинаре на тему Россия – Хельсинки – ЕС было выработано общее направление развития российско-финляндского взаимодействия с учётом этого обстоятельства. Основной акцент был сделан на необходимости приумножения накопленного потенциала сотрудничества, прежде всего трансграничного, в условиях членства Финляндии в Евросоюзе и налаживания связей России с ЕС. Финская сторона выразила согласие с тезисом о максимальном использовании «евроизмерения» российско-финляндских отношений для развития двухсторонних контактов и диалога Россия – ЕС. Позже Финляндией была выдвинута способствующая этому диалогу концепция «Северного измерения». Обсуждался и вопрос расширения блока НАТО, который

являлся одним из центральных в развитии международных отношений в Европе на этом этапе[1].

Торгово-экономическое сотрудничество России и Финляндии[2] продолжало оставаться на сравнительно высоком уровне. Несмотря на кризисную ситуацию в России конца 1990-х годов в социально-экономической сфере, в 2000 году положительная динамика товарооборота была восстановлена и составляла, например, к 2002 году уже 6,7 млрд. евро преимущественно при положительном для России сальдо[3]. Традиционно Финляндия входила в десятку крупнейших иностранных инвесторов в российскую экономику. Для содействия развитию торгово-экономических отношений в середине 1990-х (на основе соглашения 1992 года) была образована Межправительственная российско-финляндская комиссия по экономическому сотрудничеству. Постепенно Российская Федерация сокращала свои долги перед Финляндией, оставшиеся от СССР, причём не только прямыми выплатами. Так, например, в 1995 году удалось погасить часть задолженности за счёт поставок российских вооружений в Финляндию (систем ПВО и бронетехники), чьи вооруженные силы в 1990-х годах значительно усилились качественно и количественно. Однако к 2004 году задолженность РФ ещё продолжала оставаться на уровне 550 млн. долларов[4].

Особо заметное место в отношениях соседних государств с середины 1990-х годов стало занимать постоянно развивающееся сотрудничество сопредельных регионов. Его правовой основой стало уже упоминавшееся заключённое в 1992 году межправительственной соглашение о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Координацией сопредельного сотрудничества за-

---

[1] Россия – Финляндия – ЕС. Международный семинар // Дипломатический вестник. – 1995. - №3. – С. 24-27.

[2] См. Приложения.

[3] Сайт Министерства иностранных дел РФ // Российско-финляндские отношения. Справочная информация. http://www.mid.ru [13.04.2004]

[4] Сайт Министерства иностранных дел РФ // Российско-финляндское торгово-экономическое сотрудничество. Справочная информация. http://www.mid.ru [14.04.2004]

нималась (и занимается) руководимая МИДами российско-финляндская межправительственная Группа развития сотрудничества сопредельных регионов.

Таким образом, российско-финляндское сотрудничество, претерпев перестройку начала 1990-х годов, вступило в новую стадию своего развития, кардинально отличающуюся от эпохи существования Советского Союза. Определяющим компонентом взаимодействия наших стран с этого времени являются именно экономические отношения, необходимость существования и совершенствования которых как для России, так и для Финляндии не подвергается сомнению.

Итак, международно-политические перемены после окончания холодной войны не просто косвенно затронули обстановку на Севере, а явились основанием для коренной перестройки всей системы международных отношений в этом регионе и значительно повлияли на дальнейшее развитие взаимосвязей России с государствами Скандинавского полуострова.

Сокращение политического и военного присутствия России в этой зоне компенсировалось усилением влияния США и расширившегося, прежде всего за счёт Финляндии и Швеции, Европейского Союза, с которым с 1995 года появилась общая граница, превышающая границу с НАТО в 6,5 раз.

Северный регион, в который входят северо-западные регионы России и страны Скандинавского полуострова, продолжает удерживать одно из центральных мест как район размещения наиболее крупных группировок военно-морских флотов и военно-воздушных сил, оснащённых ядерным оружием.

Значение региона для НАТО в 1990-х годах только увеличилось в связи с намерением Североатлантического блока перейти от стратегии «передовых рубежей» к концепции «сокращённого передового присутствия». Этот курс предполагал оптимизацию существующих Вооружённых Сил США в Европе, что соответственно повышало значение надёжности океан-

ских коммуникаций в кризисных ситуациях сил быстрого реагирования в различные районы мира.

Всё более заметной в конце столетия становилась роль растущего «центра силы» - Европейского Союза в сфере безопасности. ЕС начал и продолжает формулировать свою общую концепцию и в отношении Севера. При этом нельзя сказать, что, как таковая, безопасность стала окончательно обеспечена. Конечно, картина и характер угроз стали иной. Однако если экологические и социальные проблемы, хозяйственно-экономические и культурно-образовательные интересы держав действительно способствовали сближению государств, то военно-стратегические скорее продолжали разделять регион. Вхождение Норвегии и стремление части политических кругов Швеции и Финляндии вступить в НАТО являются сильным раздражителем для России. Таким образом, в 1990-е годы оставалась и продолжает оставаться тень военно-политического противостояния, сохраняя частичную преемственность советской эпохи в развитии международных отношений в регионе. Это объясняется наличием объективных противоречий при столкновении государственных интересов, не связанных с идеологической сферой. На первый план вышли те же экономические и геополитические интересы, стремление к обладанию природными ресурсами, причём не только России и стран Северной Европы. Тем не менее, стоит признать, что в столь непростых условиях 1990-х годов доминирующей тенденцией в формировании международных отношений на Европейском Севере и во внешнеполитических действиях России с Финляндией, Норвегией и Швецией оставалась логика прагматизма, партнёрства и преодоления прежних противоречий. Это время ярко продемонстрировало стремление Российской Федерации отказаться от политики силового противостояния и желание содействовать развитию взаимовыгодного, плодотворного сотрудничества как на двухстороннем, так и многостороннем уровнях.

ГЛАВА 4.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ И СССР/РФ В 1970-Х - 1990-Х ГОДАХ

§ 1. Налаживание многостороннего регионального сотрудничества в системе международных отношений на Севере Европы во второй половине XX века и Советский Союз

Общепринято считать, что регионализм как независимое, интеллектуальное и политическое движение возник в Европе ещё во второй половине XIX века и противостоял унификации всех сфер общественной жизни, равно как и централистским тенденциям, давшим о себе знать во многих странах именно на этом этапе. А вот непосредственно расцвет и активное развитие этого явления происходит во второй половине XX века и продолжается до настоящего момента[1].

Набирающие темпы глобализационные процессы вывели в последние десятилетия на общемировую сцену совершенно новые субъекты – влиятельные международные организации, мощные многонациональные корпорации, региональные экономические и социальные комплексы, политические элиты, города-мегаполисы, - претендующие, по крайней мере, на равноправное (с традиционными участниками международных отношений – государствами) участие в мировой политике. Обращает на себя внимание исключительная активность в мировом сообществе юридически оформившихся к концу XX века региональных международных организаций. Север Европы в этом смысле не исключение. Скорее, наоборот – определенный

[1] Макарычев А. Регионализм: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. – 1991. - № 3. - С. 51.

(возможно классический и по своей эволюции и по современному состоянию) образец межгосударственных региональных образований.

Акцентируя внимание на характеристике процессов «регионализма» и всей совокупности проблем, связанных с ним, следует отметить, что он уже давно (с конца 1960-х – начала 1970-х годов) привлекает внимание социологов, историков, политологов, этнографов. Издаются книги, проводятся международные семинары и симпозиумы. Во Франции в 1990 году возникла первая в Европе федерация регионализма.

Анализ сущности понятия «регионализм» следует начинать с составной части, определяющей этот термин, а именно с корня слова «регион». Общее понимание региона вполне однозначно. Термин происходит от латинского *regio*, что означает *область*[1]. Другими словами, «регион» определяется как обширный район, соответствующий нескольким областям страны или их частям. То есть, под «регионом» понимается культурно-философское, географическое и административно-юридическое единство каких-либо земель (областей, территорий).

Исходя из понимания феномена «регион», обратимся к толкованиям явлений «регионализма» и «регионализаций». Так, например, Д. Нюи дает определение регионализма как «формирование межгосударственных контактов на основе регионов»[2]. То есть, в его понимании регионализм - это политика, которая нацелена на межгосударственные контакты и сотрудничество в экономике, экологии, образовании, культуре и в других областях в пределах одного региона.

Э. Ниеми считает, что регионализм и регионализация характеризуются принципиальными различиями. Под регионализацией ученый подразумевает проникновение государства в регион, осуществление комплекса мер, направленных на интеграцию региона в государство и контроль над ним со стороны последнего. Регионализм же он оценивает как самосозна-

---

[1] Краткий словарь современных понятий и терминов. – М., 1993. - С. 357.
[2] Nye J. International Regionalism: Readings. - Boston, 1968. - P.46.

ние и политическую идеологию, существующие внутри региона и его населения, что нередко, в свою очередь, вызывает подозрения и противодействие со стороны государства, зачастую ставящего знак равенства между регионализмом и сепаратизмом[1].

Несколько иной точки зрения придерживается норвежский исследователь Х.Р. Нильсен. Он склонен считать, что регионализм - это ведомое региональными группами региональное строительство. Однако, как и его коллега, в регионализации он также видит большую роль непосредственно национальных правительств[2]. То есть, налицо отличия лишь в понимании определения регионализма.

Другой взгляд на проблему создания регионов имеет финский ученый Ю. Кокёнен[3]. Он процессы регионализма и регионализации, в общем и целом, называет «региональным взаимодействием» или «региональной кооперацией». Эти же явления на международном уровне исследователь определяет как «транснациональное взаимодействие». Однако, как и Э. Ниеми, он резко различает эти тенденции, только абсолютно иначе, нежели его визави. Ю. Кокёнен, как и другие ученые, видит начало расцвета регионального сотрудничества после окончания Второй мировой воины, наиболее же активным периодом развития данного феномена он справедливо называет 90-е годы XX века, связывая эту активность с окончанием холодной войны и возникновением угрозы «периферизации» в объединенной Европе[4]. Подход Ю. Кокёнена интересен тем, что регионализм он считает более старой моделью регионального объединения, в которой домини-

---

[1] Niemi E. Regions and Regionalism. Introduction. Background, Trends and Models // XIX International Congress of Historical Sciences. Oslo, 2000. - P.1-4.

[2] Håken R. Nilsen. Envirjnmtntal Factors in Multilateral Cooperation // Dreaming of the Barents Region: Interpreting Cooperation in the Euro-Arctic Rim. / ed. by J. KäKönen. – Tampere. Research Reports № 73, 1996. - P. 253.

[3] KäKönen J. Cooperation in the European Circumpolar North // Dreaming of the Barents Region: Interpreting Cooperation in the Euro-Arctic Rim. / ed. by J. KäKönen. – Tampere Research Reports № 73, 1996. - P. 9-22.

[4] KäKönen J. Cooperation in the European Circumpolar North // Dreaming of the Barents Region: Interpreting Cooperation in the Euro-Arctic Rim. / ed. by J. KäKönen. – Tampere. Research Reports № 73, 1996. - P. 10.

рующую роль играют государства, а не гражданские *общества* (например, Скандинавские страны во время холодной войны или Европейское Экономическое Сообщество). «Старый» регионализм в значительной мере стимулировался идеологическими причинами и военнополитическим противостоянием. Он развился в условиях не только биполярного мира, но и ключевой роли государств во внешнеэкономической деятельности. В этих объединениях главное - продвижение и достижение национальных интересов. Такое межгосударственное сотрудничество имеет иерархичную организацию. В свою очередь, деятельность вторых на политической или дипломатической арене он как раз характеризует регионализацией (более поздняя модель), которая вызвана децентрализацией государственной политики, дающей пространство для манёвра местным органам. Данный вид кооперации имеет горизонтальную организацию[1]. На этом уровне отмечается высокая степень развития культурной и экологической составляющих сотрудничества, что делает его содержание насыщеннее, хотя и в узких рамках.

Российские ученые в региональном взаимодействии также прослеживают два таких разноуровневых этапа развития[2].

К главным задачам регионализма Ю. Кокёнен относит обеспечение регионов связью с центром (избегание периферизации) и в то же время осуществление прямой связи с иностранными государствами. Задачами регионализации являются достижение более тесных контактов между взаимодействующими районами (subregions) различных стран, изменение роли периферии унитарных государств, достижение в каких-то областях более качественного сотрудничества, например, в отношениях между политикой и экономикой.

---

[1] KäKönen J. North Calotte as a Political Actor // Dreaming of the Barents Region: Interpreting Cooperation in the Euro-Arctic Rim. / ed. by J. KäKönen. – Tampere. Research Reports № 73, 1996. - P. 55-88.

[2] Вардомский Л.Б., Демидов Ф.Д., Марчук Н.И. Субъекты Российской Федерации в международных связях. – М., 1997.

В научной литературе существуют разные оценки феномена регионализма в целом: от реакции на гиперцентрализм до неофеодализма[1]. Есть дискуссии о возможном тождестве регионализма и сепаратизма[2]. Но такая характеристика явно радикальная. Более того, некоторые авторы, выражая позитивное отношение к дезинтеграции экономического и политического пространства и разделению власти между центром и субъектами, оценивают регионализацию как «процессы витализации и рационализации пространства»[3]. Безусловно, у регионализма есть свои негативные стороны, но приравнивать их к чертам сепаратизма ни в коем случае нельзя. Регионализация - это скорее возможный катализатор сепаратизма, но уж точно не одно и то же. Это ответ на глобализацию с целью сохранения своих национальных особенностей и традиции. При этом регионализация является неотъемлемой частью глобализации, она её сопровождает и дополняет.

После окончания Второй мировой войны взаимодействие между североевропейскими странами стало развиваться очень динамично. Процессы мирного многостороннего сотрудничества в этом регионе, пусть и несколько хаотичного, во многом опережали общемировые тенденции развития международных отношений послевоенного периода.

Уже в 1945 году были проведены следующие мероприятия: в июле состоялась конференция Комитета сотрудничества социал-демократических партий пяти северных стран, 16 августа проводился межпарламентский конгресс, 4 сентября прошло совещание по сотрудничеству между Северными странами "Нурден" ("Север"), 13 сентября - конференция министров социальных дел, 18 сентября - совещание полицейского союза четырех стран, 22 октября - конференция союза моряков, 14 ноября - конференция

---

[1] Трейвиш А.И. Регионализм и регионализация в России // Регионы и регионализм в странах Запада и России. - М., 2001. - С. 16.

[2] Плешаков К. Интеграция и дезинтеграция в современном мире // Международная жизнь. – 1991. - №3. - С. 54., Трейвиш А.И. Регионализм и регионализация в России // Регионы и регионализм в странах Запада и России. - М., 2001. - С. 16.

[3] Следзевский И.В. Концептуальные проблемы регионализации РФ // Регионы и регионализм в странах Запада и России. - М., 2001. - С.40.

представителей радиовещания, 25 ноября - конференция союза инженеров, 28 ноября - конференция представителей воздушных обществ. В начале января 1946 г. в Копенгагене состоялось заседание Комитета сотрудничества социал-демократических партий и профорганизаций Северных стран (Комитет по северному сотрудничеству). Он обратился к правительствам Северных стран с просьбой способствовать взаимодействию в области социального законодательства, общего северного рынка труда, а также в части расширения возможностей использования промышленности Северных стран на внутреннем и внешнем рынке. Комитет также выразил желание наладить обмен студентами высших учебных заведений и установить контакты между государственными радиостанциями[1].

Такая активность объясняется стремлением северных стран наиболее быстро и эффективно восстановить разрушенное хозяйство, промышленность, стабилизировать общественно-политическую ситуацию. На этом фоне налаживания мирного гражданского сотрудничества резко выделялась попытка организации военного взаимодействия в регионе.

Прошедшая война отчётливо дала понять маленьким северным государствам всю их военную уязвимость. Она показала иллюзорность представления о том, что северный регион мог бы остаться в стороне в случае крупных конфликтов. Тем не менее, на тот период Норвегия, Дания и особенно Швеция всё ещё придерживались политики нейтралитета. Таким образом, вопрос о безопасности скандинавских стран оставался актуальным. Это привело в 1946-1948 годах к попытке создания в регионе независимого военного Скандинавского блока.

Детальный разбор проблемы организации этого союза не является задачей данной работы. Стоит лишь отметить тот факт, что 14 января 1949 года экспертный «Скандинавский комитет обороны», приступивший к работе в середине октября 1948 года, представил свой доклад. Суть док-

[1] Смирнов А.И. Баренцев-Евроарктический регион: российско-норвежские отношения. – М., 2002. – С. 54-55.

лада заключалась в отказе норвежского правительства участвовать в создании Скандинавского оборонительного союза. Норвежцы склонялись к созданию такого альянса, который усиливал бы западный потенциал сдерживания, в то время как шведские политики представляли его как способ не допустить участия скандинавских стран в возможной войне между великими державами. Норвежское правительство проводило политику солидарности с Западом, которую не желало принять руководство шведского внешнеполитического ведомства. Всё это поставило крест на идее военного нейтрального скандинавского блока в целом.

Анализ документов МИД СССР показывает, что на всем протяжении переговоров о Скандинавском оборонительном союзе отношение советской дипломатии к этому проекту оставалось настороженным. Заведующий Пятым европейским отделом НКИД СССР А.Н. Абрамов в справке от 29 марта 1948 года на имя заместителя министра В.А. Зорина писал: «…политический смысл практикуемого ныне «северного сотрудничества» является реакционным. Это сотрудничество направлено в конечном счете против Советского Союза… Одна из главных целей их «сотрудничества» - изоляция северных стран от возможного влияния СССР (или нейтрализация этого влияния – в Финляндии). Конечным результатом объединения экономики, политической линии и военных ресурсов скандинавских стран при сложившейся сейчас обстановке может быть только включение созданного северного блока в империалистический лагерь, возглавляемый США и Англией»[1].

Несмотря на такое отношение, советское правительство не делало никаких официальных заявлений в связи с переговорами о Скандинавском оборонительном союзе. Однако в комментариях советской печати планы создания этого союза характеризовались как враждебное по отношению к СССР мероприятие[2].

---

[1] АВПРФ. Ф. 0140. Оп. 39. П. 1153. Д.43. Л. 2
[2] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 49. П. 190. Д. 9. Л. 53.

Отрицательное отношение к нейтральному оборонительному союзу было связано, во-первых, с негативным в тот период отношением к нейтралитету вообще и, во-вторых, с опасениями, что планировавшийся союз не удержался бы на позициях нейтралитета в условиях разделения Европы на военно-политические блоки.

В проблеме «северного сотрудничества» и Скандинавского оборонительного союза СССР не имел каких-либо конкретных планов повлиять на ситуацию таким образом, чтобы включить оборонительный союз в сферу своих геополитических интересов. Скандинавская проблематика рассматривалась в контексте мировых событий, и прежде всего советско-американских противоречий. Советская политика в отношении североевропейских стран определялась, как правило, на основе общей послевоенной «политики безопасности» – создания «оборонительного барьера» между Советским Союзом и его западными соперниками. Главным направлением деятельности СССР было противодействие созданию Атлантического блока и воспрепятствование включению в него скандинавских стран.

На Севере эта концепция воплощалась в жизнь осторожно и гибко, резко контрастируя с методами советской политики в странах Центральной и Восточной Европы. Подобный контраст, несомненно, связан с тем, что на Севере Европы СССР никогда не имел такого же влияния и свободы действий. Как отмечает исследователь А.А. Комаров: «Советский Союз предпочитал строить отношения со скандинавскими странами на двухсторонней основе, так как в то время с недоверием относился к интеграции в любой форме»[1].

Переговоры о скандинавском оборонительном союзе можно назвать, хоть и неудачной, но все-таки попыткой найти нейтральный путь в условиях разворачивающейся холодной войны. Скандинавские страны не смогли найти общую составляющую в своих концепциях безопасности, и,

[1] Комаров А.А. СССР и Скандинавский оборонительный союз (1948-1949) // Северная Европа. Проблемы истории. - №4. - С. 99.

как следствие, возник так называемый «северный баланс», который на долгие годы определил характер международных отношении на Севере Европы. Финляндия, имеющая Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с СССР от 6 апреля 1948 года, нейтральная Швеция и члены НАТО Норвегия, Дания и Исландия обеспечили некое военно-политическое равновесие в этом регионе.

Для СССР формирование военно-политического блока западных стран и, в частности вовлечение североевропейских стран в этот процесс, ставило перед советской внешней политикой принципиально новые проблемы. Создание блока само по себе во многом противоречило принципам ООН, организации, на которую Советский Союз возлагал надежды по обеспечению мира. Кроме того, создавалось соотношение вооруженных сил в Европе, крайне неблагоприятное для СССР, который был вынужден одновременно содержать огромную военную силу и восстанавливать экономику[1].

Противоречия стран Скандинавского полуострова по вопросу организации военного сотрудничества никоим образом не повлияли на дальнейшее развитие взаимодействия в регионе в социально-экономической и культурной областях. Хотя стоит признать, что изначально кампания за организацию экономического сотрудничества между соседними странами не была успешной. В 1950 году сорвалась попытка создания Североевропейского таможенного союза. Главной причиной этого стало опасение норвежцев, что экономика страны окажется неконкурентоспособной на общем североевропейском рынке, а именно, что «её обрабатывающие отрасли не смогут соревноваться с высокоэффективной шведской промышленностью»[2]. Однако постепенно сотрудничество набирало силу.

---

[1] Подоплёкин А.О. СССР-РФ и система международной безопасности на Европейском Севере // Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век. - Архангельск, 1999. - С. 156-162.

[2] Даниельсен Р., Дюрвик С., Грёнли Т., Хелле К., Ховланн Э. История Норвегии. От викингов до наших дней. – М., 2003. - С. 461.

В 1948 году была учреждена объединенная авиакомпания САС, в 1952 году заключена конвенция о «единой паспортной зоне». В начале 1950-х годов достигнута договоренность между странами Северной Европы, в том числе и Финляндии, о безвизовом передвижении в границах региона. Венцом региональной интеграции (или «северного сотрудничества») стало учреждение Северного Совета.

Такая активность региональной политики в экономическом отношении объяснялась наличием некой взаимозависимости северных стран. Несмотря на довольно большое отставание Норвегии и Финляндии от Швеции в индустриальном развитии, экономика последней страны во многом зависела от поставок ресурсов своих соседей. Обсуждение этих проблем, их преодоление явилось признаком эволюции регионализма, его перехода из области потенциального военно-политического взаимодействия на рельсы мирного сотрудничества.

Идея создания Скандинавского парламентарного совета приходит еще перед войной датскому премьер-министру П. Мюнху. 9 февраля 1938 года он предлагал своим коллегам из других скандинавских стран создать консультативный правительственный орган для достижения лучшей координации и планирования действий в целях сотрудничества.

Северный совет был создан по инициативе датских представителей, участвовавших в работе сессии Межпарламентского союза северных стран в 1951 году. Образованный на этой сессии специальный комитет подготовил проект устава Северного совета, который был одобрен совещанием министров иностранных дел Скандинавских стран и вступил в силу в 1952 году после утверждения его парламентами Дании, Исландии, Норвегии и Швеции. Финские представители, участвовавшие в подготовке устава Северного совета, выступили с оговоркой, что «она (Финляндия) не будет участвовать в рассмотрении военно-политических вопросов, а также вопросов, требующих определения позиции в отношении противоречий между великими державами, если таковые будут ставиться на обсужде-

нии»[1]. Финляндия стала участвовать в работе Северного совета с 4-й сессии, состоявшейся в Копенгагене в 1956 году[2]. Однако официально она вступила в состав совета ещё в 1955 году.

Северный совет – общескандинавский, но не прямой, а делегированный парламент. Он не является надгосударственным органом, и его резолюции носят рекомендательный характер. Рекомендации предназначены в первую очередь Северному совету министров, который решает, какие конкретные меры следует принимать по тому или иному вопросу. Что касается национальных правительств, то они свободны в выборе: осуществлять эти рекомендации или нет. При этом, как показывает практика, большинство из них претворяются в жизнь[3].

Интеграция в регионе получила новый импульс, когда в марте 1962 года между скандинавскими странами была заключена Хельсинская конвенция, установившая формы и сферы деятельности Северного совета, дополненная Копенгагенским соглашением 1971 года, по которому был образован координационный Совет министров Северных стран (СМСС) для рассмотрения и утверждения рекомендаций Северного Совета.

За время своего существования Северный совет достиг многого. В 1955 году была подписана Северная конвенция о социальном обеспечении. В 1977 году был создан орган северного сотрудничества по научной информации. С 1976 работает комитет сотрудничества северной молодёжи, цель которого – лучшее знакомство и понимание политических, культурных и социальных вопросов молодёжи на Севере. В 1978 году стал функционировать орган северного сотрудничества по научно-техническим исследованиям. С 1976 года функционирует Северный инвестиционный банк, образованный для содействия в общих интересах укрепления экономики региона с помощью кредитов и гарантий при осуществлении инве-

[1] ГАРФ. Ф. 9497. Оп. 9. Д. 68. Л. 10.
[2] Смирнов А.И. Баренцев-Евпроарктический регион: российско-норвежские отношения. - М., 2002. - С. 55.
[3] Худолий Я.А. Уникальное сотрудничество на Севере Европы // Мировая экономика и международные отношения.-1990. - №6. – С. 100-104.

стиций и экспорта. Результативное сотрудничество осуществляется в области сельского и лесного хозяйства, ветеринарии. В 1979 году северные страны создали первый в мире генный банк, чьи исследования в области удобрений и ухода за молодыми лесами приобрели мировую известность. Ещё одной формой сотрудничества является работа по гармонизации законодательства северных стран. При выработке каждого нового закона принимается во внимание законодательство, существующее в данной области в других странах Севера, что позволяет создать единое правовое пространство[1].

Формально вопросы внешней политики не входили в сферу деятельности Северного совета, это являлось его своеобразием и подчеркивало его региональность[2]. Страны, входящие в него, имели собственные внешнеполитические курсы и не навязывали своих концепций соседям. Однако Северное сотрудничество все-таки частично охватывало и внешнеполитические проблемы, касающиеся общих нейтральных интересов, хотя официально их координация осуществлялась на правительственном и дипломатическом уровнях. Не составляя блока на международной арене, северные страны, в частности в рамках ООН, осуществляли далеко идущее практическое сотрудничество[3]. Регулярно (не менее двух раз в год) проводились консультации министров иностранных дел, согласовывались позиции не только в ООН, но и в других международных структурах, организовывалась помощь развивающимся странам. Участники Северного совета совместно финансировали крупные проекты в Кении, Танзании, Мозамбике, предусматривавшие создание сельскохозяйственной кооперации, систем водоснабжения, строительство учебно-производственных комбинатов для подготовки молодых специалистов. Успехи разрядки позволили левым прогрессивным парламентариям ставить на обсуждение на сессиях Север-

---

[1] Сыченкова Е.В. Европейский Север России: реалий и перспективы международного сотрудничества. – Мурманск. 1999. - С. 47.

[2] Смирнов А.И. Баренцев-Евпроарктический регион: российско-норвежские отношения. - М., 2002. - С. 55-56.

[3] АВП РФ. Ф. 135. Оп. 68. Д. 11. П. 153. Л. 31.

ного совета внешнеполитические вопросы (например, о превращении Северной Европы в безатомную зону с 1982 года), которые, как уже отмечалось, ранее по «джентльменскому соглашению» советом не обсуждались[1].

Становление и развитие северного сотрудничества явилось своего рода ответом на раскол Европы, выражением стремления народов североевропейских государств сохранить и упрочить свою самобытность, не допустить эрозии изначальных факторов североевропейского единения воздействием блоковой политики, конфронтации и противостояния.

Учреждение Северного совета было встречено Советским Союзом хоть и с недоверием, но без протестов[2]. В 1963 году финские представители на очередном заседании межправительственного комитета Северного совета предложили развивать сотрудничество этой организации с СССР. Это событие положило начало контактам нашей страны с североевропейскими странами на многосторонней основе, которые начали наиболее активно развиваться в 1970-е годы. Однако настоящий прорыв в сотрудничестве Советского Союза с этой межгосударственной региональной организацией начался только в эпоху горбачёвской «перестройки».

Вполне очевидно, что отношение Советского Союза к развитию многостороннего межгосударственного взаимодействия на Севере Европы не было статичным. От крайне негативного и осторожного, когда каждая инициатива по созданию и реализации коллективных взаимоотношений североевропейских стран в различных сферах международных связей рассматривалась советским руководством как агрессия и угроза для СССР, это отношение изменилось вплоть до предложения сотрудничества. Как уже отмечалось, официально эта инициатива исходила от Финляндии, но, зная, насколько тесными были контакты советского и финского руководства, можно предположить, что фактически это было сделано советской стороной. Конечно, для Советского Союза развитие многосторонних связей на

---

[1] Кан А.С. История скандинавских стран (Дания, Швеция, Норвегия). – М., 1980. - С. 304.

[2] Кан А.С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. – М., 1999. - С. 215.

Севере Европы не являлось приоритетным направлением отечественной внешней политики, скорее формально дополняя содержание международных отношений в регионе. Безусловно, оно сильно ограничивалось и существовавшим здесь специфическим раскладом военно-политических сил. Тем не менее, вполне правомерно утверждение, что ещё в 1960-х годах советскому руководству пришло понимание о прогрессивном характере многостороннего сотрудничества, и соответственно были сделаны первые шаги на пути интегрирования СССР в систему этих отношений.

Региональное сотрудничество на Севере Европы во второй половине XX века разворачивалось не только на межгосударственном уровне. Динамичное развитие приграничного сотрудничества также являлось характерной чертой международных отношений в этом регионе. Ярким примером такой кооперации является организация Северного Калотта, с которой ещё в 1960-е годы у регионов Советского Союза сложились хорошие связи. Эти взаимоотношения окрепли в период развития общеевропейского процесса в 1970-е годы.

«Северный Калотт» (от англ. calotte – круглый свод, верх сфероидального купола) как политический термин упоминался на Северном совете еще в 1957 году. Тогда Северным советом были даны рекомендации правительствам Норвегии, Швеции и Финляндии расширить экономические связи в северных областях[1]. Сотрудничество в Северном Калотте являлось частью деятельности Северного совета и финансировалось полностью или частично Северным советом министров[2]. В состав Северного Калотта вошли три губернии Северной Норвегии (Финнмарк, Тромс и Нордленд), а также сопредельные шведские и финские административно-территориальные образования (Норрботтен и Лапланд).

---

[1] KäKönen J. Cooperation in the European Circumpolar North // Dreaming of the Barents Region: Interpreting Cooperation in the Euro-Arctic Rim. / ed. by J. KäKönen. – Tampere. Research Reports № 73, 1996. - P. 9.

[2] KäKönen J. North Calotte as a Political Actor // Dreaming of the Barents Region: Interpreting Cooperation in the Euro-Arctic Rim. / ed. by J. KäKönen. – Tampere. Research Reports № 73, 1996. - P. 70.

Соглашение о приграничном сотрудничестве обуславливает право местных властей этих стран развивать межрегиональные связи, поскольку они не посягают на компетенцию центральных властей государств, и предполагает, что они свободно могут выдвигать инициативы, которые считают необходимыми, по проблемам, затрагивающим приграничное сотрудничество, за исключением непосредственно подпадающих под юрисдикцию государства.

Такие широкие полномочия проистекают из права местных и региональных властей самим инициировать приграничное взаимодействие и равнозначны предоставлению местным сообществам субсидиарной юрисдикции в рамках данного процесса.

Другой его интересной особенностью является тот факт, что соглашение избегает узких критериев термина «соседство». В соответствии с ним трансграничное сотрудничество открыто для всех местных сообществ независимо от того, примыкают ли их территории к национальной границе и предполагается ли сотрудничество непосредственно с соседней или иной страной, подписавшей данное соглашение.

Для координации мероприятий и проектов, реализуемых в рамках этого соглашения и под эгидой Совета министров Северных стран, первоначально работал небольшой секретариат, расположенный в Копенгагене. В настоящее время его функции перешли к секретариату программы Европейского союза по развитию многостороннего трансграничного сотрудничества (Интеррег).

Несмотря на суровый политический и идеологический климат времен холодной войны, заинтересованность Советского Союза в региональном сотрудничестве с Северным Калоттом существовала. Об этом говорит ряд фактов. Например, в 1975 году секретарем посольства СССР, представителем Союза советских обществ дружбы в Норвегии Л. Капитоновым на встрече с мэром г. Нарвика высказывалось предложение о развитии сотрудничества между Комитетом Северного Калотта и советскими органи-

зациями[1]. В декабре 1977 года в Хельсинки на встрече министров северных стран уже высшее советское руководство во главе с председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным поднимало на обсуждение вопросы о развитии отношении с Северным Калоттом[2].

Формально регионы Европейского Севера СССР не входили в Северный Калотт. Этому препятствовали идеологические и политические причины. Кроме того, к началу 1970-х годов в рамках Северного Калотта уже был достигнут достаточно высокий уровень интеграции, являвшийся непреодолимым препятствием для включения советских территорий в эту структуру. Несмотря на это, постепенно степень участия советских областей в многостороннем региональном сотрудничестве на Севере Европы возрастала, и прежде всего на уровне общественности.

Свидетельством тому служит участие советских делегаций в деятельности Северного совета Саамов, объединившего представителей коренных народностей Швеции, Норвегии и Финляндии, контакты жителей Мурманска и Мурманской области со своими соседями из приграничных областей этих стран, а также проходящие в городах Заполярья, торжества, посвященные этому региональному сотрудничеству - Дни Северного Калотта, которые проводились поочерёдно раз в два года в одной из стран-участниц. Подобные встречи проходили и в Мурманске в 1977 году[3].

Наиболее успешной формой международных контактов являлись побратимские связи городов Мурманской области и Карельской АССР. Пять городов Мурманской области имели дружеские связи с городами северных стран: Мурманск – Тромсё, Вадсе (Норвегия), Рованиеми (Финляндия), Лулео (Швеция); Апатиты – Хамерфест (Норвегия), Сданкюля, Ивало (Финляндия); Кировск – Харстад (Норвегия), Торнио (Финляндия); Никель – Киркенес (Норвегия). Столица Карелии Петрозаводск развивал дружест-

---

[1] Шилова А.Е. Советский Север и сотрудничество в Северном Калотте, 1975-1985 // С именем Ломоносова: Сб. ст. - Архангельск, 2002. - С. 129-136.
[2] АВП РФ. Ф. 116. П. 89.
[3] Соседи на крайнем севере: Россия и Норвегия. От первых контактов до Баренцева сотрудничества: Учеб. пособие. – Мурманск, 2001. - С. 288.

венные связи с Варкаусом (Финляндия) и Умео (Швеция). В соответствии с рекомендациями Комиссии по иностранным делам РСФСР, дружественные связи официально оформлялись путём подписания соответствующих соглашений на местном уровне[1]. Традиционно сотрудничество по линии городов осуществлялось по следующим направлениям: культура, спорт, туризм, научные исследования[2].

На уровне деловых контактов важнейшим направлением деятельности местного руководства в развитии международных связей являлось изучение опыта зарубежных соседей в целях его дальнейшего применения в различных отраслях промышленности, строительства, организации коммунального и бытового обслуживания для советских городов. Как следствие, широкое распространение получил обмен так называемыми специализированными делегациями, которые формировались по профессиональному принципу и направлялись для ознакомления с конкретными объектами. В постановлении Комиссии иностранных дел Верховного Совета РСФСР № 10-1-3 от 18 мая 1976 года внимание исполнительных комитетов акцентировалось, в частности, на активизации использования контактов с зарубежными городами для планомерного изучения и внедрения положительного опыта в практику разных отраслей городского хозяйства и промышленных предприятий, в решении вопросов охраны окружающей среды, в организацию бытового и культурного обслуживания населения[3].

Тем не менее, централизованная система управления в Советском Союзе значительно ограничивала возможности участия регионов Европейского Севера СССР в трансграничном сотрудничестве со скандинавскими странами. Несмотря на явное расширение международных связей советских областей, республик и краёв в середине 1970-х годов, региональные власти не обладали полномочиями инициировать приграничное сотрудни-

[1] ГАРФ. Р-9576. Оп. 20. Д. 1379. Л. 3.
[2] ГАРФ. Р-9576. Оп. 20. Д. 1378. Л. 138.
[3] ГАРФ. Р-9576. Оп. 20. Д. 1379. Л. 3.

чество и действовали в границах, установленных Москвой[1]. В северных же странах, как убедились выше, ситуация была иной. Такое различие в подходах к формированию трансграничных связей в общем не создавало непреодолимых барьеров на пути сотрудничества на региональном уровне территорий СССР с провинциями северных стран, однако, безусловно, сковывало его.

Особое место в приграничном региональном взаимодействии советского Севера не только с заполярными территориями североевропейских стран занимало экономическое сотрудничество. Одной из наиболее известных форм экономических связей являлась торговля, участниками которой становились приграничные области СССР и которая осуществлялась через специально созданную в 1960 году экспортно-импортную контору «Ленфинторг». Вся выручка от экспорта в рамках приграничной торговли оставалась в распоряжении Совета Министров союзных республик и облисполкомов. Она направлялась на закупку за рубежом потребительских товаров, машин, оборудования, сырья и материалов[2].

По мере расширения трансграничных межрегиональных связей Советского Союза система приграничного торгового обмена стала ограничивать связи с северными странами Европы. Со стороны финнов, норвежцев и шведов всё чаще поступали предложения о развитии прямых торгово-экономических связей с советскими предприятиями и областями, а не через «Ленфинторг». Однако существовавшая в СССР чрезмерная централизация не позволяла этого совершить. Тем не менее, приграничная торговля явилась одной из наиболее активно развивающихся форм сотрудничества, в которой находили отражение интересы не только центра, но и регионов.

Обострение международной обстановки на рубеже 1970-х – 1980-х годов обернулось сворачиванием трансграничного сотрудничества северо-

---

[1] Шилова А.Е. Советский Север и сотрудничество в Северном Калотте, 1975-1985 // С именем Ломоносова: Сб. ст. - Архангельск, 2002. - С. 129-136.

[2] Фёдоров В.Г. Советский Союз и Финляндия: добрососедство и сотрудничество. – М., 1988. – С. 130.

западных областей СССР с североевропейскими странами. Прекратились и сложившиеся в 1970-е годы контакты с региональными организациями. Тесными оставались связи только с Финляндией, отношения с которой в целом продолжали развиваться в русле Договора 1948 года, а кризис в международных отношениях, скорее, только укрепил советско-финляндское сотрудничество. Однако, как показало время, процесс реакции был недолгим.

Вторая половина 1980-х годов привнесла во внешнеполитический курс СССР значительные изменения в виде «нового политического мышления», которое напрямую повлияло и на отношение советского правительства к развитию трансграничного регионального сотрудничества.

Кроме уже затронутых во второй главе основных причин, обусловивших необходимость поиска новых принципов и форм советской внешней политики в североевропейском регионе, можно добавить ещё ряд условий, сложившихся в мировом сообществе и способствовавших стремлению Советского Союза наладить здесь непосредственно трансграничное региональное взаимодействие.

Во-первых, это стремление возобновить в новых формах взаимовыгодную традиционную приграничную торговлю. Во-вторых, наладить неформальный широкий культурный обмен. В-третьих, желание отреагировать на специфическую позицию стран Скандинавского полуострова в процессе созидания Единой Европы и, соответственно, на их особо активную работу в сфере формирования собственной региональной политики. Как показали события последней четверти XX и начала XXI веков, в условиях ускоряющейся глобализации народы, населяющие Скандинавский полуостров, с особой бережностью относятся к понятиям сохранения собственного идентитета и не хотят его утраты. Эта позиция во многом совпадала и, к слову, продолжает совпадать с интересами нашего государства, особенно его Северо-Западного региона. Не учесть этих обстоятельств, да

ещё и при известных сложившихся внутриполитических условиях середины 1980-х годов, руководство Советского Союза просто не имело права.

Активное восстановление трансграничных связей началось после «Мурманских инициатив» М.С. Горбачева. В марте 1988 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР №338 «О мерах по ускорению экономического и социального развития Мурманской области в 1988-90 годах и на период до 2005 года»[1]. С помощью этого постановления планировалось вновь активизировать взаимодействие Мурманской области с Северным Калоттом, что продемонстрировало желание правительства дать больше самостоятельности региональным властям в развитии международных приграничных контактов.

Во второй половине 1980-х годов вновь активизировались контакты между правительством СССР и Северным советом. Как правило, встречи проходили в рамках программ международных конференций Северного совета, например, по экологическим проблемам. Это говорило о постепенном сближении интересов Советского Союза и скандинавских государств. Шёл процесс активного поиска сфер взаимодействия не только на трансграничном уровне, но и на многостороннем межгосударственном уровне сотрудничества в регионе. Своего пика развития процесс достиг в конце 1989 года.

С осени 1989 года устанавливается прямой канал взаимодействия между Северным советом и Верховным Советом СССР. В ноябре 1989 года в Мариехамне (Аландские острова. Финляндия) состоялась третья за всю историю Северного совета чрезвычайная сессия. Формально она была созвана для обсуждения рабочей программы Совета министров на 1989-1992 годы, главным пунктом которой являлись проблемы, связанные с развитием западноевропейской интеграции. Фактически же в центре дискуссии стоял вопрос о выработке позиции Северного совета по отношению к новым

[1] Смирнов А.И. Баренцев-Евпроарктический регион: российско-норвежские отношения. - М., 2002. - С. 22

инициативам, выдвинутым М.С. Горбачевым в его речи в Хельсинском дворце «Финляндия» 26 октября 1989 года. В этом выступлении говорилось о возможности установления и развития сотрудничества между Верховным Советом СССР, Верховными советами республик, находящихся в северной части Советского Союза, и Северным советом[1]. Стоит отметить, что речь шла не о включении СССР в Северный совет, а именно об «установлении контактов и сотрудничества с этой организацией»[2].

В Северном совете наблюдалось расхождение в позициях по вопросу расширения связей с Верховным Советом СССР. «За» расширение контактов выступали центристы и левые социалисты, «против» - консерваторы и большинство социал-демократов. Сторонником установления вышеупомянутых связей был, например, член президиума Северного совета (он же председатель социал-демократической партии Дании) А. Йоргенсен. Противоположной точки зрения придерживалась бывший премьер-министр Норвегии Г.Х. Брундтланд. Шведские социал-демократы заняли сдержанную позицию. Несмотря на разногласия, 13 ноября 1989 года было принято решение: «приветствовать «новую открытость» стран Восточной Европы и их интерес к сотрудничеству и контактам между ныне существующими парламентскими органами»[3].

Следующим шагом в налаживании этих связей стал визит делегации представителей Северного совета во главе с генсеком Г. аф Шультеном в Москву 4-6 декабря того же года по приглашению секретариата Верховного Совета СССР. Состоявшиеся переговоры выявили близость взглядов и позиций по самому широкому кругу вопросов взаимного сотрудничества. Была констатирована заинтересованность в развитии практического взаимодействия в различных областях, относящихся к компетенции Северного совета, достигнута договоренность о проведении визита в СССР официальной парламентской делегации Северного совета. При этом скандинав-

[1] ГАРФ. Ф. 9497. Оп. 9. Д. 68. Л. 36.
[2] Там же.
[3] ГАРФ. Ф. 9497. Оп. 9. Д. 68. Л. 18.

ские представители подчеркивали, что основную направленность совместных мероприятий, как и всего сотрудничества двух сторон, Северный совет видит в том, чтобы реально содействовать успеху «перестройки» в СССР. Также было условлено, что между секретариатами Верховного Совета и Северного совета будет осуществляться на регулярной основе координация действий[1].

Определив несколько приоритетных областей сотрудничества, таких как культура, охрана окружающей среды, торговля, туризм, представители Северного совета в то же время дали понять, что не намерены обсуждать с Москвой вопросы политики безопасности или прав человека[2].

Министры охраны окружающей среды северных стран приняли решение о создании акционерного общества для финансирования совместных мероприятий по охране окружающей среды. Было спланировано, что акционерное общество будет участвовать в различных предприятиях по сотрудничеству со странами Восточной Европы в производстве оборудования и оказании услуг в области охраны окружающей среды. Основной капитал общества составил 342 млн. датских крон[3].

С 14 по 20 октября 1990 года состоялся официальный визит в СССР делегации Северного Совета во главе с председателем Президиума (с марта 1990 года) П. Петурссона (Исландия)[4]. 16 октября 1990 года прошла встреча в Кремле председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова с делегацией Северного совета[5]. Это посещение североевропейских парламентариев стал первой встречей на таком уровне, а данное сотрудничество получило официальное оформление.

Во второй половине XX столетия Северная Европа представила миру собственную своеобразную модель развития, характерную для целого региона, которая стала предметом обсуждения во многих странах, в том чис-

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 19.
[4] ГАРФ. Ф. 9497. Оп. 9. Д. 77. Л. 78.
[5] Там же.

ле и в Советском Союзе. Это способствовало в 1970-е - 1980-е годы прошлого века налаживанию контактов и материализации взаимной заинтересованности североевропейских государств и Советского Союза в мирное взаимодействие не только на межгосударственном уровне двухсторонних отношений.

Конечно, сложно в полной мере назвать сложившиеся связи реально действующим многосторонним региональным и трансграничным сотрудничеством. По своему географическому положению, протяженности и занимаемой площади Советский Союз никак нельзя было причислить только к северным странам, что соответственно ограничивало его участие непосредственно в развитии межгосударственного регионального взаимодействия, например, в рамках Северного совета. Кроме того, отношения складывались, не имея под собой какой-либо конкретной региональной структуры, обладающей определенной автономией от центральных государственных властей (прежде всего со стороны СССР), объединяющей и организующей это взаимодействие. Советский Союз, не являясь членом региональных организаций стран Северной Европы, скорее был партнёром этого сотрудничества, а не полноправным его участником. Тем не менее, полученный опыт явился важной вехой в развитии многосторонних региональных взаимоотношений СССР с Финляндией, Норвегией и Швецией, которые набрали силу и ускорение в 90-х годах XX века.

§ 2. Россия в международном региональном взаимодействии на Европейском Севере в 90-е годы XX века

С окончанием холодной войны периферийное положение североевропейских государств породило ряд проблем. В этой связи страны Скандинавского полуострова остро нуждались в стратегии, направленной на предотвращение как экономической, так и политической периферизации своих территорий. С другой стороны, значение скандинавского региона возросло. Он мог стать для ЕС своего рода «окном в Россию», к богатым северо-западным российским территориям, а для Российской Федерации – «окном в Европу». Важной составляющей такой стратегии стали проекты регионального сотрудничества, которое охватывало бы российские регионы и создавало новые отношения между центром и периферией в Европе. Данный подход вполне соответствовал и стремлению избежать экономического раскола Европы, и содействовал бы закреплению рыночных отношений и демократических институтов в России.

Североевропейские страны были заинтересованы в том, чтобы российские территории не оставались в стороне от интенсивного интеграционного процесса и сотрудничества в Европе. Открытие Российского Севера для трансграничного регионального сотрудничества создавало бы новые возможности для решения многочисленных проблем, прежде всего в экономической и экологической сферах. Для Финляндии и Норвегии оставалось актуальным и продолжение развития связей приграничных территорий.

Российское руководство было не меньше заинтересовано в скорейшем развитии регионального сотрудничества на Севере. Поставив задачу реформ на базе рыночных отношений, правительство очень надеялось на всестороннюю помощь со стороны стран Запада. Региональное сотрудничество через границы представлялось одним из наиболее действенных ин-

струментов успешного социально-экономического преобразования российских северных областей, которые достаточно остро ощутили трудности переходного периода. Российским правительством неоднократно подчёркивалось, что Россия в первую очередь предлагает Западу стратегию партнёрства, что Европе как можно скорее следует переходить от гуманитарной помощи и разрозненных кредитов, как бы важны они ни были для России, к целенаправленной и масштабной работе, включая поощрение инвестиций в проводимую Российской Федерацией конверсию военно-промышленного комплекса[1].

Первым шагом на пути налаживания многостороннего сотрудничества с участием России, Финляндии, Норвегии и Швеции стало создание в марте 1992 года на Конференции министров иностранных дел государств Балтийского моря Совета государств Балтийского моря (СГБМ)[2]. В Совет вошли Россия, Финляндия, Норвегия, Швеция Германия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Дания, а также Комиссия Европейских сообществ. В 1995 году в состав СГБМ была принята Исландия (несмотря на своё географическое положение вне пределов Балтики). Ряду стран (Великобритании, Италии, Нидерландам, Словакии, США, Франции, Украине) предоставлен статус наблюдателей.

Собственно Совет государств Балтийского моря состоит из министров иностранных дел, собирающихся на свои сессии. Текущими вопросами Деятельности СГБМ и подготовкой сессий Совета занимается рабочий орган – Комитет старших должностных лиц (КСДЛ), который проводит регулярные (примерно раз в месяц) заседания. В 1998 году был создан постоянный секретариат СГБМ, который расположен в Стокгольме. Задачей СГБМ, являлось усиление сотрудничества и его координации между всеми государствами Балтийского моря. Направлениями сотрудничества стран

---

[1] Козырев А. Год минувший год наступивший // Дипломатический вестник. – 1993. - №1. – С. 3-12.

[2] Россия на международных форумах. Конференция министров иностранных дел государств Балтийского моря // Дипломатический вестник. – 1992. - №7. – С.22-23.

Балтийского моря были определены: содействие новым демократическим институтам; экономическая и техническая помощь и сотрудничество; гуманитарные вопросы и здравоохранение; охрана окружающей среды и сотрудничество в области энергетики; сотрудничество в области культуры, образования, туризма и информации; транспорт и коммуникации[1].

Под эгидой Совета действуют около 60 различных структур, наиболее значимыми из которых являются Парламентская конференция Балтийского моря, Конференция по субрегиональному сотрудничеству, Союз балтийских городов, Ассоциация торговых палат, Консультативный совет деловых кругов балтийских стран и ряд других. СГБМ придаёт большое значение неправительственным организациям, обеспечивающим живое наполнение многообразных и многовекторных региональных балтийских связей. Как отмечал официальный представитель МИД России А. Яковенко, Россия в целом удовлетворена ходом развития балтийского регионального сотрудничества и своим участием в СГБМ[2].

Тем не менее, создание такой массовой организации как СГБМ не решало вопрос о том, каким должно быть многостороннее трансграничное сотрудничество с участием России именно в регионе Европейского Севера. Основной формой взаимодействия регионов российского севера с северными регионами прилегающих стран в это время ещё являлись приграничные связи, однако идеи преобразования этих отношений получали всё большее распространение.

Учитывая уже давно развивающееся взаимодействие ряда северных районов России с соседними административными единицами Норвегии, Финляндии и Швеции, вполне естественным было появление идеи включения российских территорий в состав Северного Калотта. Небезызвестно, что ещё в 1960-х - 1970-х годах обсуждались вопросы о развитии приграничных контактов в данной организации между СССР и североевропей-

---

[1] Декларация конференции министров иностранных дел государств Балтийского моря. Копенгаген, 5-6 марта 1992 г. // Дипломатический вестник. – 1992. - №7. – С. 23-26.
[2] Российская газета. – 2005. - 8 июня.

скими странами. Данное предложение было выдвинуто Финляндией, председательствующей в 1992 году в Северном Калотте. Эта инициатива подразумевала под собой включение в Северный Калотт двух российских областей Кольского полуострова (Мурманскую область и Республику Карелия). Однако против простого расширения Северного Калотта выступила Норвегия. Она выдвинула свой вариант развития многостороннего трансграничного регионального сотрудничества на севере с участием российских территорий, который и был в дальнейшем реализован.

Норвежская идея заключалась в создании новой многосторонней многоуровневой структуры. С января 1992 года началась разработка этой идеи в плановом отделе внешнеполитического ведомства Норвегии, и уже в феврале она была представлена Т. Столтенбергом.

Вопреки ожиданиям идея сначала была воспринята без воодушевления. В соответствии с замыслом Т. Столтенберга по мере реализации его проекта предполагалось передать власть Региональному Совету, что не устраивало центральные правительственные органы.

В истории слишком часто наблюдалось расхождение интересов Осло и Северной Норвегии по проблемам контактов с русскими. Население северных районов Норвегии, имевшее куда более тесные контакты со своим соседом, традиционно старалось поддерживать хорошие отношения с Россией. Ещё поморская торговля заложила основы добрососедства. В годы второй мировой войны восточная часть Финнмарка во время Петсамо-Киркенесской операции была освобождена от немецко-фашистской оккупации. Как известно, продолжались контакты приграничных территорий и во время холодной войны. В то же время общая стратегическая линия внешней политики Норвегии формировалась именно в Осло, где стереотипы периода холодной войны с традиционным образом врага в лице СССР были достаточно прочными. Норвежские власти постоянно увязывали двухсторонние советско-норвежские отношения с состоянием советско-американских взаимоотношений, а традиционно добрососедские отноше-

ния Северной Норвегии с северными областями СССР настораживали центральные власти.

Таким образом, если прежде внешняя политика осуществлялась исключительно из Осло, то по мере реализации плана Т. Столтенберга, предполагающего передачу власти местному органу, возникало опасение, что, «если дать власть Северной Норвегии, такое сотрудничество может нанести ущерб Осло»[1]. В столице опасались, что усиление власти на местах могло способствовать возрастанию их влияния на внешнюю политику страны. Как следствие, чтобы усилить координацию и контроль за процессами сотрудничества на региональном уровне, было принято решение об усилении роли г. Киркенеса, маленького города на российско-норвежской границе, и превращении его в проводника официальной линии Осло. Кроме того, оставались и опасения, свойственные периоду холодной войны. Чтобы обезопасить себя, избежать возможности усиления влияния России в сотрудничестве на севере, было решено создать противовес за счёт усиления связи с Западом. Основной подход норвежских политиков к взаимоотношению на севере с участием российских регионов, положенный в фундамент идеи, сводился к тому, что «необходимо привлекать западные страны, потому что наша свобода действий в отношении с Востоком зависит от прочных связей с Западом»[2].

Эта норвежская идея, как считает финский исследователь П. Йонниеми, и с ним сложно не согласиться, явилась более сильной по сравнению с идеей расширения Северного Калотта, которая была недостаточно отработана, чтобы конкурировать концептуально или как процесс с Баренцевой программой[3]. Норвежский вариант не имел аналогов в мире. Он включал и, как выяснилось позже, вобрал в себя все уровни взаимодействия: центральные правительства, областные и муниципальные власти, организа-

---

[1] Истэблишмент против Баренц-региона // Баренц-нютт. - 1994. - №4. - С. 7.
[2] Там же.
[3] Joenniemi P. The Barents Euro Arctic Region: On the Restructing of the Northernmost Europe. – New York, 1997. – P. 5.

ции, предприятия, неправительственные организации. Особенность этой концепции заключалась ещё и в том, что она предлагала сотрудничество через конкретные проекты, пусть и не очень значительные, но которые имели свою реальную практическую цель. Данная идея наиболее полно отвечала насущным потребностям развития системы международных взаимоотношений в регионе.

Катастрофическое ухудшение социально-экономической ситуации в России, в частности в её северо-западных областях, и неспособность центра оказывать реальную помощь вынуждало правительство переложить решение назревших проблем на регионы. Установление и развитие прямых торгово-экономических и иных отношений с соседними государствами представляло для приграничных областей вполне рациональный способ как-то держаться в критической обстановке начала 1990-х годов. Исходя из этого, норвежский проект полнее отвечал и интересам России, что обеспечило ему дополнительное преимущество.

Во время визита А. Козырева в Осло 8 марта 1992 года Т. Столтенберг предложил российскому министру идею создания Баренцева Евро-Арктического региона. Она предполагала перспективу длительного сотрудничества между Востоком и Западом, причём акцент делался преимущественно на социально-экономических проблемах. Затем министры подписали протокол о рабочей программе контактов и сотрудничества. Особое внимание в нём уделялось именно развитию экономического сотрудничества между северными регионами обеих стран, а также ещё раз уточнялась желательность полного восстановления контактов между их местными властями по образцу «поморской торговли».

Эта встреча определила начало нового периода развития отношений не только между Россией и Норвегией, чьё взаимодействие стало осевым в формирующейся структуре Баренцева сотрудничества, но и российско-финляндских и российско-шведских контактов на основе принципов доб-

рососедства, стремления к взаимовыгодному сотрудничеству и взаимопониманию.

Впервые Т. Столтенберг ввёл в политический лексикон понятие «Баренцев регион» 24 апреля 1992 года. В этот день в Тромсё состоялась встреча руководителей трёх северонорвежских губерний: Финнмарка – Э. Флеттена, Тромс – Я.Х. Ульсена, Нурланда – С. Эриксена, а также главы администрации Мурманской области - Е. Комарова и заместителя главы администрации Архангельской области – А. Ефремова. На этой же встрече была образована рабочая группа во главе с представителем Финнмарка Т. Робертсоном.

Перед рабочей группой была поставлена задача в тесной координации с центральными властями продвигать двухстороннее взаимодействие губерний в сфере экономики, науки, экологии и человеческих контактов. В подписанном на следующий день протоколе руководители губерний подчеркнули, что важным инструментом для рабочей группы станет план действий для России и стран Восточной Европы, принятый правительством Норвегии 24 апреля 1992 года. Таким образом, была подчёркнута именно норвежско-российская основа создаваемого сотрудничества[1].

Стоит заметить, что в течение всего процесса по организации взаимодействия наблюдалась некая пассивность российской стороны. У российского внешнеполитического ведомства вообще отсутствовала какая-либо сформулированная программа действий по вопросам регионального сотрудничества на Севере. Отношение к идее Баренцева сотрудничества было настороженным. Позднее в газете «Баренц-нютт» отмечалось: «Инициатива была полностью норвежская, и когда она появилась, Москва не знала, как относиться к ней, как она может быть использована, или какую роль будет играть регион во внешней политике страны»[2]. Отсюда можно заключить, что на тот момент Россия всецело играла роль пассивного партнёра,

[1] Смирнов А.И. Баренцев-Евроарктический регион. – М., 2002. – С. 24.
[2] Barens region, EU and Russia // Barens-nyt. - 1994. - № 10. – S. 16.

настороженно наблюдавшего за динамично развивающимся процессом. Это в дальнейшем вылилось в некоторые явные упущения и недостатки. Так, например, одним из «парадоксов» Баренцева сотрудничества является тот факт, что БЕАР формально не включает в себя Баренцево море. Вместе с тем, именно богатые углеводородные запасы его и других северных морей и сотрудничество в их освоении стран и региональных субъектов БЕАР могло стать важной составной частью экономической стратегии развития региона. Однако двухсторонние противоречия между Россией и Норвегией по «серой зоне» оказались сильнее, чем потенциальный выигрыш от многостороннего партнёрства в деле совместного освоения природных ископаемых на шельфе Баренцева моря.

Тем не менее, эта идея взаимодействия вполне закономерно представлялась российскому руководству, кроме налаживания экономических отношений, ещё и реальным инструментом укрепления гуманитарных и культурных связей, что соответствовало реализаций приоритетной внешнеполитической задачи – «формирования пояса добрососедства по всему периметру российских границ»[1]. Норвежская идея вполне соответствовала и решению этой проблемы. Таким образом, выбор был сделан, процесс реализации проекта пошёл очень быстрыми темпами, а Норвегии в начале 1990-х годов удалось захватить инициативу в международных отношениях этого региона.

Чуть позднее, благодаря усилиям рабочей группы и при поддержке центральных властей, в первую очередь министерств иностранных дел России, Норвегии, Швеции и Финляндии, к протоколу присоединились шведская губерния Норботтен и финская Лапландия – партнёры по сотрудничеству в рамках Северного Калотта.

Инициатива Т. Столтенберга получила высокую оценку в выступлении президента России Б.Н. Ельцина на саммите СБСЕ в Хельсинки в ию-

[1] Козырев А.В. Россия: год минувший и год наступивший // Дипломатический вестник. – 1993. - №1. – С. 3-4.

не 1992 года. После этого министерства иностранных дел России и Норвегии взяли курс на полномасштабную подготовку учредительной сессии министров иностранных дел государств, выразивших желание участвовать в создании новой европейской субрегиональной организации.

Крупным шагом по подготовке данной сессии стала встреча экспертов, учёных и дипломатов по выработке концепции создания Баренцева Евро-Арктического региона, состоявшаяся 25-27 сентября 1992 года в Киркенесе. Кроме того, в октябре 1992 года в Тромсё прошла специальная встреча экспертов по Северному морскому пути. Результаты данных встреч легли в основу дальнейшей работы по созданию новой субрегиональной организации на Севере Европы.

После интенсивных многосторонних консультаций по дипломатическим каналам при координирующей роли МИД России и Норвегии был подготовлен проект Декларации о сотрудничестве в Баренцевом Евро-Арктическом регионе[1]. Проведение сессии министров иностранных дел было согласовано на 10-11 января 1993 года в Киркенесе.

10 января 1993 года А.В. Козырев и Т. Столтенберг прибыли в г. Киркенес. Их встречали 112 журналистов из более чем 20 стран мира. Наряду с российским и норвежским министрами в г. Киркенес прибыли также министры иностранных дел и представители Дании, Исландии, Финляндии, Швеции и Комиссии Европейских Сообществ. В качестве наблюдателей выступали высокопоставленные представители из Великобритании, Германии, Польши, США, Франции и Японии. Среди участников сессии также были руководители Архангельской и Мурманской областей, норвежских губерний Финнмарк, Тромс и Нурланд, финской Лапландии, шведской Норботтен, а также представитель коренных народов – Саамского совета.

После официального открытия и вступительных речей было предложено избрать Норвегию в качестве председателя СБЕАР. Данное предложение было поддержано всеми участниками сессии, по завершению кото-

[1] См. Приложения №6.

рой состоялась церемония подписания Декларации о сотрудничестве в Баренцевом Евро-Арктическом регионе. Цели и задачи, определённые Декларацией, легли в основу создания всей организационной структуры СБЕАР. Параллельно с работой сессии руководители Архангельской и Мурманской областей, северонорвежских, финской, шведской губерний и представителей Саамского совета дорабатывали документ о создании Баренцева регионального совета. После подписания Декларации о сотрудничестве в БЕАР они скрепили своими подписями Протокол о создании Баренцева регионального совета. Создание Баренцева региона породило много мечтаний, надежд, ожиданий, хотя было очевидно, что на пути сотрудничества будут и препятствия, и сложные проблемы, которые предстояло разрешить. Так или иначе, но Баренцев регион стал реальностью.

Россия и, прежде всего, Норвегия сыграли ключевую роль в инициировании и реализации идеи Баренцева Евро-Арктического региона и развитии Баренцева процесса. Для Норвегии это было реализацией её внешнеполитических амбиций, проистекавших из успешного социально-экономического развития и превращения в одну из самых благополучных стран Европы и мира, намерения стать одним из активных игроков европейской политической сцены, деятельным участником строительства новой Европы. Не без серьёзных на то оснований, Норвегия рассчитывала реализовать себя и заработать политические очки на поприще строительства «Европы регионов», заявить себя в качестве лидера на североевропейском геополитическом пространстве.

Датой рождения принципиально нового политического механизма на международной арене, объединившего в своей структуре не только центральные национальные правительства скандинавских стран и России, но и властные элементы входящих в него территорий, стало 11 января 1993 года. При этом нельзя согласиться с определением СБЕАР финским исследователем Л. Хейниненом, который утверждал, что это была «политически навязанная сверху концепция, связанная с искусственным географическим

регионом, с элементами регионального строительства, а также с политическим реализмом и функциональным сотрудничеством»[1]. То, что эта материя под названием СБЕАР, есть порождение политиков, почти не вызывает споров, но утверждение об «искусственности» пространства, пожалуй, неверно. Более того, иногда складывается впечатление, что именно исторически, традиционно добрососедские связи явились, пусть и не осознанно многими политиками, одной из важнейших составляющих вновь созданного сотрудничества.

С этого момента вся внешнеполитическая стратегия России на Севере Европы, так или иначе, была связана с развитием многостороннего регионального сотрудничества. Двухсторонние отношения строились не без учёта соотношения национальных интересов и регионального взаимодействия, которое во второй половине 1990-х годов продолжало динамично развиваться как в количественном, так и в качественном отношениях.

В постконфронтационный период изменилось понимание понятий национальной и международной безопасности. Эти понятия стали трактоваться более широко. В них стали включать не только военно-стратегические, но и экономические, социальные, экологические, информационные проблемы, побочные эффекты глобализации, например, опасность утери национального идентитета и культурных традиций. Доктрины национальной безопасности многих стран, включая Россию, исходят именно из такого расширенного понимания безопасности[2]. Так, например, при анализе Декларации о сотрудничестве в Баренцевом Евро-Арктическом регионе, опыта деятельности СБЕАР в 1990-е годы возникает уверенность в том, что данная организация вполне может быть признана важным элементом архитектуры безопасности на Европейском Севере.

---

[1] Heininen L. Northern policies of the Arctic states: a comparative study // Europe's Northern Dimension. – Rovaniemi, 2003. - P. 234.

[2] Закон РФ о безопасности // Российская газета. 6 мая 1992. - С. 5.; Концепция национальной безопасности РФ // Российская газета. 26 декабря 1997. - С. 4-5.; Концепция национальной безопасности 10 октября 2000 года // Смирнов А.И. Баренцев-Евроарктический регион. – М., 2002. – С. 82-87.

Решению задачи обеспечения безопасности отвечало и создание в сентябре 1996 года ещё одной международной региональной организации - Арктического совета, членами которого стали не только Россия, Швеция, Норвегия и Финляндия, но и США, Канада, Дания и Исландия. Наряду с упомянутыми арктическими странами "постоянными участниками" совета являются Циркумполярная конференция инуитов, Международная ассоциация алеутов, Совет саамов, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, Арктический совет атабасканов и Международный совет гвичинов. Категория "постоянного участника" была создана для того, чтобы обеспечить активное участие и полные консультации, прежде всего, с представителями коренных народов Арктики. Количество "постоянных участников" может быть увеличено, но не должно в любом случае превышать количество государств-членов совета.

Арктический совет, собираясь на свои сессии на уровне министров раз в два года, стал постоянным межправительственным «форумом высокого уровня». Председательство в совете двухгодичное и осуществляется на основе ротации. Текущими вопросами деятельности совета и подготовкой сессий занимается его рабочий орган - Комитет старших должностных лиц (КСДЛ), который в соответствии с процедурными правилами проводит заседания два-три раза в год. Арктический совет обеспечивает сотрудничество, координацию работы и взаимодействие между арктическими странами, группами коренного населения Арктики и другими её обитателями по всем общим региональным проблемам, включавшим вопросы экономического, социального развития, улучшения здравоохранения, культурного благосостояния и защиты окружающей среды. На рассмотрение Арктического совета переданы вопросы, относящиеся к так называемому "процессу Рованиеми" - международному сотрудничеству в рамках стратегии охраны окружающей среды Арктики (АЕПС); программы арктического мониторинга и оценки (АМАП); предупреждения, готовности и реагирования

на чрезвычайные ситуации (ЕППР); сохранения арктической флоры и фауны (КАФФ); защиты арктической морской среды (ПАМЕ), устойчивого развития.

С процессом решения данных проблем связывают и предложенную 15 сентября 1997 года в Рованиеми премьер-министром Финляндии программу «Северное измерение» («СИ»), которая была одобрена и принята на саммите ЕС в июне 2000 года. Эта программа представляла особый интерес для России в связи с её масштабностью.

Финская инициатива имеет и свою предысторию. Ещё в 1994 году правительство Финляндии при премьер-министре Эско Ахо и министре иностранных дел Хейки Хависто стало использовать выражение «The Nordic Dimension», имея в виду так называемые северные ценности, - общественное благосостояние, равенство, открытость и жёсткое экологическое регулирование.

Идея «СИ» базировалась на ключевом элементе – «позитивной взаимозависимости» стран субрегиона, которая должна была способствовать интеграции России в мировую экономику через северо-восточные рубежи Европы, а также смягчить последствия расширения НАТО на Прибалтику. Поскольку экономические ресурсы и политические возможности Финляндии все-таки были ограничены, чтобы самостоятельно решить эту задачу, то необходимо было опереться на ЕС[1].

С политической точки зрения инициирование данной концепции именно со стороны Финляндии вполне закономерно. Её скандинавские соседи ещё в начале 1990-х годов сыграли активную роль в формировании новых международных интеграционных форматов: Швеция – в Балтийском регионе (в 1992), а Норвегия – в Баренцевом (в 1993). Став в 1995 году членом Европейского Союза и являясь на тот момент единственной странной ЕС, граничившей с Россией (Калининградская область не в счёт),

[1] Воронов К.В. «Северное измерение»: затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. - №2. – С. 76-86.

Финляндия впервые в своей истории получила широчайшие возможности для политического маневрирования и воздействия на международное развитие в регионе. Будучи членом ЕС, Финляндия сразу же стала стремиться проводить политику, учитывающую особенности и интересы северных стран. Памятуя о своём «проигрыше» Норвегии по вопросам расширения развития регионального сотрудничества за счёт подключения приграничных областей севера России, Финляндия разыграла другую свою карту, выступив с инициативой создания «СИ».

Изменение политического ландшафта в начале 1990-х годов несколько девальвировало отношения Хельсинки с Москвой. Несмотря на активное развитие торгово-экономических контактов, в российско-финском взаимодействии всё-таки ощущалась некоторая натянутость. Это объяснялось проблемами, возникшими с расширением НАТО, которые вообще негативно воздействовали на всю атмосферу в регионе в целом. Таким образом, финская инициатива ставила триединую задачу: закрепить свою роль в формировании политики в регионе; поднять внешнеполитический статус внутри Евросоюза, направить и использовать финансовую мощь Евросоюза на Севере.

Проект программы «СИ» предусматривал стратегическое партнёрство Брюсселя, Хельсинки и Москвы, прежде всего, в сфере энергетики, транспорта и экологии. Вместе с тем, идея проекта заключалась не только в традиционной межгосударственной кооперации, но и в привлечении приграничных регионов, муниципальных образований и прочих хозяйственных и социокультурных объектов Балтики и Баренцева моря. В этом плане программа «СИ» должна была явиться уникальным экспериментом по поиску новых кооперативных элементов и форм субрегионального сотрудничества.

Уже в 1999 году как председатель ЕС Финляндия настойчиво стала предлагать Комиссии ЕС, советам и Европарламенту уделять больше внимания вопросам Северной Европы. Первоначально финская инициатива

была воспринята сдержанно. Главными оппонентами были страны Средиземноморья, опасавшиеся, что возникнет конкуренция «Южному измерению». Довольно скептически отнеслась к проекту и Швеция, озабоченная тем, как оно повлияет на деятельность СГБМ. Однако Евросоюз как организация, имевшая северное звено в своей конфигурации, неким образом должен был выправить крен из Средиземноморья в сторону интересов севера и востока Европы и, более того, реально заинтересованный в развитии сотрудничества с Россией, в итоге не мог не пойти навстречу финнам. Кроме того, определённым толчком извне для Брюсселя стала «европейская инициатива», с которой выступил госдепартамент США. Эта активность американской дипломатии побудила штаб-квартиру ЕС не только ускорить процесс принятия программы, но и подкорректировать его.

Разработка программы «СИ» началась параллельно с выработкой Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве ЕС – РФ, которое вступило в действие 1 декабря 1997 года. Таким образом, курс ЕС на этом направлении оформился в самостоятельную линию региональной и общей политики ЕС, получившей название «Северное измерение». Особенностью этой программы явилось то, что под неё не создавалось новых политических институтов, а только предполагалось использование уже существовавших структур субрегионального сотрудничества, кроме того, под её финансирование не были выделены какие-либо дополнительные средства из фондов ЕС.

К сожалению, как показала практика начала XXI века, надежды и ожидания российского руководства 1990-х годов в реализации этой программы были несколько завышены, чем оказались реальные достижения этого проекта в первые годы его осуществления. Сразу же после начала воплощения программы «СИ» в жизнь выявился разрыв между её масштабными целями и способностью реализовать их на практике. Не считая объективных политических препятствий, на пути реализации программы оказывалось множество иных преград – экономических (нет собственного

финансирования), институциональных, бюрократических и психологических.

Вообще, за последние 10-12 лет складывалось впечатление не совсем полноценного участия Российской Федерации в многосторонних дипломатических связях на европейской арене. Например, отмечается тот факт, что только в СБЕАР Россия и ее регионы представляются наиболее полноправными членами. В отношении же участия нашей страны в реализации программы «СИ» особую актуальность пока имеет лишь сотрудничество с Финляндией, 1300 км границы с которой для России являются единственной (до вступления стран Прибалтики и Восточной Европы) границей с Евросоюзом. Безусловно, с одной стороны, можно говорить о некой закономерности ограниченного участия России в этой программе. Но, с другой стороны, интересы политики Евросоюза на Севере (в том числе и на северо-западе России) представлены далеко не одной Финляндией. С этой позиции, на наш взгляд, права Российской Федерации в реализации программы «СИ» в конце 1990-х годов были ущемлены. Однако стоит признать, что в этом не только вина наших партнёров.

Процесс вхождения России и её субъектов в международное сотрудничество был достаточно сложным и сопровождался просчетами, ошибками и нарушениями. Это объяснялось слабостью законодательной базы, отсутствием механизма координации, нехваткой в регионах квалифицированных кадров международников, опыта работы с зарубежными представителями, а в ряде случаев и неоправданными претензиями некоторых региональных лидеров на проведение собственных внешнеполитических акций. Кроме того, многие политики, экономисты, историки считают, и в этом с ними трудно не согласиться, что для более полной интеграции России в европейские структуры необходима трансформация и модернизация экономической структуры РФ в постиндустриальном направлении, но на это нужно немалое время. Исходя из вышесказанного, рядом учёных делается вывод о том, что России на долгие годы предначертана судьба источ-

ника сырья и дешевой рабочей силы, что, в свою очередь, ведет не к интеграции, а к консервации экономической отсталости и неравенства отношений РФ с Западом[1].

Итак, с начала девяностых годов XX века, после вступления в такие организации, как Совет государств Балтийского моря, Баренцев Евро-Арктический регион, Арктический Совет, сотрудничая в программе «Северное измерение», Россия превратилась в активнейшего участника интеграционных североевропейских процессов. Изучение истории становления и практики трансрегионального сотрудничества на Европейском Севере с участием России показывает, что оно может быть эффективным ответом на вызовы современности, стоящие перед регионом и, в частности, перед нашим государством. Динамичное вовлечение в 1990-х годах субъектов Российской Федерации в подобного рода сотрудничество не привело к росту сепаратизма в них. Наоборот, оно послужило катализатором демократических и социально-экономических преобразований в регионах и способствовало их интеграции в мировую экономику. К концу 1990-х годов для Российской Федерации сложилась хорошая перспектива дальнейшего позитивного развития международных отношений регионального уровня со странами Скандинавского полуострова в русле общемировых тенденций и политических процессов.

[1] Шлихтер С.Б. Регионализм и интеграция // Регионы и регионализм в странах Запада и России. – М., 2001. – С. 49-50.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа внешнеполитической деятельности СССР/России в отношении Норвегии, Финляндии и Швеции в период 70-х – 90-х годов прошлого века выделены три основных этапа её эволюции. Все они были обусловлены соответствующим развитием международных отношений на мировой арене в целом. Содержание и характер взаимоотношений СССР/РФ со странами Скандинавского полуострова зависели от занимаемого места и роли североевропейского региона в системе международных отношений в последнюю треть XX века, которые неоднократно менялись, находясь под воздействием глобальных политических процессов и тенденций. К таковым относится развитие общеевропейского процесса, распад Ялтинско-Потсдамской системы и окончание холодной войны, транснационализация международных отношений.

За это время был накоплен значительный опыт взаимодействия и сотрудничества СССР/РФ с североевропейскими странами во всех сферах отношений. Была заложена солидная правовая база, выработаны многие принципы развития современных межгосударственных взаимоотношений. Сложились тесные связи в экономической, научно-технической, социальной и культурной сферах.

Период 1970-х – первой половины 1980-х годов можно охарактеризовать как время наивысшего развития во взаимодействии СССР с государствами, расположенными на Скандинавском полуострове. За эти 15 лет, несмотря на временное усиление противостояния двух антагонистических блоков в начале 1980-х годов (как отголоска периода первых послевоенных десятилетий, выпадавшего из логики развития международных отношений периода разрядки), отношения Советского Союза со странами Скандинавского полуострова, особенно с Норвегией (членом НАТО) и Швецией, перешли на новый, более высокий уровень. Это проявилось, в

частности, в доверительном и откровенном характере встреч руководителей из Москвы, Осло, Стокгольма и Хельсинки, заключении долгосрочных межгосударственных договоров, попытках найти решение спорных вопросов. Уже тогда стали налаживаться связи международного регионального уровня с участием СССР, расширился культурный обмен, выросли показатели экономического взаимодействия. Всё это вполне можно оценить как движение по пути реализации полноценного практического сотрудничества СССР со странами Скандинавского полуострова. При этом положительные изменения данного периода были достигнуты в условиях той же системы жёсткого биполярного военно-политического противостояния в международных отношениях, которая сложилась сразу после второй мировой войны.

Такое насыщенное содержание взаимодействий Советского Союза с Финляндией, Норвегией и Швецией было следствием общеевропейского процесса. Его задачей являлось снижение уровня напряжённости в системе глобальных международных отношений путём привнесения и активного развития «второй» и «третьей корзины» (сотрудничество в сфере экономики, науки и техники, окружающей среды, культуры и образования). Это в полной мере нашло своё отражение и на международной арене Европейского Севера.

Процесс формирования отношений СССР с североевропейскими государствами во второй половине 1980-х годов связан с глубокой трансформацией всей внешнеполитической доктрины советского государства Это было вызвано как внутренними преобразованиями в СССР, так и внешними факторами.

«Новое политическое мышление» в развитии международных отношений придало связям Советского Союза со странами Фенноскандии иной характер и новое содержание. Государствам Северной Европы во многом выпала роль полигона в процессе реализации «нового политического мышления», которое строилось на новых принципах (признание современ-

ного мира единым, взаимосвязанным, взаимозависимым; баланса интересов как гаранта безопасности; преимущества общечеловеческих ценностей над любыми другими) и приоритетах советской внешней политики (деидеологизация межгосударственных отношений, совместное решение глобальных наднациональных проблем, строительство "общеевропейского дома"). За это они одними из первых получили дивиденды, например, в виде частичной демилитаризации советских приграничных территорий, ликвидации советского ядерного оружия морского базирования на Балтике и заключении ряда взаимовыгодных договоров с Советским Союзом. В свою очередь, и СССР достиг сравнительно высоких результатов. Были налажены, обострившиеся ранее, отношения с Норвегией и Швецией; проведён ряд переговоров по урегулированию некоторых двухсторонних спорных вопросов; начато обсуждение накопившихся проблем в области защиты окружающей среды; установлены связи с международными региональными институтами Севера Европы. Во всех сферах двухстороннего взаимодействия были заложены политические основы продуктивного взаимопонимания, которое продолжило развиваться уже на постсоветском пространстве.

Однако в сравнении с 1970-ми, во второй половине 1980-х годов в основных сферах двухстороннего взаимодействия диссертантом отмечено количественное снижение показателей. Например, в торгово-экономической области это объясняется последствиями «перестройки» в СССР, а также падением мировых цен на энергоносители, что являлось основной статьёй доходов Советского Союза. В культурной сфере кризис проявлялся в сокращении числа проводимых совместных мероприятий, недостаточном финансировании соответствующих организаций.

В ходе исследования диссертант пришёл к выводу, что наивысший уровень практического взаимодействия в советско-скандинавских отношениях периода 1970-х – первой половины 1980-х годов сменился во второй половине 1980-х годов активизацией, прежде всего, их политических свя-

зей, ростом значимости североевропейского направления отечественной внешней политики. Новым качественным явлением, характеризующим это время, стала открытость и инициативность внешней политики СССР, стремление советского руководства активно развивать неправительственные связи. Таким образом, позволительно утверждать, что «новое политическое мышление» применительно к Европейскому Северу сыграло положительную роль, способствовало развитию и укреплению связей Советского Союза с Финляндией, Норвегией и Швецией.

С момента распада СССР и образования РФ вплоть до начала XXI века в условиях ускорявшейся глобализации вновь активно шёл процесс формирования, становления принципов и приоритетов отечественной внешней политики. Это напрямую относилось и к российско-скандинавскому взаимодействию. Норвегия, Швеция и Финляндия в, свою очередь, также вынуждены были менять свою «восточную» стратегию. При этом нельзя не отметить и того, насколько велика с обеих сторон оказалась сила исторической инерции. Многое было заимствовано и перенесено из советской эпохи и, к сожалению, не только позитивное.

Развитие экономического, экологического, научно-технического, культурного сотрудничества России со странами Скандинавского полуострова сопровождалось процессами трансформации и расширения Североатлантического альянса, его продвижения к границам Российской Федерации. Эта тенденция была усилена практическим отказом Норвегии от самоограничений на военную деятельность с участием войск стран НАТО в сопредельных с Россией районах. Открыто стали демонстрировать своё стремление вступить в блок НАТО некоторые политические круги Швеции и Финляндии. И хотя эта идея не была реализована, она имела поддержку как значительной части населения этих государств, так и со стороны самой организации Североатлантического альянса. Оставались неурегулированными и спорные вопросы между Россией и Норвегией по Шпицбергену и особенно в «серой зоне», которые в 1990-х годах в связи с активным ос-

воением природных ресурсов Арктики, и в частности Баренцева моря, приобрели новый смысл. Таким образом, к проблеме отстаивания военно-стратегических интересов в регионе, которые вызывали неприятные аналогии с периодом советской эпохи, непонимание и зачастую раздражение России, добавились противоречия экономико-стратегические.

Российскому государству, находящемуся в глубоком кризисе, пришлось считаться и с другой тенденцией стремительно развивающегося мира – процессом расширения ЕС. После вступления в эту организацию Швеции и особенно Финляндии Россия приобрела новые составляющие взаимоотношений, определивших специфику отечественной внешнеполитической деятельности в отношении этих стран. Было выработано общее направление развития российско-шведского и российско-финляндского взаимодействия, в котором основной акцент был сделан на приумножении накопленного потенциала сотрудничества, прежде всего трансграничного, с максимальным использованием «евроизмерения». Финляндией была выдвинута способствующая этому диалогу концепция «Северного измерения». Разработка и оформление программы «СИ» начались параллельно с выработкой Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве ЕС – РФ в 1997 году. Правда, многое в этом взаимодействии ещё требовало серьёзных доработок.

Одной из главных особенностей отечественной внешнеполитической деятельности в отношении Финляндии, Швеции и Норвегии в последнее десятилетие XX века, в соответствии с концепцией внешней политики Российской Федерации и стратегией формирования «пояса добрососедства», явилось активное и в целом успешное участие России в развитии трансграничного регионального сотрудничества. В то же время, по мнению диссертанта, успешное осуществление взаимодействия на данном уровне во многом стало объективным следствием существования тесных официальных приграничных взаимоотношений, которые сложились у СССР и его субъектов со странами Скандинавского полуострова ещё в

1970-е – 1980-е годы, в том числе и в рамках сотрудничества с региональными организациями. Другое дело, что в 90-е годы XX века многостороннее взаимодействие в регионе с участием России проходило значительно оживлённее, нежели в предшествующий период, и непосредственно с членством Российской Федерации во вновь созданных региональных институтах. В 1990-х годах наиболее показательно и успешно деятельность России в международном региональном сотрудничестве на Европейском Севере (помимо участия в таких международных организациях и программах как Арктический совет, Северный форум, «Северное измерение» и др.) осуществлялась в Совете Баренцева Евро-Арктического региона. Главной особенностью данной организации является её разветвлённость (двухуровневость) и многофункциональность, что определяет высокую эффективность в решении целого комплекса проблем многостороннего взаимодействия и, что не менее важно, обеспечивает безопасность в регионе.

В целом же можно утверждать, что отношения Российской Федерации с североевропейскими странами в 1990-х годах строились в своей основе на принципах взаимного сотрудничества и обоюдной заинтересованности. Стабильность политического диалога, расширение договорно-правовой базы способствовали постоянному развитию взаимодействия, которое стало не только более многогранным, но многоуровневым. К сожалению, стало очевидным и то, что в последнее десятилетие XX века, в сравнении с предыдущими этапами развития отечественной внешней политики, Россия уступила инициативу в развитии международных отношений на Европейском Севере своим соседям.

Итак, взаимодействие Советского Союза и России с Финляндией, Норвегией и Швецией в 1970-е – 1990-е годы было весьма содержательным и носило разносторонний характер, охватывая все сферы международных отношений. Государства Скандинавского полуострова играли заметную и неуклонно возраставшую роль во внешнеполитической деятельности СССР/России последнего тридцатилетия XX века. Причинами тому

явился ряд следующих факторов: уникальная геополитическая ситуация, военно-стратегическая важность и ресурсная обеспеченность региона, высокая интенсивность глобализационных процессов, привлекательность скандинавской модели социально-экономического развития, наличие богатых культурных традиций по типу «поморской торговли» и т.д.

Необходимо отметить, что эти факторы, с одной стороны, указывают на безусловную подчинённость развития североевропейского направления внешнеполитической деятельности СССР/России от формирования её общего внешнеполитического курса и складывающихся взаимоотношений, например, с Североатлантическим альянсом или Евросоюзом. С другой стороны, названные условия предопределили и независимость североевропейского вектора советской и особенно российской внешней политики от развития отношений с блоком НАТО и ЕС. Это объясняется наличием естественных стремлений России отстаивать свои государственные интересы, территориальную целостность, обеспечивать безопасность государства во всех её сферах, осваивать месторождения природных ресурсов, развивать многостороннее региональное сотрудничество.

В настоящее время между Россией, Финляндией, Норвегией и Швецией нет принципиальных идеологических разногласий. Географическая близость делает эти страны естественными партнёрами по многим вопросам региональной и мировой повестки дня. Обеспечение экологической безопасности, борьба с оргпреступностью, наркотрафиком и незаконной миграцией, укрепление режимов нераспространения оружия массового уничтожения, недопущение дискриминации в международных политических и торгово-экономических отношениях в мире – всё это насущные проблемы современности, которые необходимо решать совместно.

Диссертант полагает, что страны Скандинавского полуострова и в дальнейшем сохранят свои значимые позиции во внешнеполитической деятельности России, и последующее взаимодействие будет проходить под знаком добрососедства в русле расширения сотрудничества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

Показатели товарооборота СССР со странами Скандинавского полуострова (1950-1985 гг.)[1]

Товарооборот СССР с Финляндией (млн. рублей) 1950-1986 годы

	1950 г.	1960 г.	**1970 г.**	1980 г.	**1985 г.**	1986 г.
Оборот	54,9	264,1	**530,7**	3888,6	**4989,7**	3972,1
Экспорт	27,9	134,3	**258,3**	2023,5	**2299,3**	1594,6
Импорт	27,0	129,8	**272,4**	1865,1	**2690,4**	2377,5

Товарооборот СССР с Норвегией (млн. рублей) 1950-1986 годы

	1950 г.	1960 г.	**1970 г.**	1980 г.	**1985 г.**	1986 г.
Оборот	25,4	32,3	**46,8**	127,6	**177,7**	121,0
Экспорт	14,0	16,3	**24,3**	49,0	**104,4**	52,1
Импорт	11,4	16,0	**22,5**	78,6	**73,3**	68,9

Товарооборот СССР со Швецией (млн. рублей) 1950-1986 годы

	1950 г.	1960 г.	**1970 г.**	1980 г.	**1985 г.**	1986 г.
Оборот	31,1	89,6	**234,9**	676,9	**798,7**	543,1
Экспорт	10,4	48,1	**105,4**	354,9	**492,1**	297,9
Импорт	20,7	41,5	**129,5**	322,0	**306,6**	245,2

Внешняя торговля СССР (млрд.рублей)

	1950 г.	1960 г.	**1970 г.**	1980 г.	**1985 г.**	1986 г.
Оборот	2,9	10,1	**22,1**	94,1	**142,1**	130,9
Экспорт	1,6	5,0	**11,5**	49,6	**72,7**	68,3
Импорт	1,3	5,1	**10,6**	44,5	**69,4**	62,6

Вся внешняя торговля СССР за период с 1970 по 1985 годы возросла приблизительно в **5,92** раза. Торговля СССР с Финляндией возросла в **9,4** раза; с Норвегией в **3,8** раза; со Швецией в **3,4** раза.

На основе приведённых данных можно заключить, что по отношению к общей внешней торговле СССР возросла только доля советско-финского оборота. Доля советско-шведского и советско-норвежского оборота снизилась.

[1] Устинов Н.И., Феонова Л.А., Николаев Д.С. Экономика и внешнеэкономические связи СССР. Справочник. М.: «Международные отношения», 1989.

Приложение №2

Общая справочная информация по Финляндии[1]

Финляндия. Финляндская Республика.
Территория – 337 тыс. кв. км.
Население – 5 млн. чел. (на 1993 год)
Столица – Хельсинки
Независимое государство с 6 декабря 1917 года

Президенты (с 1945 по 1990-е гг.)

К.Г. Маннергейм – 1944 – 1946
Ю.К. Паасикиви – 1946 – 1956
У.К. Кекконен – 1956 – 1982
М. Койвисто – 1982 – 1994
М. Ахтисаари – 1994 –

Премьер-министры (с 1945 по 1990-е гг.)

Ю.К. Паасикиви – 1944 – 1946
М. Пеккала – 1946 – 1948
К. Фагерхольм – 1948 – 1950
У.К. Кекконен – 1950 – 1953
С. Туомиоя – 1953 – 1954
Р. Тенгрен – 1954
У.К. Кекконен – 1954 – 1956
К. Фагерхольм – 1956 – 1957
В. Сукселайнен – 1957
Р. фон Фиандт – 1957 – 1958
Р. Куускоски – 1958
К. Фагерхольм – 1958
В. Сукселайнен – 1959 – 1961
М. Миеттунен – 1961 – 1962
А. Карьялайнен – 1962 – 1963
Р. Лехто – 1963 – 1964
Й. Виролайнен – 1964 – 1966
Р. Паасио – 1966 – 1968
М. Койвисто – 1968 – 1970
Т. Аура – 1970
А. Карьялайнен – 1970 – 1971
Т. Аара – 1971 – 1972

[1] Рукосуев Е.Ю. Короли, президенты, премьеры…: Научно-справочное издание - Екатеринбург, Российская Академия наук, Уральское отделение, 1996. – С.100-102.

Р. Паасио – 1972
К. Сорса – 1972 – 1975
М. Миеттунен – 1975 – 1977
К. Сорса – 1977 – 1979
М. Койвисто 1979 – 1982
К. Сорса – 1982 – 1987
Х. Холкери – 1987 – 1991
Э. Ахо – 1991 –

Приложение №3

Общая справочная информация по Швеции[1]

Швеция. Королевство Швеция.
Территория – 450 тыс. кв. км.
Население – 8,7 млн. чел. (на 1993)
Столица – Стокгольм
Независимое государство с X века

Короли (с 1945 по 1990-е гг.)

Густав V – 1907 – 1950
Густав VI Адольф – 1950 – 1973
Карл XVI Густав – 1973

Премьер-министры (с 1945 по 1990-е гг.)

П.А. Ханссон – 1936 – 1946 (СДРПШ)[2]
Т. Эрландер – 1946 – 1969 (СДРПШ)
У. Пальме – 1969 – 1976 (СДРПШ)
Т. Фельдин – 1976 – 1978 (Партия центра)
У. Ульстен – 1978 – 1979 (Народная партия)
Т. Фельдин – 1979 – 1982 (Партия центра)
У. Пальме – 1982 – 1986 (СДРПШ)
И. Карлссон – 1986 – 1991 (СДРПШ)
К. Бильдт – 1991 – 1994 (Умеренная коалиционная партия в коалиции с Народной партией, Партией центра и Христианско-демократической партией)
И. Карлссон – 1994 - 1996 (СДРПШ)
Й. Перссон – 1996 (СДРПШ)

---

[1] Рукосуев Е.Ю. Короли, президенты, премьеры…: Научно-справочное издание - Екатеринбург, Российская Академия наук, Уральское отделение, 1996. – С.118-120.
[2] Социал-демократическая рабочая партия Швеции.

Приложение №4

Общая справочная информация по Норвегии[1]

Норвегия. Королевство Норвегия.
Территория – 387 тыс. кв. км.
Население – 4,25 млн. чел. (на 1993)
Столица – Осло.

Короли (с 1945 по 1990-е гг.)

Хокон VII – 1905 – 1957
Улаф V – 1957 – 1991
Харальд V – 1991

Премьер-министры (с 1945 по 2001 гг.)

Э. Герхардсен – 1945 – 1951
О. Торп – 1951 – 1955
Э. Герхардсен – 1955 – 1963
Й. Люнг – 1963
Э. Герхардсен – 1963 – 1965
П. Бортен – 1965 – 1971
Т. Браттели – 1971 – 1972
Л. Корвальд – 1972 – 1973
Т. Браттели – 1973 – 1976
О. Нурдли – 1976 – 1981
Г.Х. Брудтланд – 1981
К. Виллок – 1981 – 1986
Г.Х. Брундтланд – 1986 – 1989
Я.П. Сюсе – 1989 – 1990
Г.Х. Брундтланд – 1990 – 1996
Я.Турбьёрн – 1996 – 1997
Ч.М. Бундевик – 1997 – 2000
Й. Столтенберг – 2000 – 2001
Ч.М. Бундевик – 2001 -

[1] Рукосуев Е.Ю. Короли, президенты, премьеры…: Научно-справочное издание – Екатеринбург: Российская Академия наук, Уральское отделение, 1996. – С.75-78.

Приложение №5

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндской республикой[1]

6 апреля 1948 г.

Президиум Верховного Совета СССР и Президент Финляндской Республики в целях дальнейшего развития дружеских отношений между СССР и Финляндией, убеждённые в том, что укрепление добрососедских отношений и сотрудничества между СССР и Финляндской Республикой отвечает жизненным интересам обеих стран, принимая во внимание стремление Финляндии оставаться в стороне от противоречий между интересами великих держав и выражая своё неуклонное стремление к сотрудничеству в интересах поддержания международного мира и безопасности соответствующее целям и принципам ООН, решили заключить в этих целях настоящий договор и назначили в качестве своих уполномоченных: Президиум Верховного Совета СССР – Вячеслава Михайловича Молотова, заместителя Председателя совета Министров и министра иностранных дел СССР; Президент Финляндской Республики – Мауно Пеккала, Премьер-министра Финляндской Республики, которые после обмена своими полномочиями, найденными в должной форме и в полном порядке, согласились о нижеследующем

Статья 1

В случае если Финляндия или Советский Союз, через территорию Финляндии станут объектом военной агрессии со стороны Германии или любого союзного с ней государства, Финляндия, верная своему долгу, самостоятельного государства будет сражаться для отражения агрессии. Финляндия направят при этом все имеющиеся в её распоряжении силы на защиту неприкосновенности своей территории на суше, на море и в воздухе, действуя в пределах своих границ в соответствии со своими обязательствами по настоящему договору, при помощи, в случае необходимости, Советского Союза или вместе с ним.

В указанных выше случаях Советский Союз окажет Финляндии необходимую помощь, о предоставлении которой стороны договорятся друг с другом.

Статья 2

Высокие договаривающиеся стороны будут консультироваться друг с другом в случае констатированной угрозы военного нападения, предусмотренного в статье 1.

Статья 3

Высокие договаривающиеся стороны подтверждают своё намерение самым искренним образом участвовать во всех мероприятиях, направленных

[1] Советско-финляндские отношения, 1948-1983. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1983. – С. 6-8.

на поддержание международного мира и безопасности соответственно целям и принципам ООН.

Статья 4

Высокие договаривающиеся стороны подтверждают содержащееся в статье 3 Мирного договора, подписанного в Париже 10 февраля 1947 года, обязательство не заключать каких – либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против другой высокой договаривающейся стороны.

Статья 5

Высокие договаривающиеся стороны подтверждают свою решимость в духе сотрудничества и дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между Советским Союзом и Финляндией.

Статья 6

Высокие договаривающиеся стороны обязуются следовать принципам взаимного уважения их государственного суверенитета и независимости, а также невмешательства во внутренние дела другого государства.

Статья 7

Осуществление настоящего договора будет находиться в соответствии с принципами ООН.

Статья 8

Настоящий договор подлежит ратификации и будет действовать в течение 10 лет со дня вступления в силу со дня обмена ратификационными грамотами, который будет произведён в Хельсинки в возможно короткий срок.

Если одна из высоких сторон не откажется за один год до истечения указанного десятилетнего срока от договора, таковой будет оставаться в силе на каждые следующие пять лет, пока одна из сторон не сделает за один год до окончания текущего пятилетия письменного предупреждения о своём намерении прекратить его действие.

В удостоверение чего уполномоченные подписали настоящий договор и преложили к нему свои печати.

Составлен в г. Москве 6 апреля 1948 года в 2-х экземплярах, каждый на русском и финском языках, причём оба текста имеют одинаковую силу.

Приложение №6

ДЕКЛАРАЦИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В БАРЕНЦЕВОМ ЕВРО-АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

(Конференция министров иностранных дел в Киркенесе, 11.01.1993 г.)[1]

Введение

11 января 1993 года в Киркенесе (Норвегия) состоялась Конференция по сотрудничеству в Баренцевом Евро-Арктическом регионе. Министры иностранных дел или представители Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии, Российской Федерации, Швеции и Комиссии европейских сообществ приняли участие в Конференции, на которой также присутствовали наблюдатели из Соединенных Штатов Америки, Канады, Франции, Германии, Японии, Польши и Великобритании.

Участники выразили свое убеждение в том, что расширение сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе будет существенно способствовать стабильности и развитию в регионе и Европе в целом, где в настоящее время партнерство приходит на смену конфронтации и разобщенности прошлого. Участники уверены, что такое сотрудничество будет способствовать международному миру и безопасности.

Участники рассматривают инициативу сотрудничества в Баренцевом регионе как часть развертывания европейского сотрудничества и интеграции новое измерение, которому придало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Они также заявили о своей уверенности в том, что установление более тесного сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе явится важным вкладом в создание новой европейской архитектуры путем обеспечения более тесных связей между Севером Европы и остальной частью континента.

Участники выразили поддержку продолжающемуся процессу реформ в России, который, в частности, направлен на укрепление демократии, рыночной экономики и местных институтов и который поэтому важен для более тесного регионального сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе.

Участники выразили желание поддержать вековую приверженность народов Баренцева Евро-Арктического региона дружбе и сотрудничеству и подчеркнули фундаментальное значение исторических перемен в результате окончания эры идеологической и военной конфронтации в Европе. Они приветствовали первые шаги, предпринятые на местном и региональном уровнях с целью развития сотрудничества, особенно создание межрегиональной рабочей группы из представителей губерний и областей Финляндии, Норвегии, России и Швеции. Они выразили свою благодарность

[1] Баренц-журнал. - №1. – 2002. – С. 102-110.

за ценный вклад в работу «Комитета Северного Калотта» в течение двух последних десятилетий северным губерниям Финляндии, Норвегии и Швеции; приняли к сведению положения отчета Конференции экспертов по проблемам Баренцева Евро-Арктического региона в Киркенесе 25-27 сентября 1992 года. Они также приняли к сведению итоги международной Конференции экспертов по вопросам Северного морского пути, состоявшейся в Тромсё (Норвегия) в октябре 1992 года.

Баренцев Евро-Арктический совет и его цели

Участники признали наличие особенностей, присущих этому Арктическому региону, в частности, таких как суровый климат, слабая населенность и обширные территории. Поэтому они договорились изучить вопрос о том, как они смогут улучшить условия для сотрудничества через границы между местными властями, институтами, промышленными и торговыми предприятиями.

В этих целях участники договорились учредить Совет Баренцева Евро-Арктического региона (в дальнейшем — «Совет») с тем, чтобы придать импульс существующему сотрудничеству и рассматривать новые инициативы и предложения. Положение о Совете прилагается.

Целью работы Совета будет содействие устойчивому развитию региона, имея в виду принципы и рекомендации, содержащиеся в декларациях Конференции в Рио и Повестки дня XXI века, Конференции ООН по окружающей среде и развитию. В этой связи Совет будет служить форумом для обсуждения двустороннего и многостороннего сотрудничества в области экономики, торговли, науки и техники, туризма, окружающей среды, инфраструктуры, образования и культурного обмена, а также проектов, специально направленных на улучшение положения коренного населения Севера.

Участники подчеркнули, что Совет не будет дублировать или подменять уже ведущуюся на двусторонней или многосторонней основе работу, но по мере возможности будет пытаться придать импульс и связанность региональному сотрудничеству и поощрять новые совместные усилия, двусторонние и многосторонние, с тем, чтобы решать возникающие проблемы и использовать возможности региона.

Они приветствовали создание регионального Совета Баренцева Евро-Арктического региона, который будет включать в себя официальных лиц от административных единиц, образующих Баренцев регион, и представителей коренного населения региона.

Участие в сотрудничестве и район его действия

Участники подчеркнули, что сотрудничество в Баренцевом регионе открыто для тех государств, которые желают принять участие в нем.

Участники отметили, что сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе будет; охватывать губернии Лапланд в Финляндии, Финнмарк, Тромс и Нурланд в Норвегии, Мурманскую и Архангельскую области в России и губернию Норрботтен в Швеции, Они констатировали, что регион может быть расширен в будущем за счет включения других административных единиц.

Окружающая среда

Участники, обратив внимание на Совместную декларацию встречи министров по вопросам окружающей среды Северных стран и Российской Федерации в Киркенесе 3 сентября
1992 года и Конвенцию по охране морской среды Северо-Восточной Атлантики, подписанную 22 сентября 1992 года, подчеркнули важность усиления двустороннего и многостороннего сотрудничества с целью защиты уязвимой окружающей среды региона.

Участники подтвердили свою приверженность стратегии охраны окружающей среды Арктики, принятой на встрече на уровне министров в Рованиеми в 1991 году, и ведущейся работе по претворению в жизнь этой стратегии, особенно в рамках программы Арктического мониторинга и оценки (АМАП). Программа действий по оценке и предотвращению опасности загрязнения в результате промышленных выбросов, работы ядерных объектов и захоронения опасных отходов в регионе необходима и должна быть подготовлена заранее для представления на следующей встрече министров по охране окружающей среды Арктики 14—16 сентября
1993 года в Нууке, Гренландия.

Участники подчеркнули, что экологические параметры должны быть в полной мере интегрированы во все виды деятельности в регионе, в том числе путем принятия странами региона общих экологических критериев использования природных ресурсов и предотвращения загрязнения в источниках его возникновения, и признали, что решение существующих значительных трансграничных проблем окружающей среды будет важным в реализации потенциала более широкого сотрудничества в регионе.

Участники констатировали, что риск загрязнения окружающей среды региона радиоактивными веществами является серьезной проблемой, и она должна быть решена, в том числе путем международного сотрудничества и совершенствования технологий обращения, хранения и захоронения радиоактивных отходов и эксплуатационной безопасности ядерных объектов.

Участники отметили важность международного сотрудничества по следующим направлениям:

• Расширение экологического и радиационного мониторинга в Баренцевом регионе.

• Совершенствование работ по эксплуатационной безопасности ядерных объектов.

• Реабилитация загрязненных территорий, возникших в результате эксплуатации ядерных объектов.

Участники подчеркнули, что в некоторых случаях, в частности, в отношении мер по совершенствованию ядерной безопасности и снижению уровня загрязняющих воздух веществ в процессе производства никеля на Кольском полуострове, в целях улучшения эффективности затрат могут быть рассмотрены международные финансовые мероприятия в дополнение к национальным финансовым вкладам.

Экономическое сотрудничество

Участники признали важность расширения экономического сотрудничества в регионе в форме торговли, инвестиций, промышленного сотрудничества и т. д. Учитывая уязвимость региона с точки зрения окружающей среды, они подчеркнули особую важность соблюдения положений Конвенции по оценке воздействия на окружающую среду (трансграничный раздел), подписанной 25 февраля 1991 года, и принципов экологической обоснованности и устойчивости во всех областях экономического сотрудничества.

Участники согласились изучить пути и способы поощрения торговли и инвестиций, создать организационную структуру, способствующую развитию сотрудничества на коммерческой основе между отдельными фирмами.

Участники признали наличие потенциала для развития в регионе в области энергетики на основе принципа экологической безопасности. Была подчеркнута важность сотрудничества в области энергосбережения.

Участники отметили важную роль Европейской энергетической хартии в установлении основополагающей взаимосвязи между энергетикой, охраной окружающей среды и экономическим развитием.

Участники рекомендовали создать условия для усиления сотрудничества в области конверсии военных производств и объектов, в том числе на коммерческой основе.

Участники согласились сотрудничать в развитии эффективного сельскохозяйственного производства в арктических и субарктических районах, в том числе с тем, чтобы обеспечить достаточные поставки продовольственных товаров высокого качества. В связи с тем, что климатические условия в различных частях региона являются схожими, участниками была подчеркнута важность обмена опытом внутри региона, в частности в таких областях, как оленеводство и лесное хозяйство.

Научно-техническое сотрудничество

Участники признали важность научно-технического сотрудничества в решении проблем региона, включая продвижение соответствующих технологий для холодного климата. Они отметили, что существуют возможности сотрудничества в областях, относящихся к геологии, океанографии, атмосферной физике, экологии и охране окружающей среды, а также в таких технологических областях, как строительство, рыболовство, аквакультура, лесное хозяйство, горная промышленность, разработка ресурсов шельфа, транспорт и связь применительно к условиям данного региона.

Участники отметили необходимость обмена соответствующим опытом, информацией и поощрения передачи технологий. Они предложили для выполнения конкретных проектов и научных программ создавать совместные научные лаборатории, экспедиции и другие структуры по типу целевых групп.

Участники подчеркнули роль, которую может сыграть в развитии научных исследований Международный арктический научный комитет.

Участники признали важное значение сотрудничества в подготовке научных кадров и специалистов.

Региональная инфраструктура

Участники подчеркнули важность совершенствования инфраструктуры транспорта и коммуникаций в регионе.

Участники отметили исследования и дискуссии, уже начатые на двустороннем и многостороннем уровнях, касающиеся транспортных и коммуникационных потребностей региона и возможных действий по удовлетворению этих потребностей. Участники призвали к тому, чтобы предварительные и окончательные результаты таких исследований и дискуссий были доступны по мере необходимости всем участвующим государствам, с тем чтобы избежать дублирования работы.

Участники решили обратиться к министрам, отвечающим за транспорт и коммуникации, с просьбой рассмотреть возможность сотрудничества, основанного, в частности, на уже ведущихся работах по транспортным и коммуникационным потребностям региона.

Участники признали прогресс, уже достигнутый путем двустороннего сотрудничества в деле развития телекоммуникаций, и выразили поддержку дальнейшим усилиям на двусторонней и многосторонней основе по дальнейшему улучшению телекоммуникаций в регионе.

Коренное население

Соответствующие участники вновь подтвердили свою приверженность обеспечению прав коренного населения Севера в соответствии с целями, поставленными в разделе 26 о коренных народах Повестки дня XXI века. Они заявили о своей приверженности укреплению коренных общин региона и заверили, что начинаемое сотрудничество будет принимать во внимание интересы коренного населения.

Соответствующие участники обратили внимание на предложение рабочей группы по вопросам коренного населения с участием представителей коренных народов и их органов самоуправления, а также центральных властей Финляндии, Норвегии, России и Швеции. Они договорились, что рабочая группа может рассмотреть, в том числе и на основе международных культурных экспедиций в районы ненцев и саамов, возможность подготовки региональной программы по восстановлению и охране памятников культуры ненцев и саамов, создание на региональной основе культурного центра ненцев в одном из ненецких автономных округов и соответствующего центра саамов в п. Ловозеро (Мурманская область), а также соответствующего регионального медицинского фонда.

Участники согласились обмениваться информацией о действующем и готовящемся законодательстве, регламентирующем положение коренных народов в своих странах.

Контакты между людьми и культурные связи

Участники подчеркнули, что расширение контактов между людьми и культурного сотрудничества в регионе должно поощряться с целью содействия конструктивному сотрудничеству и добрососедским отношениям.

Области сотрудничества, которые могут быть рассмотрены, включают в себя следующее:

- более широкие обмены по линии молодежи, учащихся, преподавателей и профессоров уровня средней школы—университета, а также по линии культуры и спорта;
- деятельность, которая могла бы предоставить женщинам региона больше возможностей для сотрудничества и обмена опытом;,
- улучшение возможностей для образования и языкового обучения в регионе;
- укрепление культурных центров, как, например, планируемого Центра культуры поморов при Поморском государственном университете в Архангельске.

Туризм

Участники подчеркнули, что туризм может играть более важную роль в экономике региона, и согласились в том, что поощрение туризма через национальные границы укрепит контакты между людьми и взаимовыгодное экономическое развитие и будет иметь положительное воздействие на занятость и деловую активность. Они призвали осуществлять дальнейшие шаги по поощрению сотрудничества в области туризма на национальном и местном уровнях, а также совместные усилия по развитию туристических объектов и инфраструктуры. В этой связи должны также быть приняты во внимание положения конвенции по оценке воздействия на окружающую среду.

г. Киркенес, 11 января 1993 года

За Правительство Российской Федерации
А.В. Козырев

За Правительство Дании

И. Мелле

За Правительство Финляндии

П.Вяюрюнен

За Правительство Исландии

Й.Сигурдссон

За Правительство Норвегии

Т. Столтенберг

За Правительство Швеции

М. аф Угглас

За Комиссию европейских сообществ

А.Р. Хьюз

Приложение №7

ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ОБ ОСНОВАХ ОТНОШЕНИЙ[1]

20 января 1992 г.

Российская Федерация и Финляндская Республика, далее именуемые Сторонами,

подчеркивая значение имевших место в Европе глубоких исторических перемен,

преследуя цели развития и укрепления добрососедских отношений и всестороннего сотрудничества между обеими странами и народами,

подтверждая свое участие в строительстве демократической, мирной и единой Европы в соответствии с хельсинкским Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Парижской Хартией и другими документами СБСЕ,

выражая свое желание сотрудничать на двусторонней основе и вместе с другими странами в целях повышения благосостояния региона Арктики, Северной Европы и района Балтийского моря,

подчеркивая исторические связи между своими народами и постоянную потребность к открытому общению,

подтверждая свою решимость неукоснительно соблюдать принципы правового государства, права человека и основные свободы, а также права национальных меньшинств и способствовать контактам между людьми,

придавая особое значение развитию демократии и экономической свободы,

сознавая свою ответственность за сохранение жизненной среды и за глобальную, региональную и взаимную экологическую безопасность,

выражая свое стремление укреплять международный мир и безопасность, а также содействовать осуществлению принципов справедливости, основных общечеловеческих ценностей и устойчивого развития в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций,

договорились о нижеследующем:

Статья I

Отношения между Сторонами будут в соответствии с Уставом ООН и Заключительным актом СБСБ строиться на таких принципах международного права, как суверенное равенство, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость границ, территориальная целостность, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных свобод, а также равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой. Стороны будут добросовестно выполнять свои обязательства по международному праву и содействовать в духе добрососедства взаимному партнерству и сотрудничеству со всеми странами.

[1] Дипломатический вестник. – 1992. - № 15-16. – С. 27-29.

Статья 2

Стороны будут проводить на регулярной основе диалог на уровне высшего государственного руководства, в также на ином правительством уровне о развитии своих стран, а также по двусторонним и международным вопросам.

Они будут содействовать контактам в различных областях деятельности между парламентами, а также между центральными, региональными и местными органами власти и управления.

Они будут проводить консультации по вопросам своих двусторонних отношений в конструктивном духе при уважении интересов друг друга.

Статья 3

Стороны обязуются сохранять границу между ними как границу добрососедства и сотрудничества в соответствии с Заключительным актом СБСЕ, уважая ее нерушимость и территориальную целостность друг друга.

Статья 4

Стороны будут воздерживаться от угрозы силой или применения силы против территориальной целостности или политической независимости другой Стороны и будут разрешать споры между ними мирными средствами в соответствии с Уставом ООН и Заключительным актом СБСЕ, а также другими документами СБСЕ.

Стороны не будут использовать или разрешать использовать свою территорию для вооруженной агрессии против другой Стороны.

В случае, если Россия или Финляндия станет объектом вооруженной агрессии, другая Сторона будет способствовать урегулированию конфликта в соответствии с принципами и положениями Устава ООН и документов СБСЕ и воздерживаться от оказания военной помощи агрессору.

Статья 5

Стороны будут решительно содействовать повышению эффективности ООН и СБСЕ в деле сохранения международного мира и безопасности. Они будут поддерживать международные усилия, направление на разоружение, контроль над вооружениями, а также укрепление доверия и безопасности в военной области.

При возникновении ситуаций, которые угрожают международному миру и безопасности, либо, в особенности, безопасности одной из Сторон, Россия и Финляндия, в случае необходимости, вступят в контакт друг с другом с целью использования предусмотренных ООН и СБСЕ методов для урегулирования конфликта.

Статья 6

Стороны будут уделять особое внимание развитию сотрудничества между Финляндией и прилегающими к ней Мурманским, Карельским я Санкт-Петербургским регионами.

Статья 7

Стороны будут развивать взаимное экономическое и научно-техническое сотрудничество на основе принципов рыночной экономики и взаимной выгоды.

Статья 8

Стороны будут активно сотрудничать в вопросах охраны окружающей среды, в решении экологических проблем и в рациональном использовании природных ресурсов в соответствии с принципом устойчивого развития.

Статья 9

Стороны будут содействовать взаимным обменам в областях культуры и науки на основе богатых традиций общения между своими народами, а также единых европейских и общечеловеческих ценностей.

Стороны будут поощрять контакты и общение между своими гражданами в духе единой Европы. В этой связи особое внимание будет уделяться развитии и расширению молодежных контактов.

Они будут создавать условия для расширения прямых связей между людьми, учреждениями и организациями на основе плюрализма и открытости.

Статья 10

Стороны будут поддерживать сохранение самобытности финнов и родственных финнам народов и национальностей в России и, соответственно, выходцев из России в Финляндии. Они будут охранять языки, культуру в памятники истории друг друга.

Статья II

Стороны будут заключать необходимые договоры и соглашения для содействия осуществлению целей настоящего Договора.

Статья 12

Настоящий Договор подлежит ратификации и вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами.

Договор будет действовать в течение десяти лет, после чего его действие будет продлеваться на каждые последующие пять лет, если ни одна из Сторон не денонсирует его, уведомив об этом в письменном виде другую Сторону не менее чем за один год до истечения соответствующего срока его действия.

Совершено в г. Хельсинки 20 января 1992 года в двух экземплярах, каждый на русском и на финском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Российскую Федерацию
Г. Бурбулис

За Финляндскую Республику
Э. Ахо

Приложение №8

Динамика российско-финляндского торгового оборота

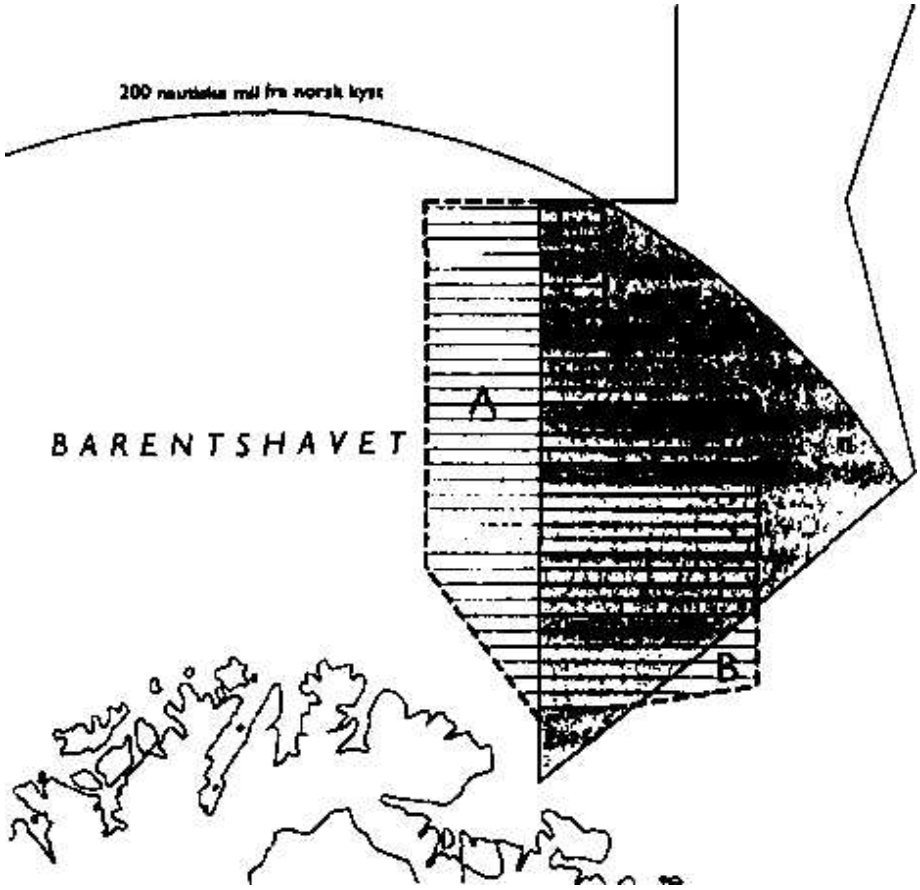
(в млн. долл. США) [1]

Годы	***1992***	***1993***	***1994***	***1995***	***1996***	***1997***	***1998***	***1999***	***2000***
Товарооборот	2172	2421	3577	3997	4692	5388	4706	3976	5165
Экспорт России в Финляндию	1500	1365	1950	2064	2229	2411	2123	2277	3181
Импорт России из Финляндии	672	1056	1627	1933	2463	2977	2583	1700	1984
Сальдо	828	309	323	131	-234	-566	-460	577	1197

[1] http://www.mid.ru Российско-финляндское торгово-экономическое сотрудничество. Справочная информация. 14.04.2004.

Приложение №9

Карта-схема «Серой зоны»[1]



A,B – Континентальный шельф.
Тёмная часть – «Серая зона»
Вертикальная линия тёмного сектора – граница, предлагаемая СССР.
Косая линия тёмного сектора – граница, предлагаемая Норвегией.

[1] Kvalvik I. Assessing the Delimitation Negotiations between Norway and the Soviet Union/Russia // Acta Borealia. – 2004. - №1. - Vol. 21. – P. 55-78.

Приложение №10

Терминологический словарь

Внешняя политика – политика, призванная регулировать взаимоотношения между государствами и народами на международной арене (Сост. Оникова Л.А. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1983. – С. 45.).

В.п. – это поведение государства в сфере всего комплекса взаимосвязей, отношений с «внешним миром», т.е. со всем тем, что лежит вне пределов данного государства.…Это политические и иные действия в среде существования объектов и субъектов внешнего мира. (Манькин А.С. Введение в теорию международных отношений. – М.: МГУ. – 2001. – С. 59-60.).

Делимитация – размежевание, установление границ. Определение гос. границы на местности с точным описанием её прохождения и нанесением на карту в соответствии с заключённым договором (Макаренко В.А. Краткий словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика. – 1993. – С. 103.).

Дипломатия – комплекс ненасильственных инструментов и методов обеспечения государственных интересов. Д. в формальном смысле включает в себя официальную деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению переговоров, дипломатической переписки, организации встреч глав государств, международных форумов, представительства государства в международных структурах и пр. Более широко Д. можно понимать как процесс и способ долговременного управления внешними связями государства, в котором проявляется не только его осязаемая мощь, но и комплекс несиловых возможностей для достижения целей внешней политики, качества лидеров, сила дипломатической традиции, технологический уровень информационного обеспечения внешней политики и др. (Манькин А.С. Введение в теорию международных отношений. – М.: МГУ. – 2001. – С. 60-62.).

Д. – официальная деятельность глав и правительств государств, а также их специальных органов по осуществлению целей и задач внешней политики государства по защите прав и интересов государства, его учреждений и граждан за границей. (Сост. Оникова Л.А. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1983. – С. 88.).

Договор международный – добровольное соглашение между двумя или несколькими равноправными государствами или международными организациями, а также борющимися за своё освобождение нациями относительно установления, изменения или прекращения их взаимных прав и обязанностей в области политического, экономического, культурного сотрудничества. Д. заключаются, как правило, в письменной форме и имеют самые различные наименования – трактат, хартия, пакт, конвенция, договор, протокол, декларация, коммюнике, соглашение, модус вивенди и т.п., но обладают в принципе одинаковой юридической силой. Д., заключаемые в

устной форме, носят наименование «джентльменское соглашение». По числу участников Д. делятся на двусторонние и многосторонние; по порядку присоединения к ним – на открытые и закрытые. Д. с учетом их наименования и предмета международно-правового регулирования подразделяются на политические и об установлении дипломатических отношений, по пограничным вопросам, об экономических и научно-технических связях, по вопросам сельского хозяйства, связи, транспорта, о культурных связях, по вопросам здравоохранения и т.д. (Сост. Оникова Л.А. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1983. – С. 90-91.).

Доктрина – учение; система взглядов, принципов; формула, выражающая основную установку политической деятельности (Сост. Оникова Л.А. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1983. – С. 91.).

Интеграция – (от лат. Integration – восстановление, восполнение) – взаимосвязанность, системное соединение в единое целое и соотв. Процесс установления таких связей, сближение, объединение организаций, отраслей, регионов или стран. (Макаренко В.А. Краткий словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика. – 1993. – С. 155.)

Кондоминиум – совладение**,** совместное осуществление верховной власти двух или нескольких государств над одной и той же территорией. К. является результатом компромисса государств, спорящих о государственной принадлежности той или иной территории. (Сост. Оникова Л.А. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1983. – С. 144.)

Международный – связанный с отношениями между народами, относящийся к внешней политике. (Макаренко В.А. Краткий словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика. – 1993. – С. 238).

Пакт – международный договор, соглашение большого политического значения. П. регулирует такие внешнеполитические вопросы, как безопасность, ненападение, взаимопомощь и т.д. (Сост. Оникова Л.А. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1983. – С. 242.).

Регионализация – региональная политика (в экономике, соц. Сфере, культуре и т.д.), направленная на поощрение самостоятельного развития, на расширение прав отд. регионов. (Макаренко В.А. Краткий словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика. – 1993. – С. 357.)

Регионализм – 1) учёт национальных, экономических и др. особенностей, присущих какому-либо региону страны; 2) политика объединения группы государств какого-либо региона в экономическом, политическом, военном отношении. Макаренко В.А. Краткий словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика. – 1993. – С. 357.)

Региональный – относящийся к какой-либо территории – району, области, стране (региону). (Макаренко В.А. Краткий словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика. – 1993. – С. 357.)

Эволюция – (латин. evolutio). Развитие, процесс изменения кого-чего-нибудь от одного состояния к другому. (Толковый словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4 / Под ред. Проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – С. 1391.)